ДУГЛАС

АДАМС

АВТОСТОПОМ ПО ГАЛАКТИКЕ

• БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ •

Путеводитель хитч-хайкера по Галактике

Дуглас Ноэль Адамс

Аннотация
Дуглас Адамс. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35

Аннотация

Среди писателей-фантастов, да и среди прозаиков вообще, не так уж много авторов, способных весело и от души пошутить. А уж слепить из «гэгов» полновесный роман и вовсе под силу единицам. Скончавшийся в мае 2001 года Дуглас Адамс принадлежал к числу этих счастливчиков. Говорят, на языке оригинала романы из цикла «Автостопом по Галактике» («The Hitch Hiker`s Guide to the Galaxy» с продолжениями) — чтение феерическое. Один мой знакомый не расставался с этой книжкой на английском, когда служил срочную, еще в глубоко советские годы. При переводе, безусловно, что-то оказалось утрачено, но чтобы оценить уровень автора, с избытком хватает и оставшегося. В восприятии рядового россиянина Англия — родина чопорных дам и сдержанных джентльменов. Холоднокровие жителей туманного Альбиона давно вошло в легенды и анекдоты. Но как ни странно, именно британские писатели поставляют миру лучшую юмористическую фантастику. Дуглас Адамс и Терри Пратчетт

— несомненные классики жанра. Они мастерски обходят подводные рифы: затертые шутки, дешевые приемы… Сказывается, вероятно, многовековая традиция, от комедий Шекспира до романов Вудхауза. Кто знает, может быть лет через …дцать «Автостопом по Галактике» и «Плоский мир» будут изучать в российских школах как классический пример знаменитого британского юмора?

Дуглас Адамс
Путеводитель хитч-хайкера по Галактике

Броку и Клэр Горст, и всем прочим арлингтонцам — с благодарностью за чай, диван и сочувствие.

На самом конце Западного Завитка Галактики, в захолустье, даже не занесенном на звездные карты, есть маленькая желтая звезда, не привлекающая особого внимания.

В 149 миллионах километров от нее вертится маленькая зелено-голубая планета. Населяющие ее разумные формы жизни, происходящие от обезьян, настолько примитивны, что до сих пор считают электронные часы едва ли не высшим достижением техники.

У этой планеты есть — точнее, была — своя Проблема: большая часть ее обитателей большую часть своей жизни было несчастно. Чтобы справиться с этой проблемой, предлагалось множество способов, но большинство из них сводилось к перемещению разноцветных бумажек. Почему перемещаться должны были бумажки, неясно — ведь несчастны были отнюдь не они.

Итак, справиться с этой Проблемой не удалось. К тому же, особыми талантами большинство обитателей этой планеты не отличалось, да что там — они были просто посредственностями. Возможно, именно поэтому они и были несчастны,

даже те, кто носил электронные часы.

Все больше землян утверждало, что главной жизненной ошибкой их предков было то, что в далекой древности те спустились с деревьев. А некоторые даже говорили, что эволюция, создав сами деревья, сделала неверный шаг, и что вообще никому не стоило вылезать из океана.

А как-то в четверг — примерно через две тысячи лет после того, как одного из землян сородичи прибили к столбу гвоздями, за то, что он их призывал хоть немного подобреть, разнообразия ради — одиноко сидевшая в маленьком кафе в Рикмэнсуорте молодая землянка неожиданно поняла, почему до сих пор все шло не так, как надо, и как сделать весь мир добрым и счастливым. Ее идея была верна, и на этот раз все могло получиться, и никого ни к чему не прибили бы.

К сожалению, эта девушка не успела даже никому позвонить, чтобы рассказать о том, что пришло ей в голову, потому что произошло страшное, нелепое несчастье, и верное решение всех земных проблем было утрачено навсегда.

Но не о ней наш рассказ. Наш рассказ — об этом страшном нелепом несчастье и некоторых его последствиях.

А также — о книге, которая называется **Галак-**

тический Путеводитель для Путешествующих Автостопом. Ее написали не на Земле, издали не на Земле, и ни один землянин вплоть до этого страшного несчастья ее не видел и даже ничего о ней не слыхал.

Это, впрочем, не умаляет ее выдающихся достоинств.

Следует сказать, что это, возможно, самая выдающаяся книга из всех книг, когда-либо выпущенных огромным издательским концерном Малой Медведицы, о котором ни один землянин тоже ничего не слыхал.

Это не просто выдающаяся книга. Она пользуется огромным успехом у читателей: она более популярна, чем **Небесная книга о вкусной и здоровой пище**, исчезает с прилавков быстрее, чем **Еще пятьдесят три способа развлечься в невесомости**, и вызывает больше споров, чем серия философических супербоевиков Уулона Коллуфида **В чем ошибся Бог**, **Еще о грубых ошибках Бога**, и **Что он все-таки такое, этот Бог?** Для многих цивилизаций Восточного Завитка Галактики, не столь церемонных, Галактический Путеводитель уже с успехом заменил многотомную Encyclopaedia Galactica и стал общепринятым сводом всех знаний, поскольку, хотя в нем и

встречаются сведения неверные, или, по меньшей мере, дико неточные (а многого в нем вообще недостает), но зато у него есть два больших преимущества по сравнению с Encyclopaedia, рассчитанной в основном на любителей пешего туризма.

Во-первых, он дешевле; а во-вторых, на обложке у него большими веселыми буквами напечатан дружеский совет: **НЕ ПАНИКУЙ!** Наш рассказ о четверге, в который произошло это страшное, нелепое несчастье, о его необыкновенных последствиях, и о том, как неразрывно эти последствия связаны с этой замечательной книгой, начинается очень просто.

Он начинается с дома.

Глава 1

Дом стоял на склоне холма на окраине городка, отдельно от всех прочих. Окна его выходили на широкую равнину Западной Англии. С какой стороны ни посмотреть — так себе дом: ему было почти тридцать лет, и это квадратное приземистое строение ни своим видом, ни размерами не поднимало у прохожих настроения.

Единственный, кого этот дом хоть чем-то устраивал — Артур Дент, 30 лет, рост выше среднего, волосы темно-русые. Да и то только потому, что Денту выпало владеть этим домом. Артур жил в нем года три, с тех пор, как уехал из Лондона. Лондон его раздражал; там Артуру было не по себе. Ему вообще далеко не всегда удавалось ладить с собой. Особенно его раздражало то, что его постоянно спрашивали, чем он так раздражен. Артур работал на местном радио, а это, как он обычно говорил друзьям, намного интереснее, чем они, возможно, думают. Так оно и было — большинство его друзей работали по части рекламы.

Вечером в среду шел сильный дождь, тропинка к крыльцу вся размокла, но утром в четверг вы-

глянуло солнце. Веселый свет упал на дом Артура Дента, — как оказалось, в последний раз.

До Артура все еще не дошло, что городской совет решил снести его дом, и построить на этом месте объездную дорогу.

В 8 часов утра в четверг самочувствие Артура Дента оставляло желать много лучшего. Он открыл глаза, обвел комнату неясным взором, встал; как в тумане, проковылял к окну, увидел бульдозер, нашел шлепанцы и отправился умываться.

Зубную пасту на щетку. Почистим зубы. Зеркало повернуто к потолку. Поправим зеркало. В нем мелькнул второй бульдозер за окошком, потом небритая щека. Артур побрился, умылся и прошлепал на кухню, где намеревался разыскать что-нибудь, не вызывающее возражений у его желудка.

Кофейник, газ, кофе, молоко. Зевок. В мозгу Артура крутилось слово **желтый**, дожидаясь, пока Артур обратит на него внимание.

Бульдозер за окном был, в общем-то, не из маленьких. Артур уставился на него.

«Желтый», — подумал он и пошел одеваться. В ванной он выпил стакан воды, потом еще один. В голову ему пришла мысль, что это, возможно,

похмелье. Почему у меня похмелье? Пил я вчера или не пил? Артур решил, что, очевидно, пил. Краем глаза он снова заметил бульдозер. «Желтый», — подумал он и пошел в спальню.

Он остановился и собрался с мыслями. Бар, мелькнуло у него в голове. О господи, бар. Он смутно помнил, что вчера был страшно зол; зол потому, что случилось что-то очень важное и неприятное. С кем-то он об этом говорил, и, похоже, со многими: ему ясно вспомнилось, как на него снизу глазело множество людей. Что-то насчет новой дороги, о которой он узнал только вчера. В планах строительства она, конечно, была уже давно, но только о ней, похоже, никто не помнил. Забавно. Он глотнул воды. Ничего у них не выйдет. Никому эта дорога не нужна. В совете опять чего-то напортачили. Ничего у них не получится.

Боже, но какое после этого тяжкое похмелье. Он внимательно осмотрел свое отражение, высунул язык. «Желтый», — подумал он. В голове у него тяжко ворочалось слово **желтый**, дожидаясь, пока он обратит на него внимание.

Через пятнадцать секунд в спальне его не было. Он лежал в грязи перед большим желтым бульдозером, который направлялся к его дому.

Ничто человеческое не было чуждо мистеру Проссеру, поскольку он был человеком. Другими словами, двуногой формой жизни на углеродной основе, произошедшей от обезьян. Если быть более точным, ему было сорок лет, он был толст, неопрятен и работал в городском совете. Интересно, что он, хотя ему самому и не было это известно, был прямым потомком Чингисхана, но поколения, вклинившиеся между пращуром и потомком, и смешение рас так запутали его гены, что монгольские черты почти пропали, и все, что осталось у мистера Проссера от его прославленного предка — это заметная предрасположенность к полноте, и любовь к маленьким меховым шапочкам.

Ни в коем случае не был мистер Проссер великим воином; он был всего лишь нервным, вечно озабоченным работником городского совета. Особенно он нервничал, когда в его работе что-то не ладилось.

Сегодня не ладилось следующее: ему поручили покончить с домом Артура Дента до окончания рабочего дня. Похоже, что именно это ему и не удастся.

— Встаньте, мистер Дент, — сказал он. — У вас все равно ничего не выйдет. Не будете же вы все

время лежать перед бульдозером?! — Он пытался заставить свои глаза яростно сверкнуть, но они ему просто не желали подчиняться.

Артур повернулся в чавкающей грязи и отозвался: — Пари? Посмотрим, кто проржавеет раньше.

— Но вам же все равно придется подчиниться, — сказал мистер Проссер, схватив свою шапочку и нахлобучив ее поглубже. — Эту дорогу нужно построить, и ее построят!

— В первый раз слышу о какой-то дороге, — отозвался Артур. — А кому нужно ее строить?

Мистер Проссер погрозил ему пальцем, смутился, и убрал руку за спину.

— Как это — кому нужно ее строить? Это объезд. Такие дороги всем нужны.

Объезд — это устройство, благодаря которому люди из точки А мчатся в точку В в то время, как другие люди мчатся из точки В в точку А. Те, кто живут в точке С, как раз посередине, никак не могут взять в толк, что такого особенного в точке А, зачем столько народу из точки В так туда стремится, и что такого особенного в точке В, и зачем столько народу из точки А стремятся туда. Лучше всего было бы, думают они, если бы все вместе собрались и раз и навсегда решили, где же, черт

побери, они хотят быть.

Мистер Проссер хотел быть в точке D. Точка D — не какое-то определенное место, а просто любая точка пространства как можно дальше от точек A, B и C. У мистера Проссера в точке D был бы симпатичный маленький домик со скрещенными топориками над дверью, и мистер Проссер захаживал бы вечерами в точку E — ближайшую к точке D пивную. Жена мистера Проссера для украшения дома предпочитала, разумеется, плющ, но ему хотелось, чтобы были топоры. Он не знал почему — просто ему нравились топоры. Он покраснел, заметив, что бульдозеристы усмехаются.

Мистер Проссер переминался с ноги на ногу, но ждать было неудобно ни на той, ни на другой. Очевидно, кому-то в этой ситуации не хватало твердости, и он молил бога, чтобы это был не он.

— Вы имели право внести предложение или заявить протест в надлежащее время, — промямлил он.

— Надлежащее время! — завопил Артур. — Надлежащее время? Я первый раз услышал об этом вчера, когда ко мне явился какой-то рабочий. Я спросил: «Вы пришли вымыть окна?» «Нет», — сказал он, «снести дом». Он, конечно, не сказал об

этом сразу, нет. Сначала он протер пару стекол и взял с меня пять фунтов, а сказал уже потом.

— Но, мистер Дент, проект был выставлен в городской строительной конторе. Он там лежит уже 9 месяцев.

— Ну, разумеется. Как только я узнал, я бросился туда, вчера вечером. Не слишком вы старались, чтобы мы узнали об этом строительстве. Меня, во всяком случае, могли бы и предупредить.

— Но проект можно было посмотреть и в городском совете…

— Можно посмотреть!? Да мне пришлось лезть в подвал, чтоб его найти!

— Вся документация обычно там и хранится.

— И мне пришлось взять с собой фонарь!

— Наверно, там просто нет света.

— И лестницы тоже.

— Но вы все-таки нашли проект, так ведь?

— Нашел, — сказал Артур. — Конечно, нашел. Я нашел его на дне запертого шкафа в заколоченном сортире, на двери которого висела вывеска «Осторожно, леопард!»

Солнце скрылось за облаком, и на Артура Дента, который лежал в холодной грязи, опершись на локоть, легла тень. Тень легла на дом Артура Дента. Увидев это, мистер Проссер нахмурился.

— И дом-то вроде так себе, — сказал он.

— Извините, но мне он нравится. Так уж получилось.

— Объезд вам тоже понравится, — убеждал мистер Проссер.

— Замолчите, наконец, — огрызнулся Артур. — Замолчите и убирайтесь вместе со своим проклятым объездом. Ничего у вас не выйдет, вы и сами это понимаете.

Мистер Проссер открыл рот, потом закрыл его, потом сделал это еще раз и еще. Перед его глазами проносились необъяснимые, но до жути приятные видения: дом Артура Дента пожирало пламя, а сам Артур заходился криком на крыльце, пронзенный по меньшей мере тремя тяжелыми копьями. Подобные видения часто одолевали мистера Проссера и весьма беспокоили его. Секунду он колебался, но затем взял себя в руки.

— Мистер Дент, — воззвал он.

— Да? Что? — отозвался Артур.

— Информация к размышлению — для вас. Как вы думаете, что случится с этим бульдозером, если он случайно вас переедет?

— И что же с ним случится? — заинтересовался Артур.

— Ничего, — отрезал мистер Проссер и нервно

зашагал прочь. Он не мог понять, почему перед глазами у него гарцевали сотни всадников, одетых в шкуры, и все что-то ему кричали.

По забавному совпадению, **ничего** — это все, что знал Артур Дент, который произошел от обезьяны, об одном из своих лучших друзей, который от обезьяны не происходил, а родился на маленькой планете в окрестностях Бетельгейзе, а не в Гилдфорде, как говорил обычно.

Артур Дент никогда в жизни не подозревал этого. Его друг прибыл на Землю лет пятнадцать назад — земных лет, разумеется, — и как мог, старался влиться в земное общество, что ему удалось, надо сказать, не без успеха. К примеру, все эти пятнадцать лет он притворялся безработным актером, что ни у кого не вызывало удивления.

Все-таки он сделал один промах, без которого, в принципе, можно было обойтись. Он решил не тратить много времени на подготовку, и, проанализировав все имеющиеся у него данные о Земле, взял себе имя Форд Префект, которое, как он считал, не привлечет к себе никакого внимания.

Он был высок, но не настолько, чтобы вызвать подозрение своим ростом; привлекателен, но не настолько, чтобы вызвать подозрение красотой. Свои волнистые рыжеватые волосы он зачесы-

вал назад. Казалось, кожа на его лице тоже была оттянута с носа назад, словно после пластической операции. Что-то в нем было странное, но настолько неуловимое, что определить это было непросто. Может быть, он моргал недостаточно часто, поэтому, какой бы короткой ни была ваша беседа, ваши глаза невольно начинали слезиться — за него. Возможно, улыбался он чуть слишком широко, и собеседникам казалось, что он вот-вот вцепится им в горло.

Большинство его земных друзей считали Форда странным, но безвредным пьянчужкой. Например, он часто заявлялся без приглашения на вечеринки в университет, здорово напивался и принимался высмеивать всех астрофизиков, каких мог найти, до тех пор, пока его не вышвыривали вон. А иногда им овладевала тоска, он обо всем забывал, и смотрел в небо, словно загипнотизированный, пока кто-нибудь не спрашивал, чем он занимается. Обычно он неловко вздрагивал, потом брал себя в руки, и на лице его появлялась улыбка.

— Да так, ищу летающие блюдца, — шутил он, и все смеялись, и спрашивали его, какие именно летающие блюдца он ищет.

— Зеленые! — ухмыляясь, отвечал он, а потом

вдруг отделялся от компании, сворачивал в ближайший бар, и заказывал всем по двойной.

Такие вечера обычно плохо кончались. Форд упивался в дым, забивался в угол с какой-нибудь девицей и заплетающимся языком объяснял ей, что вообще-то цвет блюдца не имеет особого значения. Потом, ковыляя по ночным улицам, шатаясь и спотыкаясь, он расспрашивал встречных полисменов, как добраться до Бетельгейзе. Они отвечали ему примерно так: «Не кажется ли вам, сэр, что лучше пойти домой?»

— Пытаюсь, приятель, пытаюсь, — неизменно говорил Форд в этих случаях.

На самом деле, когда он, забыв обо всем, смотрел в небо, он искал любое летающее блюдце, какого бы цвета оно ни было. Он говорил «зеленые» потому, что форма торговых разведчиков Бетельгейзе была зеленого цвета.

Форд Префект отчаянно желал, чтобы хоть какое-нибудь летающее блюдце появилось поскорее, потому что пятнадцать лет — это очень долго, даже если застрянешь в месте получше, чем эта умопомрачительно тоскливая Земля. Форд хотел, чтобы летающее блюдце появилось поскорее — он знал, как подать сигнал, чтобы оно приземлилось и забрало его. Он знал, как

увидеть все чудеса Вселенной меньше чем за 30 долларов в день.

Кстати, Форд был сборщиком информации для выдающейся книги: Галактического Путеводителя для Путешествующих Автостопом.

Человек быстро ко всему привыкает, и к полудню острота в событиях вокруг дома Артура исчезла, и осталась только прочно укоренившаяся рутина. Артур вошел в роль, по которой лежал в чавкающей грязи, время от времени требуя, чтобы ему было предоставлено право на свидание с родителями, адвокатом или хорошей книгой; мистер Проссер вошел в роль, по которой снова и снова пытался убедить Артура новыми уловками, пришедшими ему в голову, разговорами вроде «На благо общества», «Движение вперед», «Однажды они, знаете, снесли мой дом, и я же не жаловался», действовал угрозами и лестью; бульдозеристы вошли в роль, по которой сидели вокруг, пили кофе и занимались опытами с постановлениями городского совета, пытаясь найти лазейку, могущую повернуть дело к их финансовой выгоде. Земля медленно двигалась по своему неизменному пути.

Под ярким солнцем грязь, в которой лежал Артур, начала высыхать.

На него снова легла тень.

— Привет, Артур, — сказала она. Артур глянул вверх и, прищурившись, не без удивления увидел, что над ним стоит Форд Префект.

— Форд! Привет, как живешь?

— Отлично, — ответил Форд, — слушай, ты очень занят?

— Занят? — воскликнул Артур. — Вот, посмотри — я раздобыл все эти бульдозеры и прочую ерунду, чтобы полежать перед ними, а если я встану, они снесут мой дом, к тому же… да нет, не особенно, а что? На Бетельгейзе не знают сарказма, и Форду не всегда удавалось заметить его, особенно если он был недостаточно внимателен. Он сказал:
— Отлично. Можем мы где-нибудь поговорить?

— Что? — произнес Дент.

Казалось, Форд оглох на несколько секунд. Он уставился в небо, точно кролик, вышедший на автостраду с целью самоубийства. Потом вдруг он опустился в грязь рядом с Артуром.

— Нужно поговорить, — настаивал он.

— Ну что ж, — пожал плечами Артур, — говори.

— И выпить. Нам очень нужно выпить и поговорить. Сейчас. Пойдем в бар.

Он снова глянул на небо в тревожном ожи-

дании.

— Слушай, ты что, не понял? — воскликнул Артур. Он кивнул на Проссера. — Вон тот тип хочет снести мой дом! Форд ответил непонимающим взглядом.

— А он не может сделать это без тебя? — спросил он.

— Да я не хочу, чтобы он это сделал!

— А-а!

— Слушай, что с тобой случилось, Форд? — спросил Артур.

— Ничего. Ничего не случилось. Послушай — я должен сказать тебе самую важную вещь в твоей жизни. Я должен сказать это сейчас, причем в баре «Конь и Кучер».

— Но почему?

— Потому что тебе очень захочется выпить. Форд уставился на Артура, и тот с удивлением обнаружил, что ему все больше и больше хочется пойти с Префектом. Конечно, он не мог знать, что это сказывается опыт застольной игры, которой Форд научился в гиперпространственных портовых кабаках мадранитового рудного пояса звездной системы Бета Ориона.

Эта игра немного напоминает земную игру в гляделки, и играют в нее так:

Два игрока садятся за стол друг против друга, и перед каждым из них ставится стакан.

Между ними ставится бутылка Дженкс-спирта, который стал бессмертным благодаря древней песне орионских рудокопов:

Не наливай мне больше старого Дженкс-спирта.

О нет, не надо больше старого Дженкс-спирта!

Ведь запляшет все вокруг,

Голова помчится вдруг

Прямо в черную дыру,

Сдохну, точно, я к утру —

Так налей мне старого, грешного Дженкс-спирта!

Задача игроков — сконцентрироваться на бутылке, попытаться усилием воли приподнять ее и налить спирта в стакан противника, который потом должен его выпить.

Затем бутылка опять наполняется, и играется еще один кон. Потом еще один.

Раз уж вы начали проигрывать, то, скорее всего, на победу рассчитывать вам не придется, поскольку Дженкс-спирт, помимо своих основ-

ных свойств, также снижает телекинетические способности. Как только установленное заранее количество выпито, проигравший должен выполнить приказ партнера, который обычно непристойно физиологичен.

Форд Префект играл на проигрыш.

Форд уставился на Артура, который начинал думать, что может, в конце концов он и сам хочет пойти к «Коню и Кучеру».

— А мой дом?.. — жалобно спросил он.

Форд взглянул на мистера Проссера и внезапно им овладела озорная мысль.

— Он хочет снести твой дом?

— Ну да, он хочет построить…

— Но не может, потому что лежишь перед бульдозером, так?

— Да, и…

— Я уверен, что здесь можно найти выход, — сказал Форд. — Простите! — крикнул он.

Мистер Проссер (который в этот момент обсуждал с делегатом от бульдозеристов вопрос, наносит ли Артур Дент вред рассудку окружающих, и если да, то сколько им за это заплатят) огляделся. Он был удивлен и слегка встревожен, увидев, что полку Артура прибыло.

— Да? Что? — откликнулся он. — Мистер Дент

еще не образумился?

— Давайте предположим, что еще нет, — ответил Форд.

— Ну хорошо, — вздохнул мистер Проссер.

— Давайте также предположим, что он пролежит здесь весь день.

— Ну, и..?

— Так что ваши люди проторчат здесь весь день, ничего не делая?

— Может быть, может быть…

— Ну так вот, если вы так или иначе с этим согласны, то вам ведь не обязательно, чтобы он лежал здесь все время?

— Что?

— Вам не обязательно, — терпеливо объяснил Форд, — чтобы мистер Дент лежал здесь весь день?

Мистер Проссер подумал над этим.

— Да, в общем, нет, — сказал он, — не то чтобы обязательно… — Мистер Проссер был обеспокоен. Ему подумалось, что кто-то здесь явно городит чушь. Форд сказал: — Значит, если только вы будете считать, что он на самом деле лежит здесь, то мы с ним могли бы заскочить в бар на полчасика. Как вам это?

Мистер Проссер решил про себя, что Форд свих-

нулся.

— Что ж, в этом есть смысл, — убеждающе сказал он, думая, кого же он хочет убедить и осторожно отступая на шаг назад.

— А если вам потом надо будет на минутку исчезнуть, — сказал Форд, — мы вас не выдадим.

— Большое спасибо, — ответил мистер Проссер, который окончательно запутался в правилах игры, — большое спасибо, э-э, вы очень любезны… — Он нахмурился, потом улыбнулся, потом попытался сделать и то, и другое одновременно, что у него не получилось, вцепился в свою шапочку и нахлобучил ее еще глубже. Все, что он мог понять — это то, что он выиграл.

— Итак, — продолжал Форд Префект, — если вы будете так добры подойти и лечь…

— Что? — сказал мистер Проссер.

— Ах, простите, — сказал Форд, — возможно, я недостаточно ясно выразился. Кто-то должен лежать перед бульдозерами, так? Иначе кто же сможет их остановить — они ведь снесут дом, а?

— Что? — снова произнес мистер Проссер.

— Попросту говоря, — сказал Форд, — мой клиент, мистер Дент, заявляет, что он встанет только если вы его подмените.

— Ты что? — прошипел Артур. Форд слегка

толкнул его в бок, чтобы он замолчал.

— Вы хотите, — сказал Проссер, прислушивался к этой новой мысли, — чтобы я подошел и лег…

— Да.

— Перед бульдозером?

— Да.

— Вместо мистера Дента?

— Да.

— В грязь…

— Именно в грязь.

Как только мистер Проссер осознал, что в конечном итоге он крупно проиграл, словно тяжкое бремя свалилось у него с плеч: это было больше похоже на этот мир, каким он его знал. Он вздохнул.

— А вы в обмен на это возьмете мистера Дента с собой в бар?

— Именно, — ответил Форд, — абсолютно верно.

Мистер Проссер сделал несколько неуверенных шагов вперед и остановился.

— Обещаете? — спросил он.

— Обещаю, — ответил Форд и повернулся к Артуру.

— Ну давай, — сказал он Денту, — встань и уступи человеку место.

Артур поднялся. Все происходящее казалось ему сном.

Форд подал знак Проссеру, который печально и неловко опустился в грязь. У него было ощущение, что вся его жизнь была сном. Иногда он спрашивал себя, чей это сон, и нравится ли он тому, кому снится. Грязь обняла его зад и локти и начала просачиваться в ботинки. Форд сурово посмотрел на него.

— И никакого жульничества вроде того, чтобы снести дом мистера Дента, пока его нет, договорились?

— Сама мысль об этом, — пробормотал мистер Проссер, — даже и не начинала помышлять, — продолжал он, откинувшись назад, — о возможности появиться у меня в голове.

Он увидел, что к нему приближается представитель союза бульдозеристов, устроился поудобнее и закрыл глаза. Он попытался собраться с мыслями и подготовить доказательства того, что, улегшись в грязь вместо Дента, он не стал психом, опасным для окружающих. Сам он далеко не был в этом уверен — в его голове, казалось, был только шум, лошади, дым и зловоние льющейся крови. Так было всегда, когда он был расстроен или обманут, и он никогда не мог себе этого объяснить.

В другом измерении, о котором мы ничего не знаем, могущественный Хан рычал и бесновался от ярости, но мистер Проссер только слабо дрожал и всхлипывал. Он почувствовал, что слезы выступают у него на глазах. Бюрократическая неразбериха, злые люди в грязи, незнакомцы, которые не поймешь каким образом умудряются так тебя унизить, армия всадников у него в голове — и все смеются над ним! Ну и денек! Ну и денек. Форд Префект знал, что то, снесут дом Артура Дента или нет, значило теперь не больше, чем севшая батарейка.

Артур все еще очень нервничал.

— А мы можем ему доверять? — спросил он.

— Я готов ему верить хоть до конца света, — ответил Форд.

— О, — сказал Артур. — А это долго?

— Минут пятнадцать, — сказал Форд, — пошли, мне нужно выпить.

Глава 2

Вот что говорит encyclopaedia galactica об алкоголе.

Она говорит, что алкоголь — бесцветная летучая жидкость, получаемая ферментацией сахаров, и отмечает также его отравляющее действие на определенные формы жизни на углеродной основе.

Галактический Путеводитель для Путешествующих Автостопом также упоминает алкоголь. Он утверждает, что лучшим существующим напитком является Всегалактический Коктейль «Мозгобойный». Действие его, согласно Путеводителю, похоже на то, что вам вышибают мозги кусочком лимона, в который завернут большой золотой кирпич.

Путеводитель также сообщает, на какой планете смешивают лучший Всегалактический «Мозгобойный», на какую цену вы можете рассчитывать, и какие благотворительные организации возьмутся впоследствии за вашу реанимацию.

Там же приводится рецепт Всегалактического «Мозгобойного» Коктейля, на тот случай, если

вам захочется приготовить его самому.

Возьмите одну бутылку старого Дженкс-спирта. Влейте в Дженкс-спирт равное количество морской воды с Сантрагинуса V («О, сантрагинская морская вода!», — восклицает Путеводитель. — «О, сантрагинские рыбки!»).

Затем возьмите три кубика арктурского Мега-джина, и дайте им растаять в смеси (Мега-джин должен быть хорошо заморожен, иначе весь бензин испарится).

Пропустите через смесь небольшими пузырьками 4 литра фаллийского болотного газа в память о всех тех счастливых бродягах, которые умерли от наслаждения в трясинах Фаллии.

Осторожно, по серебряной ложке, налейте равное количество куагалактинского гипермятного экстракта, напоминающего о пьянящих ароматах Темных Зон Куагалактики, ароматах таинственных и чуть сладковатых.

Бросьте в смесь клык алголийского солнечного тигера, и смотрите, как он растворяется, разбрасывая отблески алголийских солнц в сердце напитка.

Вбрызните замфуор.

Бросьте оливку.

Пейте… но очень осторожно…

Галактический Путеводитель для Путешествующих Автостопом намного популярнее Encyclopaedia Galactica.

— Шесть кружек темного, — сказал Форд Префект бармену в «Коне и Кучере». — И побыстрее, пожалуйста, скоро конец света.

Бармен в «Коне и Кучере» не привык к подобному обращению. Он обладал чувством собственного достоинства. Он поправил очки и сурово прищурился. Форд не обратил на это никакого внимания. Он уставился в окно, и бармен вместо него сурово взглянул на Артура, который беспомощно пожал плечами и ничего не сказал.

Так что бармен сказал только: — Шесть темного. Добрый день, — и стал наливать пиво.

Потом он решил попробовать еще раз.

— Игру сегодня смотреть будете?

Форд обернулся.

— Смысла нет, — сказал он, и уставился в окно.

— Так вы что, думаете, что все заранее известно, сэр? — спросил бармен. — Шансов у «Арсенала» никаких?

— Ну почему, — ответил Форд. — Просто скоро конец света.

— Э, да-да, сэр, вы правы, — проговорил бармен, взглянув поверх очков на Артура. — «Арсенал»

легко отделался, если так.

Форд снова взглянул на бармена. Он был неподдельно удивлен.

— Вообще-то нет, — сказал он, и нахмурился. Бармен сквозь зубы втянул в себя воздух. — Ваше пиво, сэр. Шесть кружек, — сказал он.

Артур слабо улыбнулся ему и снова пожал плечами. Он повернулся и улыбнулся всем в баре на тот случай, если они слышали этот разговор.

Никто их не слышал, и никто не мог понять, с чего это он им улыбается.

Человек у стойки взглянул на Форда и Артура, взглянул на шесть кружек, молниеносно произвел в уме арифметическое действие, получил ответ, который ему понравился, и на его лице появилась глупая улыбка слабой надежды.

— Не суйся, — сказал Форд, — это нам, — и посмотрел на него таким взглядом, который заставил бы даже алголианского солнечного тигера попятиться и отправиться дальше по своим делам.

Форд хлопнул рукой по стойке, оставив на ней пятифунтовую бумажку. — Сдачи не надо, — сказал он.

— Как, с пяти фунтов? Благодарю вас, сэр!

— Вам осталось десять минут, чтобы их по-

тратить.

Бармен предпочел просто отойти к другому концу стойки.

— Форд, — сказал Артур, — ты мне, черт побери, скажешь, что случилось?

— Пей, — ответил Форд. — Твоих три кружки.

— Три кружки? — ужаснулся Артур. — В такую рань?

Сосед Форда по стойке обрадованно ухмыльнулся и кивнул. Форд не обратил на него никакого внимания. Он сказал: — Время — обман чувств. Рань — обман вдвойне.

— Очень неплохо, — заметил Артур, — можно послать в журнал. Есть в журналах разделы для подобных штучек.

— Пей.

— С чего это вдруг три кружки?

— Успокаивающее. Тебе понадобится успокаивающее.

— Успокаивающее?

— Успокаивающее.

Артур уставился в кружку.

— Или со мной что-то творится, — сказал он, — или мир всегда был такой, а я так замотался, что и не заметил…

— Ладно, — Форд отхлебнул пива, — попробую

объяснить. Сколько мы знакомы?

— Сколько? — задумался Артур. — Ну, лет пять, может, шесть. Большей частью все было нормально.

— Ладно, — повторил Форд. — А что ты скажешь, если узнаешь, что я не из Гилдфорда, а с маленькой планеты в окрестностях Бетельгейзе?

Артур пожал плечами, словно хотел сказать: — Ну и что?

— Не знаю, — наконец сказал он, глотнув пива. — А что — ты думаешь, я могу это узнать?

Форд сдался. Действительно ведь, кому нужно это знать, если скоро конец света. Он просто сказал: — Пей!

И добавил, как бы между прочим: — Скоро конец света.

Артур еще раз слабо улыбнулся всем посетителям. Увидев это, они нахмурились. Один даже сделал ему знак, чтобы он перестал улыбаться, а занялся бы своим делом.

— Сегодня, похоже, четверг, — пробормотал Артур, склонившись над кружкой. — У меня тяжелый день — четверг.

Глава 3

В этот самый четверг нечто тихо двигалось в ионосфере, на много миль над поверхностью планеты; несколько этих нечто, точнее говоря, несколько десятков этих огромных желтых нечто, похожих на плиты или громадные ломти, огромных, как небоскребы, бесшумных, как птицы. Они легко парили в вышине, грелись в электромагнитных лучах звезды Соль, выжидали, меняли строй, готовились.

Планета внизу почти ничего не знала о них, что, собственно, им в тот момент и было надо.

Никто не заметил эти огромные желтые нечто в Гринвиче, радары на мысе Канаверал не засекли их, Вумера, Джодрелл Банк и другие станции слежения проглядели их — жаль, конечно, ведь именно этого они ждали столько лет.

Их зарегистрировало только маленькое черное устройство под названием Суб-Эфирный Ощущатель, и замигало в кожаной сумке, которую Форд Префект всегда носил с собой. Содержимое сумки Форда Префекта, несомненно, была весьма интересным: у любого физика Земли глаза на лоб

вылезли бы, стоило бы ему только взглянуть в эту сумку. Поэтому Форд обычно бросал сверху пару-другую старых затертых ролей, которые будто бы репетировал. Кроме суб-эфирного ощущателя и старых ролей, в сумке у него лежал Электронный Остановщик, или Большой Палец, которым останавливают попутные машины — короткий толстый стержень черного цвета, гладкий, матовый, с крошечными циферблатом и индикатором на одном конце. Еще у Форда был прибор, похожий на увеличенный карманный калькулятор. На нем размещались сотня крошечных кнопок и экран сантиметров десяти по диагонали, на котором по первому требованию могла появиться любая из миллионов статей, хранящихся в памяти этого прибора. Казалось, он до сумасшествия сложен, и поэтому, а также по некоторым другим причинам, на его прозрачном футляре большими веселыми буквами было напечатано: НЕ ПАНИКУЙ!

Одной из некоторых других причин было то, что этот прибор на самом деле был самой выдающейся книгой из всех книг, когда-либо выпущенных огромным издательским концерном Малой Медведицы — Галактический Путеводитель для Путешествующих Автостопом. Она

выпущена в микро-суб-мезонно-электронной форме, поскольку, если бы ее напечатали на бумаге, как обычную книгу, путешественнику понадобилось бы несколько космических танкеров, чтобы взять ее с собой.

Кроме этого, в сумке Форда Префекта было несколько ручек, блокнот и большое банное полотенце из магазина Маркса и Спенсера.

Вот что сообщает Галактический Путеводитель на предмет полотенец:

Полотенце, возможно, самый необходимый предмет для межзвездного путешественника. Оно имеет некоторую практическую ценность — вы можете: завернуться в него, чтобы согреться, прыгая по холодным лунам Джаглан-Беты; использовать его, как подстилку, лежа на мраморном песке пляжей Сантрагинуса V, и вдыхая пьянящий морской воздух; спать на нем под огненно-красными звездами на пустынной планете Какрафун; сделать из него парус, чтобы спуститься на плоту по ленивой реке Мотт; намочить его и завязать узлом, чтобы использовать, как оружие в рукопашной; обвязать им голову, чтобы избежать ядовитого дыма или взгляда Прожорного Заглотозавера с Трааля (умопомрачительно глупое животное: оно считает, что раз вы его не

видите, то и оно вас не видит; тупое, как сапог от скафандра, но очень, очень прожорливое); полотенцем можно размахивать, подавая сигнал бедствия; и, разумеется, вытираться, если оно все еще чистое.

Но гораздо важнее неизмеримая психологическая ценность полотенца. По непонятной причине, если страг (то есть владелец транспортного средства) обнаруживает, что у путешественника, попросившего его подвезти, есть полотенце, он делает подсознательный вывод, что тот также владеет зубной щеткой, носовым платком, мылом, пачкой галет, флягой, компасом, картой, мотком бечевки, москитной сеткой, плащом и резиновыми сапогами, скафандром и т. д., и т. д. Итак, страг будет счастлив впоследствии одолжить путешественнику любой из этих или других предметов, которые тот мог «случайно потерять». Вот что подумает страг: любой, кто может на попутных проехать всю Галактику вдоль и поперек, забыть про удобства, ночевать в трущобах, бороться с жуткими опасностями, преодолевать их, и при этом все же помнит, где у него полотенце, вполне заслуживает доверия.

Поэтому в жаргоне попутников (как они сами себя называют) есть такая фраза: «Сяпаешь то-

го крутого чувика, Форда Префекта? Вот фруд, который всегда знает, где у него полотенце». *(Сяпать: знать, иметь представление, встречаться, заниматься любовью; крутой: находчивый, общительный, умный, сильный; чувик: друг, брат, сосед, сокамерник; фруд: очень крутой чувик).*

Покоясь на полотенце в сумке Форда Префекта, суб-эфирный ощущатель стал мигать чаще. Высоко над планетой огромные желтые нечто меняли строй, расходясь веером. В Джодрелл-Банке кто-то решил, что пришло время выпить чашку чаю.

— У тебя есть с собой полотенце? — неожиданно спросил Артура Форд.

Артур, поглощенный борьбой с третьей кружкой, повернулся к нему.

— А, что? Нет… а должно быть? — Он уже перестал удивляться, в этом как бы больше не было смысла.

Форд недовольно щелкнул языком.

— Пей, — приказал он.

В эту минуту снаружи послышалось отдаленное громыхание, заглушившее негромкие разговоры в баре, музыку из автомата, и икание соседа по стойке, которому Форд вдруг купил виски.

Артур захлебнулся пивом и вскочил на ноги.

— Что это? — закричал он.

— Не волнуйся, — ответил Форд, — они еще не начали.

— Слава Богу, — сказал Артур и снова сел.

— Наверно, это просто сносят твой дом, — заметил Форд, допивая пиво.

— Что? — вскричал Артур. Внезапно влияние Форда кончилось. Артур дико огляделся вокруг и бросился к окну.

— О Боже, так и есть! Мой дом сносят! Какого черта я здесь делаю, Форд?

— Сейчас это, в общем, неважно, — сказал Форд, — пускай позабавятся.

— Позабавятся? — задохнулся Артур. — Позабавятся? — Он еще раз взглянул в окно, чтобы убедиться, что они говорят об одном и том же.

— К черту их забавы! — заорал он и выбежал из бара, размахивая почти пустой пивной кружкой. В этот раз у него не появилось новых друзей.

— Прекратите, вандалы! Домоубийцы! — вопил он. — Гунны полуспятившие, прекратите сейчас же!

Форду пришлось последовать за ним. Но сначала он подозвал бармена, и попросил 4 пакета жареного арахиса.

— Арахис, сэр, — сказал бармен, выложив пакеты на стойку, — двадцать восемь пенсов, будьте

добры.

Форд был очень добр — он снова дал бармену пять фунтов и сказал, что сдачи не надо. Бармен взглянул на деньги, потом на Форда. Неожиданно его охватила дрожь: он не мог понять, что за ощущение у него появилось, потому что ни у кого на Земле оно еще никогда не появлялось. В минуты большой опасности у любой формы жизни включается тихий подсознательный сигнал. Он всего лишь точно передает вызывающее жалость чувство удаленности от места рождения. На Земле невозможно быть от него дальше, чем в двадцати тысячах километров — слишком мало, чтоб сигнал был заметен. Форд Префект был в очень большой опасности, и родился он в шестистах световых лет от Земли, в окрестностях Бетельгейзе.

Бармен покачнулся, пораженный чувством расстояния, которого не мог постичь. Он взглянул на Форда по-новому, с уважением и даже чуть-чуть со страхом.

— Вы серьезно, сэр? — прошептал он, и его шепот заставил всех посетителей замолчать. — Скоро конец света?

— Да, — сказал Форд.

— Но… сегодня?

Форд уже взял себя в руки.

— Да, — весело ответил он. — Меньше, чем через две минуты, по моим подсчетам.

Бармен не мог поверить сказанному; и чувству, которое он только что испытал, он тоже не мог поверить.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросил он.

— Нет, — ответил Форд, засовывая арахис в карман.

Кто-то в притихшем баре хрипло рассмеялся. Ему показалось смешным, что все вдруг ни с того ни с сего сошли с ума.

Сосед Форда был пьян вдрызг. Его затуманенный взор обратился к Префекту.

— Я думал, — сказал он, — что если будет конец света, то мы должны лечь лицом вниз или закрыть голову руками, или еще что-то такое.

— Если хотите, — пожал плечами Форд.

— Так нам в армии говорили, — продолжал тот, и его взгляд снова отправился в долгое путешествие, целью которого был стакан с виски.

— А это поможет? — спросил бармен.

— Нет, — ответил Форд и одарил его дружеской улыбкой. — Прошу прощения, — сказал он, — мне пора. — И, помахав рукой на прощанье, он

выбежал на улицу.

Все молчали еще с минуту, а потом, к общему замешательству, хриплый рассмеялся снова. Девица, которую он притащил с собой, сердечно ненавидела его уже около часа и, возможно, немало обрадовалась бы, если бы узнала, что через полторы минуты или около того он неожиданно испарится, превратившись в облачко водорода, озона и окиси углерода. Впрочем, в тот момент она будет слишком занята, испаряясь сама.

Бармен кашлянул. Он услышал, как его голос произнес: — Последние заказы, пожалуйста.

Огромные желтые нечто начали опускаться, все быстрее и быстрее.

Форд знал это. И этого не хотел.

Артур почти добежал до дома. Он не замечал, как вдруг стало холодно, он не замечал сильного ветра, он не замечал странного, неизвестно откуда взявшегося дождя, который лил, как из ведра. Он не замечал ничего, кроме развалин под гусеницами бульдозера, когда-то бывших его домом.

— Варвары! — выкрикивал он. — Я отсужу у вашего городского совета все деньги! Я вас повешу, утоплю и четвертую! И высеку! И буду варить вас в кипящем масле, пока… пока… пока не решу, что

с вас хватит!

Форд быстро бежал за ним. Очень, очень быстро.

— А потом я все это сделаю еще раз! — кричал Артур. — А когда закончу, соберу все, что осталось, в кучу, и станцую на ней чечетку!

Артур не заметил, что рабочие бегут прочь от его дома, что мистер Проссер в ужасе уставился в небо. Мистер Проссер увидел, что сквозь облака прорываются огромные желтые нечто. Невозможно огромные желтые нечто.

— И буду прыгать, — на бегу вопил Артур, — пока не натру мозоли, или мне в голову не придет что-нибудь еще ужаснее…

Он поскользнулся и упал ничком, покатился и перевернулся на спину. Он, наконец, заметил, что творится что-то неладное. Он указал пальцем в небо.

— Что это за чертовщина? — взвизгнул он.

Чертовщина, чем бы она ни была, перечеркнула небосвод чудовищной желтизной, разорвала его пополам с сумасшедшим грохотом и исчезла вдали, а воздух ворвался в ее след с таким бум! которое могло бы метра на два вдавить уши в череп.

За ней последовала еще одна, и все повтори-

лось, только бум! было намного громче.

Трудно точно сказать, что в этот момент делали обитатели планеты, потому что они в общем и сами не знали, что им делать. Ни в чем не было смысла — прятаться в дома, выбегать из домов, беззвучно выть, подняв лицо к небу. Во всем мире улицы городов были забиты людьми, перекрестки дорог превращались в месиво из машин, а грохот накатывался и катился дальше, словно цунами, над горами и долинами, пустынями и океанами, и казалось, вминал в землю все, на что обрушивался.

Только один человек стоял и смотрел в небо спокойно. В глазах у него была жуткая тоска, а в ушах — резиновые затычки. Он отлично знал, что происходит, знал с той самой минуты, когда его суб-эфирный ощущатель запищал в ночной тишине в раскрытой сумке, и он испуганно проснулся. Именно этого ждал он долгие годы, но когда он расшифровал сигнал, сидя в одиночестве в своей маленькой темной спальне, его охватил холод и сердце сжалось. Неужели из всех народов Галактики, что могли появиться и сказать «Привет!» планете Земля, это должны были быть именно вогены?

Но он все же знал, что надо делать. Как толь-

ко воздух перестал дрожать и корабли вогенов скрылись, он стал рыться в сумке. Он выбросил «Иосифа и его плащ мечты (установка цвета фирмы «Техниколор»)», выбросил текст «Христа» — они не пригодятся там, куда он отправляется. Все на месте, все приготовлено. Он знал, где его полотенце.

Внезапно на Земле воцарилась тишина. Пожалуй, она была даже хуже, чем грохот. С минуту ничего не происходило.

Огромные нечто недвижно висели в небе. Они висели недвижно, огромные, тяжелые, прочно обосновавшись в небе, бросая вызов законам природы. Многие из землян едва не сошли с ума, пытаясь сообразить, на что же они смотрят. Корабли инопланетян висели в небе точно так же, как не висят в небе кирпичи.

Все еще ничего не происходило.

Затем вдруг послышался легкий шорох, вездесущий и всепроникающий. Каждый проигрыватель в мире, каждый телевизор, приемник, магнитофон, громкоговоритель, каждый динамик на Земле включился сам собой.

Каждая жестянка, крышка мусорного банка, каждый кусок ржавого железа, каждое окно стали одной акустически совершенной звуковоспроиз-

водящей системой. За минуту до исчезновения, Землю использовали как самую огромную систему для обращения к общественности.

Но услышала общественность не музыку, и не звуки труб — просто голос.

— Люди Земли, прошу внимания, — сказал голос, и он был удивителен. Точнее, удивителен был превосходный квадрофонический эффект с таким низким уровнем искажения, что у всех звукооператоров слезы наворачивались на глаза.

— С вами говорит Воген Простетник Джелц из Галактического совета по планированию гиперпространства, — продолжал голос. — Как вам, без сомнения, известно, планы развития периферийных районов Галактики включают в себя постройку гиперпространственной экспресс-ветки, проходящей через вашу звездную систему. К сожалению, ваша планета подлежит сносу. Процесс сноса займет менее двух минут по земному времяисчислению. Спасибо за внимание.

Передача окончилась.

Невиданный ужас обхватил внимавших землян. Ужас медленно двигался сквозь толпы, и это выглядело так, словно под листом бумаги с рассыпанными по нему железными опилками двигался магнит. Паника сопровождала ужас,

порождая желание бежать куда угодно. Бежать было некуда.

Увидев это, вогены снова вышли в эфир. — Не стоит вести себя так, словно вы об этом не знали. Со всей проектной документацией можно было ознакомиться в районном проектном отделе на Альфе Центавра уже пятьдесят ваших земных лет назад, так что у вас было достаточно времени, чтобы внести любую жалобу в установленном порядке. Теперь поздно говорить об этом.

Вогены снова отключились, и эхо разнеслось над планетой. Огромные корабли медленно развернулись с поразительной легкостью. В дне каждого открылся люк: пустой черный квадрат.

К этому времени кому-то удалось добраться до передатчика, найти нужную длину волны и передать вогенам просьбу сжалиться над Землей. Что было передано, не слышал никто, но все слышали ответ. Снова зазвучал тот же голос, и он был полон раздражения.

— Что значит — вы никогда не были на Альфе Центавра? Бог мой, земляне, это же всего 4 световых года отсюда. Извините, но уж если вы не интересуетесь тем, что вас непосредственно касается — это ваше личное дело. Включить лучи уничтожения.

Из люков на Землю хлынул свет.

— Что за чертова ленивая планета, — сказал голос. — Нисколько не жалко. — И стих.

Ужасающая тишина.

Ужасающий звук.

Ужасающая тишина.

Строительный флот вогенов скрылся в чернильной звездной пустоте.

Глава 4

Далеко-далеко, на другом конце Галактики, за полмиллиона световых лет от звезды Соль, Зафод Библброкс, Президент Имперского Галактического Правительства, мчался по дамогранскому океану, и его дельта-катер на ионном ходу сверкал под дамогранским солнцем, а капли дамогранской воды, казалось, вспыхивали в воздухе.

Почти никто и никогда не слыхал о Дамогране. Жаркий Дамогран, далекий Дамогран.

Дамогран, скрытая обитель **Золотого Сердца**.

Катер летел вперед над волнами. Дамогран — очень неудобно устроенная планета. На нем не попадешь быстро туда, куда тебе надо. На нем нет ничего, кроме больших пустынных островов, между которыми простираются очень красивые, но раздражающе широкие проливы.

Катер летел вперед.

Благодаря этому топографическому неудобству, Дамогран всегда был малонаселенной планетой. Именно поэтому Имперское Галактическое Правительство выбрало Дамогран для осуществления проекта **Золотое Сердце** — потому, что

Дамогран был так малонаселен, а проект **Золотое Сердце** — так секретен.

Под днищем катера бурлили воды моря, моря, что разделяло главные острова единственного достаточно большого на всей планете архипелага. Зафод Библброкс торопился с крошечного космопорта на острове Пасхи (это название — совершенно случайное совпадение: на галактико, «пасха» значит «что-то маленькое, плоское и светло-коричневое») на остров **Золотого Сердца**, который по другому совершенно случайному совпадению назывался Францией.

Одним из побочных эффектов работы **Золотого Сердца** был целый ряд случайных совпадений.

Ни в коей мере, однако, не было совпадением то, что этот день, главный день Проекта, великий день Открытия, день, когда **Золотое Сердце** должно было предстать взглядам изумленной Галактики, был также главным, великим днем для Зафода Библброкса. Ради этого дня он решился стать кандидатом в Президенты. Решение это потрясло Галактику — Зафод Библброкс? Президент? Тот самый Зафод Библброкс? Тот самый Президент? Многие считали это решение последним доказательством того, что все сущее окончательно спятило.

Зафод ухмыльнулся и прибавил ходу.

Зафод Библброкс, авантюрист, бывший хиппи, графоман (аферист? вполне возможно), Зафод Библброкс, который испортил отношения со всеми, с кем только можно, и даже с теми, с кем нельзя; Зафод Библброкс, который, как многие считали, совсем рехнулся.

Президент?

Нет, в отношении Президенства Библброкса все, несомненно, были абсолютно правы — мысль самая сумасшедшая.

Только шестерым во всей Галактике известны принципы, на которых основано управление Империей, и они знали, что раз уж Зафод Библброкс объявил о своем намерении баллотироваться на пост Президента,[1] это более или менее fait

---

[1] Примечания: 1

Президент: полный титул — Президент Имперского Галактического Правительства. Термин «Имперское» сохраняется, хотя в настоящее время и является анахронизмом. Последний Император, престол к которому перешел по наследству, почти мертв, и содержится в этом состоянии уже много столетий. В последние минуты агонии он был заключен в стазис-поле, обеспечивающее его практически полную сохранность. Все его наследники давно умерли, и это означает, что власть без всяких крутых политических мер просто опустилась на одну или две ступеньки ниже, и сейчас ее представляет орган, который раньше действовал лишь как Совет при Императоре — выборное правительственное собрание, якобы возглавляемое Президентом, который выбирается этим собранием... На самом деле ничего подобного он не делает. В частности, Президента можно вообще назвать просто вывеской — он не обладает абсолютно никакой действительной властью. Он, конечно, избирается правительством, но качества,

которыми он должен обладать — качества не руководителя, а конспиратора. Основное из этих качеств — способность в любой момент совершить хорошо рассчитанную дикую выходку. Именно поэтому Президента выбирают по принципу «от противного», отдавая предпочтение фигурам, невольно вызывающим одновременно раздражение и уважение. Его работа — не управлять, но отвлекать внимание от процесса управления. По этим показателям Зафод Библброкс — один из лучших Президентов, когда-либо выбранных Правительством. Два года из 10 лет своего президентского срока он провел в тюрьме по обвинению в мошенничестве. Очень, очень немногие понимают, что Президент и Правительство не имеют абсолютно никакой власти, а из этих немногих только шестеро знают, кто же действительно обладает высшей политической властью. Большинство остальных верят, что принятие важнейших решений передано компьютеру. Из всех возможных заблуждений это — самое глубокое.

accompli: его можно было скормить публике с наибольшим успехом.

Чего им никогда не удавалось понять — зачем Зафод это сделал.

Библброкс круто повернул, послав огромный веер брызг навстречу солнцу.

Пришел день; пришел день, когда они, наконец, поймут, что нужно Зафоду Библброксу. Пришел день, ради которого Зафод стал Президентом. Пришел, кстати говоря, его двухсотый день рождения, но это было просто очередным случайным совпадением.

Катер рассекал волны, а Зафод втайне улыбался — какой это будет чудесный, восхитительный день!

Он откинулся на спинку сиденья и лениво потянулся. Правил он третьей рукой, которую недавно отрастил пониже правой, чтобы добиться лучших результатов в лыжном боксе.

— Зафод, — проворковал он, обращаясь к самому себе, — а ты смелый парень. — Но на самом деле его туго натянутые нервы издавали ужасающий грохот хроматической гаммы, играемой двумя руками с интервалом в большую секунду.

Остров Франция имел двадцать миль в длину, пять в ширину (в самой широкой части) и форму

полумесяца. Казалось, он специально сооружен лишь ради грандиозной дуги огромного залива. Это впечатление усиливалось еще и тем, что над заливом из моря высоко поднимался скалистый берег; затем скалы становились ниже и сходили на нет через пять миль на внешней стороне острова.

На краю обрыва стояла группа приветствия. Большей частью она состояла из инженеров и исследователей, строивших **Золотое Сердце**. В основном это были гуманоиды, но попадались и рептилоиды-атомщики; здесь были также два или три похожих на зеленых русалок максимегалакта, парочка осьминогоподобных физструктуралистов и хулуву. (Хулуву — это такая сверхразумная голубенькая тень.) Все, кроме хулуву, блистали многоцветьем парадных лабораторных халатов; хулуву по случаю праздника временно преломилось в стоявшей неподалеку стеклянной призме.

Все были крайне возбуждены. Пусть они нарушали все законы физики, известные и неизвестные, перестраивали саму первооснову материи, меняли и отменяли законы вероятности и невероятности, но гораздо больше, казалось, их волновала возможность лично встретить чело-

века с оранжевым шарфом на шее. (Оранжевый шарф — традиционный знак Президента Галактики). И, наверно, это волновало бы их ничуть не меньше, если бы они точно знали, какой властью обладает Президент — то есть, никакой. Только шестеро во всей Галактике знают, что работа Президента — не управлять, а только привлекать к себе внимание.

Свою работу Зафод Библброкс выполнял безупречно.

У всех перехватило дыхание, когда его катер влетел в залив. Окруженный веером брызг, катер сверкал и сиял. Группа приветствия, ослепленная солнцем Дамограна и искусством Президента, лично управлявшего катером, испустила восторженный вздох.

Веер брызг, кстати, — это совсем необязательно. Катер на ионном ходу вообще не касается воды. Его поддерживает туманное облачко ионов. Но Зафод работал на публику, и приделал к катеру два плавника, вроде подводных крыльев. Они взрезали поверхность воды, оставляя глубокие черные следы, взметая в воздух тучи брызг, и ополоумевший океан долго метался и пенился после того, как над ним пронесся Зафод Библброкс.

Зафод любил работать на публику, и это удава-

лось ему лучше всего. Он резко повернул руль, катер описал дугу и резко остановился под обрывом, слегка покачиваясь на волнах.

Через секунду Зафод был на палубе, и улыбнулся, и помахал тем, кто смотрел на него. Сейчас на него смотрели больше трех миллиардов жителей Галактики. На самом деле их там не было, но они видели каждый его жест благодаря маленьким летающим стереоробокамерам, которые подобострастно вились в воздухе поблизости.

Шутки и выходки Президента были очень популярны у зрителей.

Для этого он их и придумывал, так же как и улыбки. Три миллиарда и шесть жителей Галактики не знали, что сегодняшняя шуточка будет шуточкой экстра-класса. На такое не осмеливался еще никто.

Камера приблизилась, чтобы крупным планом снять ту из его голов, что была более популярной, и он опять помахал рукой. Внешне он, в общем, был похож на человека, если не считать второй головы и третьей руки. Светлые взъерошенные волосы торчали во все стороны, в голубых глазах светилось что-то совершенно непонятное, а подбородки почти всегда были плохо выбриты.

Рядом с катером повис прозрачный шар, раз-

мером с двухэтажный дом. Он покачивался и подпрыгивал, и блестел в ослепительных лучах солнца. Внутри висел широкий полукруглый диван, обитый роскошной красной кожей: как бы ни подпрыгивал и покачивался шар, диван оставался неподвижным, словно обитый кожей утес. Опять-таки все было сделано на публику, как и многое другое.

Зафод прошел сквозь стенку шара и удобно устроился на диване. Две руки он вытянул вдоль спинки, а третьей стряхнул с колена невидимую пылинку. Он повернул обе головы, осматриваясь, улыбнулся и залез на диван с ногами. Ему страшно хотелось радостно завопить.

Вода под шаром бурлила, словно закипая, и вдруг ударила фонтаном. Прозрачный пузырь взмыл в воздух, покачиваясь и подпрыгивая на мощной струе. Вверх, выше, еще выше поднимался он, бросая блики света на скалы, и вода ниспадала с него обратно в море с огромной высоты.

Зафод представил себе, как это выглядит со стороны, и улыбнулся.

Это один из самых необычных видов транспорта; зато он очень хорошо помогает отвлекать внимание.

Пузырь замер на краю утеса, затем скользнул по скату на небольшую вогнутую платформу, качнулся в последний раз и остановился.

Под оглушительные аплодисменты Зафод Библброкс вышел из шара. Оранжевый шарф сиял в потоках света.

Президент Галактики прибыл. Зафод дождался, пока толпа утихнет, и поднял руку для приветствия.

— Привет, — сказал он.

Робот-секретарь, похожий на паука, подбежал к нему и попытался сунуть в руку листки с приготовленной речью — второй экземпляр. Страницы первого экземпляра (с 3-й по 7-ю) в это время размокали в волнах дамогранского океана милях в пяти от залива.

Первую и вторую страницы спас от полного размокания Дамогранский хохластый орел, и уже использовал их для строительства совершенно новой модели гнезда, которую изобрел сам. Это гнездо строилось в основном из папье-маше так, что вылупившийся птенец не мог из него вывалиться, как бы ни старался. Дамогранскй хохластый орел слышал о борьбе за существование, но ввязываться в нее не собирался.

Зафоду приготовленная речь не понадобилась.

Он мягко отстранил листки, которые протягивал ему паук-секретарь.

— Привет, — повторил он.

Все радостно улыбались ему. Или почти все. В толпе он увидел Триллиан. Эту стройную, смуглую, кареглазую гуманоидку с длинными черными волосами и вздернутым носиком Зафод встретил на одной из планет, куда залетел во время очередного своего круиза инкогнито.

Из-за особым образом повязанного шарфа на голове и длинного коричневого переливчатого платья казалось, что в ней есть что-то мавританское. Никто из собравшихся, конечно, и не слышал о маврах. Их потомки только что исчезли, а когда они еще существовали, то от Дамограна их отделяло больше полумиллиона световых лет. С Зафодом Триллиан ничего особенного не связывало, по крайней мере, по его словам. Она просто часто сопровождала Библброкса и всегда говорила ему все, что она о нем думает.

— Привет, крошка, — сказал он ей.

Она ответила ему быстрой напряженной улыбкой, и отвернулась. Потом она улыбнулась ему ласковее, но он уже на нее не смотрел.

— Привет, — сказал он группе корреспондентов, стоящих, лежащих и висящих неподалеку.

Они страстно желали, чтобы он перестал говорить «Привет» и сказал что-то, что можно сунуть в репортаж. Им он улыбнулся особенно широко, зная, что через минуту они получат чертову уйму того, что можно сунуть в репортаж.

То, что он сказал дальше, впрочем, тоже не могло их удовлетворить. Один из руководителей группы приветствия пришел к неудовлетворительному выводу, что Президент, по всей видимости, не собирается читать написанную для него великолепную речь и нажал на кнопку карманного пульта.

По фасаду огромного белого здания в отдалении пробежала трещина. Здание раскололось, как скорлупка ореха, и медленно ушло под землю.

У всех снова перехватило дыхание, хотя они отлично знали, что так и будет. Именно они все это придумали.

Взглядам открылся огромный космический корабль, полтораста метров в длину, изящный, как новенькая кроссовка, ослепительно белый и умопомрачительно прекрасный. В самом сердце его был спрятан маленький золотой ящичек, а внутри него — самое головоломное из всех когда-либо изобретавшихся устройств: то, что сделало этот корабль единственным в истории Галак-

тики, устройство, в честь которого был назван корабль — **Золотое Сердце**.

— Ух ты, — сказал Зафод Библброкс. Ничего другого ему в голову не пришло.

Он знал, что это не по вкусу репортерам, и потому повторил: — Ух ты!

Толпа снова ожидающе повернулась к нему. Он подмигнул Триллиан, а она подняла брови и сделала большие глаза. Она знала, что он собирается сказать, и считала, что он, со своей страстью к эффектам, хватил через край.

— Потрясающе, — сказал он. — Точно, просто потрясающе. Так потрясающе потрясающе, что я, наверно, решился бы его украсть.

Великолепное изречение, истинно президентское по форме. Толпа одобрительно засмеялась, журналисты радостно защелкала кнопками своих суб-эфирных информателей, и Президент ухмыльнулся.

Он ухмыльнулся еще раз, и радостный вопль запросился из его сердца наружу, и он сжал в пальцах карманную стой-столбомбу.

И наконец, он не мог больше себя сдерживать. Он поднял оба лица к небу, испустил дикий вопль в терцию, швырнул бомбу в толпу, и рванулся вперед сквозь море внезапно застывших лучи-

стых улыбок.

Глава 5

Любой воген — весьма неприятное зрелище. Простетник Воген Джелц не был исключением. Более того, даже его сородичи не признали бы его красавцем. Длинный крючковатый нос торчал из-под маленького свинячьего лобика. Темно-зеленая кожа, толщина которой позволяла ему успешно заниматься закулисной политикой в Гражданской Службе Вогенов, была абсолютно непромокаемой, так что он мог неограниченно долго жить на глубине до 300 метров без всякого вреда для здоровья.

Это не значит, что он любил поплавать в море. Он был слишком занят, и времени на это у него совсем не оставалось. Он был таким потому, что миллиарды лет назад, когда вогены впервые выползли на берег из ленивых волн первобытных морей Вогшара, и лежали на девственных пляжах, отдуваясь и отфыркиваясь... когда первые лучи яркого молодого Вогсолнца впервые заиграли на их темно-зеленых спинах — эволюция словно глянула на них с омерзением, отвернулась и пошла прочь, списав их как результат

неудачного эксперимента. Они вообще должны были вымереть.

Отвечая на вопрос, почему же они все-таки не вымерли, следует отдать дань их тупому, медлительному упрямству. «Эволюция?» — говорили они себе. «Кому она нужна?» — и преспокойно обходились без того, в чем им отказала природа, вплоть до того времени, когда научились избавляться от самых крупных физических недостатков с помощью скальпеля.

Тем временем эволюция на их планете работала сверхурочно, чтобы загладить последствия своего просчета. Она создала драгоценных крабиков — их панцири по форме напоминали ведерко для угля, но сверкали искорками всех цветов радуги. Вогены их ели, разбивая панцири железными молотками. Она создала высокие стройные деревья — от одного взгляда на их тонкие, изящные стволы захватывало дыхание. Вогены рубили их и жарили на кострах крабиков. Она создала грациозных животных, похожих на газелей, с шелковистой шерсткой и глазами, сверкавшими, как утренняя роса. Вогены их ловили и приучали ходить под седлом. Под седлом они ходить не могли, — под тяжестью вогенов у них ломался позвоночник — но вогены все равно

на них ездили.

Такое жалкое существование Вогшар влачил миллионы лет — до тех пор, пока вогены вдруг не открыли межзвездную навигацию. Через несколько коротких вогских лет ни одного вогена на планете было — все они эмигрировали в звездное скопление Мегабрантис, где делается политика Галактики, и образовали необычайно мощную группировку внутри Галактической Гражданской Службы. Они пытались преуспеть в науках, приобрести стиль и манеры, но по сути своей современный воген все равно мало чем отличается от своих первобытных прародителей. Ежегодно вогены вывозят с родной планеты 27 тысяч драгоценных сверкающих крабиков, и во время пьяных оргий разбивают их в пыль железными молотками.

Простетник Воген Джелц был абсолютно типичным вогеном, по крайней мере, по своей гнусности. Кроме того, он терпеть не мог попутников.

Где-то в темной каюте во внутренностях флагманского корабля Простетника Вогена Джелца кто-то нервно зачиркал спичкой по коробку. Владелец спички не был вогеном, но знал о них все, и поэтому имел основания нервничать. Его

звали Форд Префект.[2]

Форд оглядел каюту, но видно было очень немного — лишь крохотный трепещущий огонек и дрожащие жуткие тени. Все было спокойно. Он тихо поблагодарил дентрассов. Дентрассы — непокорное племя гурманов, дикое, но миролюбивое и веселое. Не так давно вогены стали нанимать их коками, стюардами и прочим камбузным персоналом с условием, чтобы они держались подальше и не путались под ногами.

Это устраивало дентрассов, поскольку они любят деньги (а вогенская валюта менее всего подвержена колебаниям на галактическом валютном рынке), но терпеть не могут самих вогенов. Если и есть воген, на которого дентрассу приятно смотреть, так это воген в ярости.

---

[2] Примечания: 2

Настоящее имя Форда Префекта можно произнести только на одном из диалектов Бетельгейзе, ныне забытом ввиду исчезновения всех старых праксибетельских поселений на Бетельгейзе Семь во время Великой Катастрофы Падения Хранга в 03758 гал.г. Отец Форда был единственным обитателем планеты, пережившим Падение Хранга по исключительно странной случайности, которой он так и не смог дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Вся эта история покрыта мраком тайны. Например, никто никогда не узнал, что такое Хранг, и почему для своего падения он выбрал именно Бетельгейзе Семь. Отец Форда с достоинством отметал все неизбежно возникающие подозрения. Он переехал на Бетельгейзе Пять, где стал Форду и отцом, и дядей. В память о своем погибшем народе он нарек его древним праксибетельским именем. Форд так и не научился выговаривать свое настоящее имя. Его отец в конце концов умер из-за этого от стыда, который до сих пор является смертельной болезнью в некоторых

областях Галактики. В школе, где Форд учился, его прозвали Икс, что на языке Бетельгейзе Пять означает: «мальчик, который не может разъяснить, что такое Хранг, и с чего Хрангу вздумалось упасть именно на Бетельгейзе Семь».

Именно благодаря дентрассам Форд Префект и не стал облачком водорода, озона и окиси углерода.

Форд услышал слабый стон. При свете спички он разглядел, что на полу лежит что-то большое и темное, и слабо шевелится. Он быстро задул спичку, порылся в карманах, нашел то, что искал, и вытащил пакетик с арахисом. Вскрыв его, он склонился над этим чем-то, и пошуршал пакетиком. Что-то снова зашевелилось.

Форд Префект сказал: — У меня есть орешки.

Артур Дент зашевелился и что-то невнятно простонал.

— На, возьми немножко, — предложил Форд, снова шурша пакетом. — Если тебе не приходилось раньше телепортироваться, то тебе, наверно, не хватает солей и белков. Пиво, которое мы пили, должно было смягчить переход.

— У-рррррг-х… — ответил Артур Дент и открыл глаза.

— Темно, — сказал он.

— Да, — отозвался Форд. — Темно. Нет света. — Кое-чего в поведении землян Форд Префект так и не смог понять, как ни пытался. Например, как в этом случае, их привычку говорить и повторять самое-самое очевидное, вроде: «Прекрасный

денек сегодня!» или «А как ты вырос!», или «О Господи! Ты, кажется, упал в шахту?! С тобой все в порядке?» Форд выдвинул рабочую гипотезу, чтобы объяснить эту странность. Сначала он решил, что если люди не будут постоянно тренировать губы и язык, то у них, возможно, вообще зарастут рты. Несколько месяцев наблюдений над землянами привели к отказу от этой гипотезы в пользу другой. Согласно ей, если земляне не будут постоянно тренировать губы, у них начнут работать мозги. Через некоторое время он отказался и от этой гипотезы, как слишком циничной, и решил, что все-таки земляне ему в массе своей нравятся. Но он постоянно приходил в отчаяние от того, сколько всего они еще не умели.

— Да, — согласился он. — Света нет. — И сунул Артуру арахис. — Ну как ты?

— Как реле времени, — ответил Артур. — Постоянно отключаюсь.

Форд непонимающе уставился на него.

— Если я тебя спрошу, где мы находимся, — слабым голосом произнес Артур, — я очень об этом пожалею?

Форд поднялся. — Мы в безопасности, — сообщил он.

— Слава Богу, — вздохнул Артур.

Форд продолжал. — Мы находимся в каюте одного из кораблей Строительного Флота Вогенов.

— А, — глубокомысленно заметил Артур, — это, очевидно, какое-то новое значение слова «безопасность», которого я раньше не знал.

Форд зажег еще одну спичку, чтобы найти выключатель. По стенам снова запрыгали жуткие тени. Артур с трудом поднялся на ноги и поежился. Кошмарные очертания незнакомых предметов, казалось, давили его, воняло плесенью, и запах этот заползал в ноздри без приглашения. Кроме того, мешал сосредоточиться постоянный раздражающий гул.

— Как мы сюда попали? — спросил Артур, мелко дрожа.

— Попросили подвезти, — ответил Форд.

— Как? Ты хочешь сказать, что мы просто протянули руку, посигналили, и какой-то зеленый жукоглаз высунулся из машины и крикнул: «Валяйте, ребята, подвезу до пригорода»?

— Ну, — сказал Форд, — если не считать того, что сигналили мы электронным суб-эфирным устройством, а вместо пригорода нас подвезли до Звезды Барнарда в шести световых годах, все более или менее именно так.

— А жукоглаз?

— Правда, зеленый.

— Отлично, — сказал Артур, — когда я могу вернуться домой?

— Никогда, — ответил Форд и нашел выключатель.

— Прикрой глаза, — сказал он, и включил свет. Он и сам был немало удивлен тем, что увидел.

— Господи Боже, — выговорил Артур, — это что, и есть интерьер летающей тарелки?

Простетник Воген Джелц разъяренно метался по капитанскому мостику. Его почему-то всегда раздражал снос населенных планет. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь пришел и сказал ему, что этого делать нельзя, и тогда Простетник Воген Джелц вдоволь бы наорался на этого негодяя, посмевшего перечить ему, и стало бы намного легче. Всем весом своего отвратительного зеленого тела он плюхнулся в пилотское кресло, и еще подпрыгнул. Если бы кресло сломалось, он, наконец, получил бы возможность разозлиться всерьез, но оно только жалобно скрипнуло.

— Пошел вон! — заорал он на молодого воген-адъютанта, поднявшегося в этот момент на мостик. Тот немедленно исчез с чувством большого облегчения. Он был рад, что не ему придется доложить капитану свежую новость.

Этой новостью было официальное сообщение, в котором говорилось, что на правительственную исследовательскую базу на Дамогране прибыл Президент Галактики в связи с окончанием разработки принципиально нового принципа космических полетов, делающего ненужными гиперпространственные экспресс-линии, а также в связи с постройкой корабля, двигатель которого работает по этому принципу.

Открылась другая дверь, но на этот раз капитан не заорал на вошедшего — в эту дверь дентрассы приносили ему еду. Еду — это именно то, что в данный момент было нужно капитану.

Огромное мохнатое создание внесло на мостик поднос с тарелками. На лице его сияла безумная улыбка.

Простетник Воген Джелц пришел в восторг. Он знал, что когда дентрасс выглядит настолько довольным собой, это означает, что где-то на корабле происходит что-то, на что можно действительно всерьез рассердиться.

Форд и Артур огляделись. — Ну, что скажешь? — спросил Форд.

— Грязновато, а?

Форд нахмурился. Немытая посуда и густо вонявшее инопланетное нижнее белье валялось

на неимоверно грязных матрасах по всей тесной каюте.

— Видишь ли, это же не прогулочный лайнер, — сказал он. — Мы в кубрике дентрассов.

— Ты вроде говорил, что они вогены, или что-то такое?

— Ну да, — ответил Форд. — Вогены управляют кораблем, дентрассы готовят еду. Они нас и посадили.

— Я запутался, — сказал Артур.

— Ладно, гляди сюда. — Форд опустился на корточки и стал рыться в своей сумке. Артур несколько раз боязливо ткнул матрас пальцем, и затем уселся сам. Впрочем, оснований для опасений не было. Матрасы, выросшие в топях Зеты Скворншеллоса, очень тщательно умерщвляются и высушиваются. Оживают после этого очень немногие.

Форд подал Артуру книгу.

— Это что? — спросил Артур.

— Галактический Путеводитель. Электронный справочник. Он нужен, чтобы говорить тебе все, что нужно знать, обо всем на свете.

Артур опасливо повертел книгу в руках.

— Обложка мне нравится. НЕ ПАНИКУЙ. Первый полезный совет за весь день. Или хотя бы

разумный.

— Сейчас я тебе покажу, как он работает. — Форд взял книгу у Артура, который держал ее так, словно это был труп жаворонка, погибшего полмесяца назад, и вытащил Галактический Путеводитель из футляра. — Нажимаешь эту кнопку, и на экране появляется оглавление.

Небольшой экран зажегся, и на нем замелькали цифры.

— Хочешь спросить про вогенов — набираешь это слово. — Он еще поколдовал с кнопками. — Вот и все.

Форд нажал большую красную кнопку под экраном, и по нему поплыли слова. В то же время хорошо поставленный дикторский голос начал читать написанное вслух. Вот что сказал Путеводитель: **Строительный Флот Вогенов. Прежде всего нужно сказать: если вы вознамерились попросить вогенов подвезти вас — забудьте о своем намерении. Вогены — одна из самых неприятных цивилизаций в Галактике. Они не злы по природе, но отличаются отвратительным характером, бюрократизмом, назойливостью и бездушием. Они и пальцем не пошевельнут, чтобы спасти родную бабушку от Траальского прожорного заглотозавера, если**

распоряжение по этому поводу не будет подписано в трех экземплярах, заверено, оформлено, потеряно, найдено, послано в вышестоящую инстанцию, снова потеряно, положено под сукно, и, наконец, сдано в макулатуру.

Легче всего раскрутить вогена на выпивку, засунув палец ему в глотку; привести его в ярость легче всего, скормив его бабушку Траальскому прожорному заглотозаверу.

Ни в коем случае не позволяйте вогену читать вам стихи! Артур моргнул.

— Очень странная книга. Как же тогда мы сюда попали?

— В этом все и дело. Путеводитель устарел, — ответил Форд, засовывая книгу в футляр.

— Я собираю информацию для нового, дополненного и исправленного, издания, и теперь смогу внести в эту статью сведения о том, что вогены стали нанимать дентрассов коками, что для нас весьма полезно.

Артур болезненно скривился.

— Но кто такие дентрассы?

— Отличные ребята, — ответил Форд. — Самые лучшие повара и бармены, и больше их ни черта не волнует. И они всегда помогут попутнику; во-первых, потому, что любят общество, а во-вторых,

потому, что это злит вогенов. Что как раз и нужно знать, если ты — попутник без гроша в кармане, и хочешь увидеть все чудеса Галактики меньше, чем за тридцать альтаирских долларов в день. Вот такая у меня работа. Интересно, правда?

Артур растерянно оглянулся.

— Очень, — сказал он, и нахмурился, уставясь на один из матрасов.

— К несчастью, я задержался на Земле намного дольше, чем собирался, — объяснил Форд. — Я хотел побыть дней пять, а застрял на пятнадцать лет.

— А как ты вообще на нее попал?

— Просто — меня подвез дразнилец.

— Дразнилец?

— Угу.

— Э-э, а что такое...

— Дразнилец? Дразнильцы — это богатые ребята, которым нечего делать. Они разыскивают планеты, которые еще не вступили в контакт, и бипают их.

— ?

Артур склонялся к мысли, что Форду нравится постоянно ставить его в тупик.

— Ну да, — продолжал Форд. — Они их бипают. Находят местечко, где мало народу, сажают свой

корабль прямо перед местным простачком, которому все равно никто не поверит, втыкают себе в шлем пару лишних антенн, и прыгают перед ним туда-сюда, и делают так: бип-бип, бип-бип-бип. Дети, одно слово.

Форд откинулся назад, заложил руки за спину, и теперь выглядел раздражающе довольным собой.

— Форд, — начал Артур, — может, мой вопрос покажется тебе глупым, но… что я здесь делаю?

— Видишь ли, я спас тебя с Земли.

— А что случилось с Землей?

— А? Ерунда. Ее уничтожили.

— Неужели, — ровным голосом проговорил Артур.

— Угу. Она просто испарилась.

— Слушай, — сказал Артур. — Это ведь не слишком приятная новость.

Форд нахмурился. Казалось, он тщательно обдумывает слова Артура.

— Я могу тебя понять, — сказал он в конце концов.

Артур взорвался. — Можешь меня понять! — завопил он. — Можешь понять!

Форд вскочил на ноги.

— Смотри в книгу! — встревоженно проши-

пел он.

— Что?

— НЕ ПАНИКУЙ!

— Я не паникую!

— Паникуешь.

— Ладно, паникую, а что мне еще делать?

— Поехали со мной. Хорошо проведем время. Галактика — веселое местечко. Вот эта рыбка должна быть в твоем ухе.

— Как, простите? — спросил Артур, как ему показалось, очень вежливо.

Форд показал ему стеклянную баночку, в которой металась маленькая желтая рыбка. Артур захлопал глазами. Ему захотелось найти что-нибудь знакомое, понятное, над чем не надо ломать голову. Он бы успокоился, увидев рядом с дентрассовскими подштанниками, матрасами со Скворншеллоса, бетельгейцем с желтой рыбкой, которую надо было засунуть в ухо, скажем, горячую сосиску. Сосиски не было, и успокоиться он не мог.

Вдруг Артур снова вскрикнул — на них обрушился жуткий грохот, словно кто-то отбивался от стаи бешеных собак, и в то же время пытался полоскать горло.

— Тихо, — прикрикнул на него Форд. — Это

может быть очень важно.

— Ва… важно?

— Это капитан вогенов. Он говорит по-танойски.

— Это… так говорят вогены?

— Слушай!

— Но я не знаю языка вогенов!

— И не нужно. Просто сунь рыбку в ухо.

Форд молниеносно хлопнул Артура по уху, и Артур с отвращением почувствовал, как что-то холодное трепещется у его барабанной перепонки. Он задохнулся, схватился за ухо… и вдруг глаза у него полезли на лоб. Со слухом происходило то же, что происходит со зрением, когда вам показывают картинку с двумя черными профилями, а присмотришься — на ней одна белая ваза. Или когда на приеме у окулиста цветные точки складываются в цифру шесть, а это значит, что врач собирается взять с вас кучу денег за новые очки.

Артур все так же слышал бульканье и рычание, но почему-то понимал его так же хорошо, как родной английский.

Вот что он услышал…

Глава 6

— Ррр — гау гау гау гагл гагл бурль гау гау гау ррр гагл буррль гагл гагл гагл ррр гагл ррр буррль ррр ррр р гау гау ууурррх развлекаться. Повторяю: Говорит капитан, так что отставить все и стоять смирно. Во-первых: приборы показывают, что на борту пара попутников. Привет, где бы вы там ни были. Хочу, чтобы вы сразу поняли: вам здесь совсем не рады. Мне стоило большого труда получить чин капитана Строительного Флота Вогенов, и я его получил совсем не для того, чтобы превращать корабль в такси для всяких нищих выродков. Я приказал вас разыскать, и, как только вас найдут, я вышвырну вас с корабля. Если вам очень повезет, я, может быть, почитаю вам свои стихи.

Во-вторых: корабль готовится к гиперпереходу к Звезде Барнарда. По прибытии стоянка 72 часа. С корабля не сходить. Повторяю, все увольнительные отменяются. Я поругался с подругой. Почему кто-то там должен развлекаться? Конец.

Грохот кончился.

Артур в замешательстве обнаружил, что лежит

на полу, свернувшись клубком и обхватив голову руками. Он слабо улыбнулся.

— Как он мил, — проговорил он. — Жаль, что у меня нет дочери. Я бы ей запретил выходить за него замуж.

— Я думаю, она сама бы сообразила. С любой точки зрения, и с половой тоже, вогены страшнее звездной войны. Не двигайся, — добавил Форд, увидев, что Артур потихоньку разворачивается. — Лучше приготовься к гиперпереходу. На организм он действует, как крупная пьянка.

— Что же страшного в крупной пьянке?

— Похмелье.

Артур обдумал слова Форда.

— Форд, — сказал он.

— Угу?

— Что делает эта рыба в моем ухе?

— Переводит. Это вавилонская рыба. Посмотри в Путеводителе, если хочешь.

Он поколдовал с книгой, а потом свернулся в клубок, как Артур, и приготовился к переходу.

Голова у Артура пошла кругом, молодецки притоптывая, один глаз подмигнул другому, они дружески обнялись и повернулись внутрь. Ноги завязались морским узлом.

Каюта сплющилась, завертелась, свернулась

в трубочку, и Артур полетел вниз головой в собственный желудок. Это и был гиперпереход.

Вавилонская рыба, — тем временем спокойно вещал Галактический Путеводитель, — маленькая желтая рыбка, похожая на пиявку. Возможно, самое интересное, что есть в Галактике. Она питается биотоками мозга тех, кто находится рядом с ее носителем, то есть поглощает все подсознательные ментальные частоты биотоков мозга. Затем она выделяет их в мозг носителя в виде телепатической матрицы, образованной наложением частоты сознательной мысли на частоту нервного тока, полученного от речевых центров мозга говорящего. Практическая ценность вавилонской рыбы в том, что если ее засунуть в ухо, можно понять все, что говорят на любом языке. Слышимые речевые сообщения являются расшифровкой матрицы биотоков мозга, выделенных вашей вавилонской рыбой.

То, что это умопомрачительно полезное создание появилось в результате эволюции, абсолютно случайно, многими мыслителями рассматривается как решающее доказательство небытия божьего.

Доказывается это примерно так: «Я отказываюсь доказывать, что я существую», — говорит Бог,

«ибо доказательство отрицает веру, без веры же я — ничто».

«Но», — отвечает ему Человек, «Вавилонская рыба тебя выдает с головой, разве нет? Она не могла эволюционировать случайно. Это доказывает, что ты существуешь, и, следовательно, по твоим собственным словам — что ты не существуешь. Quod erat demonstrandum.»

«Здорово», — говорит Бог. «Мне это и в голову не пришло», — и он исчезает в клубах логики.

«Нет ничего проще», — говорит Человек, и на бис доказывает, что белое — это черное, после чего на следующем пешеходном переходе его сбивает машина.

Большинство ведущих теологов считают, что подобными доказательствами людям только пудрят мозги, но это не помешало Уулону Коллуфиду заработать кучу денег, сделав их главной темой своего бестселлера. Похоже, Бог проиграл.

В то же время бедная рыбка, успешно устраняющая все препятствия на пути общения разных народов и культур, становится причиной многих войн, более кровавых, чем когда бы то ни было в истории.

Артур испустил стон, более похожий на мычание. Он ужаснулся, поняв, что остался в живых.

Теперь он был в шести световых годах от того места, где была бы Земля, если бы все еще существовала.

Земля.

Воспоминания о ней болезненно колыхались в его все еще тяжелой голове. Невозможно представить, что исчезла вся Земля, почувствовать это. Она слишком большая. Он попробовал представить себе, что никогда уже не увидит родителей и сестру. И остался спокоен. Потом он подумал об абсолютно незнакомом ему человеке, за которым он стоял в очереди в универмаге два дня тому назад. И вдруг его словно кольнуло — универмаг исчез, и все, что в нем было — тоже. Исчезла колонна Нельсона! Она исчезла, и некому ее оплакать, потому что нет никого, кто мог бы оплакать ее. С этой минуты колонна Нельсона существует только в его памяти. Англия существовала только в памяти Артура — Артура, засунутого в холодный корабль, окруженного сталью и вонью. У Дента начиналась клаустрофобия.

Англии больше не было. Это он воспринял — так или иначе, но воспринял. Он попробовал еще раз. Америка, подумал он, исчезла. Воспринять это ему не удалось. Он решил снова начать, с чего-нибудь помельче. Нью-Йорк исчез, подумал

он. И остался спокоен. Он вообще никогда всерьез не верил, что Нью-Йорк существует.

Курс доллара упал окончательно и никогда не поднимется. Артур дрогнул. Уничтожены все ковбойские фильмы. Сердце заныло. Сосиски, подумал он. Нет больше горячих сосисок!

Артур потерял сознание. Когда он пришел в себя секундой позже, он обнаружил, что горько рыдает, вспоминая свою мать.

Он вскочил на ноги.

— Форд!

Форд сидел в углу и что-то мурлыкал себе под нос. Он всегда с трудом переносил основную часть космических перелетов — гиперпереход.

— Ну? — сказал он.

— Если ты собираешь информацию для этой книжонки, и если ты был на Земле, то ты собирал материал и о ней?

— Ну, в общем, мне удалось несколько дополнить статью о ней для следующих изданий, а что?

— Дай посмотреть, что есть в этом издании. Я должен это видеть.

— Ну ладно, — Форд протянул книгу.

Артур вцепился в нее и попытался унять дрожь в руках. Он ввел название, экран засветился и на

нем появился текст. Артур уставился на него.

— Здесь вообще нет такой статьи! — вскричал он.

Форд оглянулся.

— Да есть, — сказал он, — в самом низу, видишь, после «Зекидония Галлумтитс, трехгрудая проститутка с Эротикона».

Артур посмотрел туда, куда указывал палец Форда. Секунду он вглядывался в экран, пытаясь понять, что там написано. Он прочитал про Зекидонию Галлумтитс. Там, в частности, говорилось, что именно она первая предложила гипотезу Большого Траха, с которого якобы началось существование Вселенной. Затем он наконец нашел слово «Земля». А затем в голове у него словно взорвалась бомба.

— Что? Безвредна? Это все, что здесь есть? Безвредна! Одно слово!

Форд пожал плечами.

— Слушай, в Галактике сто миллиардов звезд, а книга не резиновая. И конечно, никто не знал о Земле больше.

— Боже всемогущий! Ну ты-то исправил положение?

— В общем да. Мне удалось послать свой вариант в издательство. Его пришлось слегка урезать,

но все лучше, чем это.

— И что говорится в Путеводителе о Земле сейчас? — спросил Артур.

— Практически безвредна, — смущенно ответил Форд.

— Практически безвредна! — закричал Артур.

— Что за шум? — прошипел Форд.

— Это я кричал.

— Заткнись! Кажется, дело плохо.

— Тебе кажется — дело плохо!

За дверью послышались шаги. Шли строем.

— Дентрассы? — прошептал Артур.

— Нет. Слышишь — сапоги с подковами.

За дверью раздался лязг.

— А кто тогда?

— Вогены. Короче, если повезет, нас просто вышвырнут за борт.

— А если не повезет?

— Если не повезет, — угрюмо проговорил Форд, — капитан может осуществить свою угрозу и сначала почитает нам свои стихи…

Глава 7

Стихи Вогенов, конечно, ужасны. Можно было бы сказать, что это самые ужасные стихи во всей Вселенной, если бы не стихи азгатов с Крии. Когда их Поэт-Гроссмейстер Грантос Газоносный читал свою поэму «Ода зеленому комочку грязи, найденному под мышкой летним утром», четверо из слушавших умерли от инфаркта, а Президент Среднегалактического Подкупного совета по делам искусства спасся только тем, что во время чтения грыз одну из своих ног. Он отгрыз ее начисто. Говорят, Грантос остался «недоволен» таким приемом и собирался пуститься в чтение своего эпоса в двенадцати книгах «Булькаю, купаясь», но его собственная самая толстая кишка спасла жизнь и цивилизацию, вывернувшись через пищевод в голову и на полном газу разнеся классику мозги.

Впрочем, это еще не предел. Самые ужасные во всей Вселенной стихи — хуже совсем некуда — утрачены навсегда. Они принадлежали перу Паулы Нэнси Миллстоун из Бринбриджа в Эссексе, Англия. Она исчезла вместе со своими

творениями, когда Строительный Флот Вогенов разрушил планету Земля.

Простетник Воген Джелц медленно улыбнулся. Очень медленно. Не потому, что он добивался пущей выразительности. Он просто пытался вспомнить, как это делается. Он только что вдосталь наорался на пленников, и это ему помогло. Он доказал, что у него действительно отвратительный характер.

Наоравшись, он собирался доказать, что он также безжалостен и бессердечен.

Пленники сидели в креслах поэтического восприятия. Их предусмотрительно привязали прочными ремнями. Вогены не питали иллюзий насчет своих стихов. В своих ранних опусах они громогласно настаивали, чтобы их признали высокоразвитым народом с богатой духовной жизнью, но позже писать их заставляла только лишь вогенская кровожадность.

Холодный пот выступил на лбу Форда Префекта. Под электродами, укрепленными на висках, мелко билась жилка. Электроды присоединялись к универсальному Центру Поэтического Восприятия, в который, кроме всего прочего, входили усилители образной структуры, ритм-модуляторы, микшеры уподоблений, аллитерационный

синтезатор — все для того, чтобы слушатель в полной мере насладился стихами и проникся всеми оттенками поэтической мысли творца.

Артур Дент дрожал. Он понятия не имел, что его ждет, но знал одно — все, что с ним произошло до сих пор, ему не понравилось, и не похоже, чтобы что-то изменилось к лучшему.

Воген начал читать. Это был небольшой стишок, написанный сразу после того, как его подруга ушла, громко хлопнув дверью.

— **А ты обдрыг сегорда не марла…** — начал он. Форда затрясло. Это было хуже, чем ожидал даже он.

— **А я так мрал, балурился и хмарил…**

— Аааааааааааааааааааааааааааааррррррррх! — кричал Форд Префект, извиваясь от непереносимой боли. Сквозь слезы он видел, как бьется в кресле Артур. Форд сжал зубы.

— **Что вот обдрыг…** — продолжал безжалостный воген, — **взбурмят варлабола, варлабола…** Его завывающий голос стал невыносимо визглив. Чувства били фонтаном.

— **И ты взофрешь в отвахренные чвари!**

— **Не-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-т!** — завопил Форд, и его скрутило, когда усиленная электроникой последняя строка прошила мозг — от одного

виска к другому. Он затих.

Артур лежал мешком.

— Ну что ж, землюдки, — промурлыкал воген (он не знал, что Форд Префект на самом деле с маленькой планеты в окрестностях Бетельгейзе, а если бы и знал, ничуть бы это его не взволновало), — я предоставлю вам право выбора! Или умереть в открытом космосе, или… (мелодраматическая пауза) сказать, понравились ли вам мои стихи!

Он откинулся на спинку огромного кресла, похожего на летучую мышь с расправленными крыльями, и посмотрел на своих пленников. Он снова растянул губы в неком подобии улыбки.

Форд тяжело задышал. Он провел иссохшим языком по запекшимся губам и застонал.

Артур бодро заявил: — В общем и целом, весьма неплохо.

Форд открыл рот и повернулся в сторону Дента. Такое ему в голову просто не приходило.

Воген удивленно поднял правую бровь, которая до этого успешно скрывала его нос, что картины отнюдь не портило.

— Продолжай… — промурлыкал он, немало пораженный словами Артура.

— Да-да, — продолжал Артур. — Мне кажется,

некоторые новаторские образы были весьма удачны.

Форд все еще не мог закрыть рот, пытаясь перестроить мысли на этот совершенно новый лад. Неужели им действительно удастся прорваться?

— Дальше… — Воген был заинтересован.

— М-м… и… э-э… интересное ритмическое построение, — продолжил Артур, — которое контрапунктом вторит… м-м… э-э… — он запнулся.

Форд, наконец, отважился и бросился на выручку. — И контрапунктом вторит сюрреализму скрытой метафоры… э-э… — Он тоже запнулся, но Артур был наготове.

— … метафоры смятенной и тонкой души поэта, человека…

— Вогена, — прошипел Форд.

— Ну да, вогена (прошу прощения), — Артур оседлал привычного конька и залился соловьем, — … отважно осмелившегося погрузиться в глубины космического сознания и тайного знания. Он применяет оригинальные формы стиха, смело экспериментирует. Особенно ему удаются лирические описания чувств героев в момент прикосновения к глубинным тайнам мироздания, к секретам, столь давно скрытым от чьего-либо глаза… — (Голос его окреп и зазвенел.

Близился великолепный финал.) — … и читатель проникается грандиозностью того… того… э-э… (Неожиданно он сбился с мысли.) Форд пришел ему на выручку с coup-de-grace:

— Того, о чем бы ни была эта поэма! — выкрикнул он.

Углом рта он прошептал в сторону Артура: — Отлично, Артур, просто неподражаемо!

Воген пристально рассматривал их. На минуту забылись все удары по вогенской культуре (и поэзии, в частности), но нет! Нет, подумал он — слишком поздно, и слишком неубедительно.

Когда он заговорил, атмосфера наэлектризовалась, словно кто-то чесал черную кошку нейлоновой щеткой.

— Так значит, вы считаете, что я пишу стихи потому, что в душе, несмотря на свою отвратительную безжалостную наружность, я просто хочу, чтобы меня любили… — Он помолчал. — Так?

Форд нервно рассмеялся. — Ну, в общем, да, — сказал он, — ведь наверно, все мы, глубоко в душе, знаете… э-э…

Воген поднялся.

— Нет! Ты абсолютно неправ, — сказал он. — Я пишу стихи только для того, чтобы доставить

своей отвратительной безжалостной наружности побольше удовольствия. Я все равно выброшу вас за борт. Дневальный! Доставить этих в шлюз номер три и вышвырнуть!

— Что? — возопил Форд.

Здоровенный дневальный отстегнул ремни и, как котят, вытащил жертв поэтического сеанса из кресел. Сначала он подхватил под мышку Форда, затем проделал то же с Артуром.

— Вы не можете выбросить нас за борт! — вопил Форд. — Мы пишем книгу!

— Сопротивление бесполезно! — проорал в ответ дневальный воген. Это была первая фраза, которой он научился, когда пришел на флот.

Капитан смотрел на все это, и, казалось, мысли его гуляют где-то очень-очень далеко. Потом он отвернулся.

Артур дико озирался.

— Я не хочу сейчас умирать, — кричал он. — У меня еще болит голова! Я не хочу отправляться на тот свет с головной болью! В этом нет ничего приятного!

Дневальный стиснул их покрепче, и, поклонившись капитану, вытащил с мостика. Стальная дверь закрылась, и Простетник Воген Джелц снова остался один. Он тихонько мычал что-то

себе под нос, поглаживая записную книжку. — Хм, — проговорил он, — … контрапунктом вторит сюрреализму скрытой метафоры… — Он обдумал это, и с угрюмой ухмылкой закрыл книжку.

— Просто смерть — это еще слишком хорошо для них, — заявил он.

Длинный бронированный коридор отзывался эхом на беспомощное барахтанье двух гуманоидов в резиновых объятьях вогена.

— Великолепно, — ныл Артур. — Ужасно! Отпусти, скотина!

Воген не останавливался.

— Не беспокойся, — сказал Форд. — Я что-нибудь придумаю. Особой убежденности в его голосе не было.

— Сопротивление бесполезно! — проревел дневальный.

— Пожалуйста, перестаньте, — заикаясь, проговорил Форд. — Невозможно сохранить интерес к жизни, когда вы так говорите.

— Господи, — Артур не замолкал, — он говорит об интересе к жизни, а между прочим, его-то планету не снесли сегодня с самого утра. Я проснулся и думал, что славно отдохну, почитаю немного, выкупаю собаку… И вот на часах четыре, а меня выбрасывают из инопланетного корабля за шесть

световых лет от дымящихся руин моей родной планеты... — Конец этого монолога получился скомканным, потому что воген вдруг стиснул Артура посильнее.

— Все в порядке, — сказал Форд, — только не паникуй!

— Кто сказал, что я паникую? Я просто еще не освоился! Подожди, вот я освоюсь, и пойму, что к чему. Вот тогда я и начну паниковать!

— Артур, не впадай в истерику. Заткнись! — Форд отчаянно пытался что-нибудь придумать, но ему мешал рев дневального.

— Сопротивление бесполезно!

— А ты тоже заткнись! — рявкнул Форд.

— Сопротивление бесполезно!

— Да помолчи немного, — взмолился Форд. Он повернул голову и взглянул мучителю в лицо. Неожиданная мысль пришла ему в голову.

— Неужели тебе все это нравится? — спросил он.

Воген встал как вкопанный, и выражение крайнего скудоумия разлилось по его физиономии.

— Нравится? — прогудел он. — В каком смысле?

— В смысле, — объяснил Форд, — что ты живешь полноценной жизнью? Маршируешь

кругами, орешь, выбрасываешь людей за борт…

Воген уставился в низкий бронированный потолок и сдвинул брови так, что они почти поменялись местами. Углы губ опустились, выдавая напряженную работу мысли. Наконец, он сказал:

— Ну, в увольнении неплохо…

— Так и должно быть, — согласился Форд.

Артур закрутился под мышкой у вогена, чтобы лучше видеть его.

— Форд, что ты делаешь? — пораженно прошипел он.

— Просто пытаюсь возродить в парне интерес к жизни, понятно? Так, значит, в увольнении неплохо… — вернулся он к разговору.

Воген уставился на него и неповоротливые мысли зашевелились в тинных глубинах.

— Ну вообще-то, — сказал он, — если подумать, да посмотреть получше, довольно паршиво. Если… — он снова подумал, для чего ему понадобилось еще полминуты глазеть в потолок, — если не считать крика, а я его очень люблю. — Он наполнил воздухом легкие и заревел: «Сопротивление бесполезно».

— Разумеется, — торопливо прервал его Форд, — у тебя отлично получается, сразу слышно. Но если вообще довольно паршиво, — теперь он

говорил медленно, чтобы каждое слово достигло цели, — зачем ты это делаешь? Для чего? Для девочек? Для красоты? Или чтобы доказать, что ты настоящий мужчина, macho? Или ты даже считаешь, что противостоять такому безмозглому существованию само по себе интересно?

Артур переводил взгляд с одного на другого в замешательстве.

— Э-э… э… — сказал дневальный, — э-э… не знаю. Я вроде на самом деле так делаю. Моя тетушка сказала, что флот — отличное место для молодого вогена — ну там, форма, шестизарядный бластер у бедра, безмозглое существование…

— Ну вот, Артур, — заявил Форд с видом человека, одержавшего верх в споре, — а ты думаешь, что у тебя проблемы.

Артур действительно так думал. Не говоря уже о проблеме с его родной планетой, дневальный его почти задушил. Перспектива оказаться в открытом космосе ему тоже не улыбалась.

— Попробуй понять его сложности, — настаивал Форд. — Вот он — бедный парень, всю жизнь топает кругами, выбрасывает людей за борт…

— И кричит, — добавил воген.

— Конечно. И кричит, — Форд дружески-снисходительно похлопал вогена по плечу, под которым

висел.

— … и даже не знает, зачем он это делает! — Артур слабо шевельнулся в знак согласия с тем, что это весьма печально. Ему не хватало воздуха, чтобы сказать об этом.

Из глубины души вогена поднялось ошеломленное урчание.

— Ну, если посмотреть на это дело так вот, то вроде как…

— Молодец! — подбодрил его Форд.

— Но тогда, — урчание продолжалось, — а что можно предложить другого?

— Конечно же, — заявил Форд бодро, но медленно, — прекратить это! Сказать им, что ты не собираешься больше этого делать. — Он чувствовал, что надо бы еще что-то добавить, но воген уже углубился в обдумывание этого тезиса.

— Эээээээээээээээээээээээээээ… — сказал дневальный, — не по вкусу мне это.

Форд вдруг понял, что упускает момент.

— Но подожди, послушай, — заторопился он, — это же только начало, понимаешь… это же еще не все, понимаешь ли…

Но в этот момент дневальный возобновил свою мертвую хватку и вернулся к выполнению непосредственной задачи, то есть доставки пленников

в шлюз номер три. Он был заметно тронут.

— Да нет, если вам все равно, — сказал он, — я лучше суну вас в шлюз, а потом мне еще нужно потренироваться в кричании.

Форду Префекту совсем не было все равно.

— Но послушай… подумай только! — сказал он, не так медленно как раньше, и не так бодро.

— Аххххххххххххххххххгх! — выдохнул Артур. Что он имел в виду, неизвестно.

— Да подожди, — настаивал Форд, — есть же музыка, живопись, и много еще чего! Аррргхххххх!

— Сопротивление бесполезно! — проревел дневальный и добавил: — Понимаешь, если я и дальше буду делать карьеру, меня, может быть, повысят до Старшего Крик-Офицера, а свободных должностей для солдат, которые не кричат и не выбрасывают никого за борт, вообще не так уж много. Я уж лучше займусь тем, что умею.

В этот момент они прибыли к шлюзу. Большой круглый люк, стальной, и, судя по толщине, весьма увесистый, открылся бесшумно.

— Но все равно спасибо за беседу, — сказал воген. — Пока. Он швырнул Форда и Артура в шлюз. Артур лежал, пытаясь отдышаться. Форд сразу обернулся и тщетно пробовал удержать плечом закрывающийся люк.

— Да послушай же, — кричал он, — ты же ничего не знаешь о целом мире… ну вот хоть об этом, например! — Он отчаянно схватился за единственный обломок культуры, который оказался в его памяти поблизости, и напел первые такты Пятой симфонии Бетховена: — Та та та тум! Неужели в тебе ничто не откликается?

— Да нет, — ответил воген, — вообще-то нет. Но я расскажу об этом тетушке.

Может, он и сказал что-то еще, но больше ничего не было слышно. Люк плотно закрылся. Исчезли все звуки, кроме слабого отдаленного гула корабельных двигателей.

Форд и Артур оказались внутри отполированного стального цилиндра высотой в человеческий рост и метра три в длину.

Форд огляделся, задыхаясь.

— А я думал, что у парня больше мозгов, — сказал он и сел, прислонясь к вогнутой стене.

Артур безмолвно лежал на полу, куда его швырнул воген. Он не поднял головы. Он просто лежал и пытался отдышаться.

— Мы в ловушке, да?

— Да, — отозвался Форд, — мы в ловушке.

— Ты ведь что-то придумал? Я слышал, ты сказал, что что-нибудь придумаешь. Может, ты

что-то придумал, а я не заметил?

— Ну, кое-что я действительно придумал, — вздохнул Форд. Артур ожидающе посмотрел на него.

— Но к несчастью, — продолжал Форд, — то, что я придумал, требовало нашего пребывания по ту сторону этого люка. — Он лягнул люк, через который они только что влетели.

— Но мысль-то была хорошая?

— Да, весьма.

— Так что за мысль?

— Я не успел продумать все детали. А теперь вроде бы уже и не стоит.

— Мда. ...э, а что теперь?

— Что теперь? Ну вот — люк перед нами через несколько секунд автоматически откроется и, мне кажется, мы вылетим в открытый космос и задохнемся. Конечно, если ты вдохнешь поглубже, сможешь протянуть секунд тридцать... Форд встал, заложил руки за спину, поднял брови и стал напевать древнюю бетельгейскую боевую песнь. Он вдруг показался Артуру совсем чужим.

— Значит, все, — сказал Артур. — Мы умрем.

— Да, — отозвался Форд, — если только... нет! Погоди минуту! — Он вдруг уставился на что-то невидимое Артуру. — Что это за кнопка? — за-

вопил он.

— Что? Где? — заорал Артур, мгновенно обернувшись.

— Шутка, — сказал Форд, — все равно умрем.

Он привалился к стене и продолжил мелодию с того места, на котором остановился.

— Знаешь, — сказал Артур, — вот в такие минуты, когда я заперт в вогенском шлюзе, а рядом сидит мой приятель с Бетельгейзе, и мы оба с минуту на минуту задохнемся в открытом космосе, я очень жалею, что не слушал, что мне говорила мама, когда я был маленький.

— И что же она говорила?

— Не знаю, я же не слушал.

— А, — Форд продолжил мелодию.

Ужасно, думал Артур. Колонна Нельсона исчезла. Горячие сосиски исчезли, все, что осталось — я и слова «Практически безвредна». Через сколько-то секунд останутся только эти слова. А вчера казалось, что все идет лучше некуда.

Зашумел мотор.

Едва слышное шипение превратилось в оглушительный рев, и воздух вырвался из шлюза, когда наружный люк открылся в черную пустоту, усыпанную невообразимо яркими точками света. Форд и Артур вылетели в открытый космос, как

пробки из пугача.

Глава 8

Галактический Путеводитель — книга во всех отношениях замечательная. Множество редакторов много лет составляли и много раз дополняли его. Он содержит сведения, полученные от бесчисленных путешественников и исследователей.

«Введение» в Галактический Путеводитель начинается так:

«Космос», — говорится там, «велик. Действительно велик. Вы просто не поверите, насколько обширно, огромно, умопомрачительно велик космос. Вот что мы имеем в виду: вы, возможно, думаете, что до ближайшей закусочной далеко, но для космоса это ничего не значит. Слушайте же…» и так далее.

(Через несколько страниц Путеводитель успокаивается, и стиль становится не таким восторженным, и начинаются вещи, которые действительно надо знать, например: что жители сказочно прекрасной планеты Вифселамин настолько обеспокоены все возрастающей эрозией, вызванной тем, что ежегодно ее посещают десять миллиардов туристов, что любое несоответствие

между весом того, что вы съели, и того, что вы выделили во время пребывания на планете, вычитается из веса вашего тела хирургическим путем, когда вы уезжаете, так что каждый раз, когда вы идете в вифселаминский туалет, жизненно необходимо получить специальную справку.) Впрочем, если уж откровенно, умы, лучшие чем автор «Введения» к Путеводителю, оказывались неспособны постичь огромность расстояний между звездами. Некоторые пытаются продемонстрировать ее, предлагая умопомрачительные модели типа «горошина в Лондоне и орешек в Йоганнесбурге».

А дело в том, что расстояния между звездами не умещаются в человеческом воображении.

Даже свет, движущийся с такой скоростью, что большинству цивилизаций требуются тысячи лет, чтобы осознать, что он вообще движется — даже свет идет от звезды от звезде не мгновенно. Он идет 8 минут от звезды Соль до того места, где обычно была Земля, и на 4 года больше — до ближайшей звездной соседки звезды Соль, Альфа Проксимы.

На другой конец Галактики, скажем, до Дамограна, свет идет гораздо дольше: пятьсот тысяч лет.

Рекорд скорости для попутника на этой дистанции — немного меньше пяти лет, но на такой скорости не много чего увидишь по дороге.

Галактический Путеводитель сообщает, что если вдохнуть побольше воздуха, можно выжить в открытом космосе тридцать секунд. Далее в нем, тем не менее, говорится что, поскольку речь идет о космосе, а он умопомрачительно велик, вероятность появления космического корабля и спасения за эти тридцать секунд представляет отношение 1 к 2 в степени двести шестьдесят семь тысяч семьсот девять.

По сногсшибательному совпадению это число также — телефон одной квартиры в Айлингтоне, где Артур однажды был на развеселой вечеринке, и где встретил очень симпатичную девушку, которую после вечеринки не проводил домой — она ушла с незнакомцем, явившимся без приглашения.

Хотя планета Земля, квартира в Айлингтоне и телефон теперь уничтожены, приятно знать, что в какой-то незначительной мере они увековечены тем, что через двадцать девять секунд Форд и Артур были спасены.

Глава 9

Компьютер встревоженно задребезжал себе под нос, заметив что входной люк отворился и закрылся сам собой, без всякой видимой причины.

Это случилось потому, что Причина как раз «только что вышла».

В Галактике появилась дыра. Она была длиной в одну никакую секунды, шириной в одну никакую миллиметра, а от одного ее конца до другого было вполне достаточно миллионов световых лет.

Прежде чем она снова затянулась, из нее вывалились кучи бумажных шапок и тучи воздушных шариков, и рассеялись в пространстве. Из нее выпали семеро специалистов по сбыту, каждый метр ростом, и умерли — половина от отсутствия воздуха, половина от удивления. 239 тысяч порций яичницы-глазуньи вылетели из нее, и в виде вязкой кучи материализовались в пораженной страшным голодом стране Погрил, что на планете системы Панзель.

Все племя погрилов вымерло от голода, кроме одного, последнего из погрилов, который умер

несколькими неделями позже от отравления холестерином.

Одна никакая секунды, которую существовала эта дыра, отражалась во времени снова и снова, двигаясь самым неправдоподобным образом. Случайно где-то в темных глубинах прошлого она серьезно повредила маленькую группу атомов, что плавали в стерильной космической пустоте, и это привело к тому, что они стали объединяться в самые невероятные молекулы. Эти молекулы быстро научились воспроизводиться (и это только часть того, что в этих молекулах было невероятно), а в дальнейшем вызывали многочисленные неприятности, на какую бы планету ни попадали. Так началась жизнь во Вселенной.

Пять диких Мальстремов Причин и Следствий завихрились в диком урагане беспричинности и выплюнули мостовую.

На мостовой лежали Форд Префект и Артур Дент, задыхаясь, словно рыбы, выброшенные на берег.

— Ну вот, — выдохнул Форд, пытаясь вцепиться ногтями в тротуар, который на полном ходу несся к Третьему Пределу Неизвестности. — Я же тебе говорил, что что-нибудь придумаю.

— Ну конечно, — отозвался Артур, — конечно.

— Отличная идея, — продолжал Форд, — разыскать корабль, который пролетал мимо, и спастись.

Настоящая Вселенная болезненно скрючилась под ними. Разнообразные фальшивки безмолвно прыгали вокруг, словно горные козлы. Поддельные Вселенные рождались и умирали, изрыгая пространство-время, словно полупереваренные куски творожных сырков с изюмом. Время цвело пышным светом, материя усыхала. Наибольшее простое число стекло в уголок и навсегда спряталось подальше.

— Прекрати, — сказал Артур, — шансов за это было — один из ...черт знает какого астрономического числа.

— Не придирайся, сработало ведь, — ответил Форд.

— На каком мы корабле? — спросил Артур, и под ними в зевке открылась бездна вечности.

— Не знаю. Я еще не открыл глаза.

— Я тоже.

Вселенная подпрыгнула, застыла, вздрогнула и бросилась на все, самые невозможные, стороны.

Артур и Форд открыли глаза и огляделись в немалом удивлении.

— Великий Боже, — сказал Артур, — в точности

похоже на берег моря в Дувре.

— Черт, рад слышать, что ты так говоришь, — облегченно вздохнул Форд.

— Почему?

— Потому что я думал, что, должно быть, схожу с ума.

— Может, и сходишь. Может, ты только подумал, что я это сказал.

Форд обдумал это.

— Ну, так говорил ты это или нет? — спросил он.

— Мне так кажется, — ответил Артур.

— Что ж, может, мы оба сходим с ума.

— Точно. Нужно совсем сойти с ума, чтобы подумать, после всего, что произошло, что это Дувр.

— Ладно, а ты как считаешь — это Дувр?

— Ну да.

— Я тоже так думаю.

— Значит, мы точно сошли с ума.

— Самый подходящий денек.

— Несомненно, — сказал сумасшедший прохожий.

— Кто это был? — спросил Артур.

— Кто — вон тот пятиголовый с кустом бузины?

— Да. У него куст еще увешан селедками.

— Не знаю. Так, кто-то…

— А…

Оба они сидели на мостовой, и обоим было как-то не по себе. Дети огромного роста тяжело шлепали по мокрому песку, а дикие лошади громыхали копытами в небе, торопясь доставить свежие запасы усиленных поручней для ограды районов Неуверенности.

— Знаешь, — Артур нервно кашлянул, — если это Дувр — что-то с ним не так.

— Ты о том, что море неподвижно, а дома поднимаются и опускаются? — отозвался Форд. — Да, я тоже подумал, что это странно. Вообще, — продолжал он (в это время Дувр с оглушительнейшим треском разломился на шесть равных частей, и эти части заплясали вокруг друг друга, образуя самые распущенные и непристойные комбинации), — происходит что-то очень странное.

Взвыли волынки и задребезжали струны на ветру, мостовую усыпало горячими каштанами по десять пенсов штука, с неба посыпались кошмарные зубастые рыбы, и Артур и Форд бросились в укрытие.

Они пробились сквозь тяжелые завесы звука, горы древней мысли, долины душещипательной музыки, распродажи рваных ботинок и сломан-

ных ракеток, и внезапно услышали голос. Судя по голосу, говорила молодая девушка.

Голос звучал вполне осмысленно, но сказал только: — Один к двум в степени сто тысяч. Снижается, — и все.

Форд поскользнулся на луче света, он обернулся, пытаясь найти источник голоса, но не увидел ничего, во что действительно смог бы поверить.

— Что это за голос? — крикнул Артур.

— Не знаю, — завопил в ответ Форд. — Не знаю! Похоже на измерение вероятности.

— Вероятности? В каком смысле?

— Вероятность. Ну знаешь, как один к двум, один к трем, четыре к пяти. А здесь один к к двум в стотысячной степени. Это крайне невероятно.

В небе без всякого предупреждения опрокинулась цистерна литров на миллион, и из нее хлынул заварной крем.

— Но что это значит? — кричал Артур.

— Что, крем?

— Нет, измерение невероятности!

— Не знаю. Ничего не знаю. Мы вроде бы на каком-то корабле.

— Я могу сказать одно, — заявил Артур, — это каюты не первого класса.

Тонкая пленка пространства-времени вспучи-

лась и пошла пузырями. Огромными жуткими пузырями.

— Аа-урррррр-бхх, — сказал Артур, почувствовав, что его тело размягчается и изгибается во всяческих невероятных направлениях. — Дувр, кажется, тает… звезды крутятся… пыльная буря… и ноги мои плывут в закат… и левая рука покинула меня… — Ему в голову влетела жуткая мысль:

— Черт побери, — спросил он, — а как же я теперь подстрою свои электронные часы? — Он отчаянно пытался увидеть Форда.

— Форд, — сказал он, — ты превращаешься в пингвина. Прекрати.

Снова прозвучал голос.

— Один к двум в степени семьдесят пять тысяч. Снижается.

Форд яростно заметался в своей клетке.

— Эй, кто вы? — запищал он. — Где вы? Что происходит и можно ли это остановить?

— Пожалуйста, успокойтесь, — ответил голос, любезный, словно голос стюардессы на воздушном лайнере с одним оставшимся крылом и двумя моторами, один из которых уже догорает, — вы в полной безопасности.

— Не в этом дело! — безумствовал Форд. — Дело в том, что вместо меня в полной безопасности

какой-то пингвин, а мой приятель вон там весьма быстро теряет конечности!

— Все в порядке, они ко мне вернулись, — вставил Артур.

— Один к двум в степени пятьдесят тысяч. Снижается, — сказал голос.

— Следует признать, — продолжал Артур, — что они несколько длиннее, чем я обычно ношу, но…

— Неужто вы не чувствуете, — Форд захлопал крыльями в бессильной ярости, — что должны нам хоть что-нибудь объяснить?

Голос откашлялся. Гигантский птифур скачками умчался к горизонту.

— Добро пожаловать, — сказал голос, — на Звездный Корабль «Золотое Сердце».

Голос продолжал.

— Просим не беспокоиться из-за того, что вы видите или слышите вокруг. Первоначальные побочные эффекты неизбежны, так как вы были спасены от верной смерти при уровне невероятности один к двум в степени двести шестьдесят семь тысяч, возможно, много выше. Сейчас мы продолжаем полет на уровне один к двум в степени двадцать пять тысяч, невероятность снижается, и мы вернемся к нормальному уровню, как только выясним наверняка, что можно

считать нормальным. Спасибо. Один к двум в степени двадцать тысяч. Снижается.

Голос замолк.

Форд и Артур оказались в небольшой комнате со светящимися розовыми стенами.

Форд был дико возбужден.

— Артур, это фантастика! Нас подцепил корабль с Бесконечно Невероятностным Полетом! Этого не может быть! Слухи о нем давно ходили! Официально их опровергали, но, значит, они все-таки построили его! Они изобрели Невероятностный Полет! Артур, ведь это… Артур! Что происходит?

Артур прижался к двери, пытаясь закрыть ее, но она была плохо подогнана. Оставались широкие щели, и сквозь них просовывались маленькие мохнатые ручки с пятнами краски на пальцах; слышались пискливые безумные голоса.

Артур взглянул на Форда.

— Форд! — выговорил он, — там, снаружи, бесконечно много обезьян. И они хотят обсудить с нами «Гамлета», который у них получился.

Глава 10

Бесконечно Невероятностный Полет — новый великолепный способ преодоления громадных межзвездных расстояний всего за одну никакую секунды без утомительного тыканья вслепую в гиперпространстве.

Он был открыт по счастливой случайности, а после доработки исследовательской группой Галактического Правительства на Дамогране стал общепринятой формой передвижения.

Вот, вкратце, история его открытия.

Принцип производства конечной невероятности в небольших количествах просто путем подключения логических цепей суб-мезонного Мозга-Шмелютки 57 к атомному векторному графопостроителю в среде, обеспечивающей сильное броуновское движение (например, в большой чашке горячего крепкого чаю), был, конечно, достаточно известен, и такие генераторы часто использовались, чтобы поднять настроение на вечеринках — когда такой генератор включался, все молекулы нижнего белья хозяйки вдруг одновременно смещались по полметра вле-

во, в соответствии с Теорией Неопределенности.

Многие уважаемые физики заявляли, что они терпеть не могут подобного шарлатанства — отчасти, потому, что это подрывало научные устои, но в основном потому, что их на такие вечеринки не приглашали.

Раздражало их не только это, но и постоянные неудачи при попытках создать устройство, способное генерировать поле Бесконечной Невероятности, необходимое для прыжка космического корабля через умопомрачающие межзвездные расстояния. В конце концов они ворчливо объявили о точно установленной невозможности создания подобного устройства.

Потом один студент, который однажды пытался убирать в лаборатории после особенно неудачного опыта, стал рассуждать следующим образом:

Если, думал он, невозможность создания такого устройства точно установлена, то оно (создание) должно иметь конечную невероятность. Так что все, что нужно, чтобы его создать — это точно вычислить, насколько это невероятно, заложить этот показатель в генератор Конечной Невероятности, заварить чай покрепче… и включить генератор.

Так он и сделал, и был немало поражен тем,

что ему удалось создать тот самый генератор Бесконечной Невероятности, который так долго не удавалось создать, из самых что ни на есть подручных средств.

Еще более он был поражен, когда сразу после того, как он был награжден Премией Галактического Института за Самый Выдающийся Интеллект, его линчевала разъяренная толпа уважаемых физиков, которые в конце концов осознали, что единственное, чего они действительно не могли терпеть — это сообразительный человек.

Глава 11

Защищенная от невероятности контрольная рубка Золотого Сердца выглядела, как рубка самого обычного космического корабля, только она была абсолютно чистой, потому что сам корабль был совсем новенький. С некоторых кресел еще даже не сняли пластиковую обертку. Рубка большей частью была белой, продолговатой, размером с небольшой ресторанчик. Она не была прямоугольной — стены слегка изгибались двумя параллельными кривыми. Честно говоря, намного проще и практичнее было бы построить рубку обычной прямоугольной формы, но тогда бы дизайнеры спятили от скуки. Поэтому все прямые углы превратились в мясисто изогнутые кривые.

Рубка выглядела так, словно все в ней предназначалось для работы: большие экраны над панелью управления, навигационные системы на вогнутой стене, и компьютерная панель на выпуклой стене. В углу сидел робот, уткнув начищенную металлическую голову в начищенные металлические колени. Он тоже был совсем новый, но, хотя был очень красиво сделан и на-

чищен, почему-то выглядел так, словно части отдаленно человеческого по форме тела были плохо подогнаны друг к другу. На самом деле они были отлично подогнаны, но все равно казалось, что они могли бы подходить лучше.

Зафод Библброкс нервно шагал по рубке, время от времени поглаживая разные блестящие штучки, и возбужденно хихикал.

Триллиан сидела у дисплея, считывая данные. Ее голос передавался по всему кораблю.

— Один к пяти, снижается, — говорила она, — один к четырем, снижается… один к трем… к двум… показатель вероятности один к одному… уровень нормальный, повторяю, уровень нормальный. — Она выключила микрофон, снова включила его и, слегка улыбнувшись, продолжила: — Если вас еще что-то беспокоит, это уже ваши проблемы. Пожалуйста, не волнуйтесь. За вами скоро придут.

Зафод раздраженно спросил: — Кто они, Триллиан? — Триллиан повернулась к нему и пожала плечами. — Двое каких-то парней. Мы их, кажется, подобрали в открытом космосе. Сектор ZZ, Z Плюс, Альфа.

— Конечно, идея неплохая, — ворчал Зафод, — но ты думаешь, это разумно в нашем положении?

Я имею в виду, что мы в бегах и вообще, и половина полицейских всей Галактики несется по следу, а мы останавливаемся, чтобы кого-то подвезти. Нет, конечно, что до манер, тут ты попала в десятку, но надо же сначала думать, а потом делать!

Он раздраженно забарабанил пальцами по панели управления. Триллиан мягко убрала его руку с панели, чтобы он случайно не включил что-нибудь не то.

Каковы бы ни были качества Зафода — включая стремительность, браваду, самонадеянность — но двигался он как медведь, и вполне мог взорвать весь корабль, неосторожно махнув рукой. Триллиан давно начала подозревать, что главной причиной бесшабашно удачливой жизни Зафода было то, что он никогда до конца не понимал, что он делает.

— Зафод, — терпеливо сказала она, — они летали без всякой защиты в открытом космосе… ты бы не хотел, чтобы они умерли, так ведь?

— Ну, знаешь… нет. Не так, конечно, но…

— Не так? Умереть не так? Но? — Триллиан насмешливо склонила голову.

— А может, их кто-нибудь еще подобрал бы…

— Еще секунда, и они были бы уже мертвы.

— Вот-вот, значит, если бы ты подумала над

этим вопросом получше, проблемы бы вообще не было.

— А ты был бы рад, если бы они умерли?

— Ну, знаешь… не так уж рад, но…

— И вообще, — сказала Триллиан, повернувшись к дисплею, — я их не подбирала.

— Это как? Кто же их тогда подобрал?

— Корабль.

— А?

— Корабль. Сам по себе.

— А?

— Когда мы летели в бесконечной невероятности.

— Но это невозможно.

— Нет, Зафод. Просто очень, очень невероятно.

— Э-э… а… ну да.

— Вот что, Зафод, — Триллиан похлопала его по плечу. — Не беспокойся о попутниках. Считай, что это просто мои знакомые, которых я здесь поджидала. Я пошлю туда робота, чтобы их привести. Эй, Марвин!

Робот в углу вздернул голову кверху, но затем бессильно уронил ее обратно в колени. Он с огромным трудом поднялся на ноги — так, словно был килограмма на три тяжелее, чем на самом деле. Дальнейшие его действия сторонний на-

блюдатель описал бы как героическую попытку пересечь рубку. Робот остановился перед Триллиан и уставился сквозь ее левое плечо.

— Я думаю, вам следует знать, что я в глубокой депрессии, — сказал он. Его голос был низок и безнадежен.

— О Боже, — простонал Зафод и рухнул в кресло.

— Ну вот, — бодро-сочувственно ответила Триллиан, — тогда займись делом. Оно отвлечет твои мозг от мрачных мыслей.

— Не отвлечет, — прогнусавил Марвин. — У меня исключительно большой мозг.

— Марвин! — предупредила Триллиан.

— Отлично, — сказал Марвин, — что вам от меня нужно?

— Спустись во входной шлюз номер два и приведи сюда под наблюдением двух попутников.

Паузой в одну микросекунду и точно рассчитанным микроизменением тембра — обидеться вроде бы и не на что — Марвину удалось передать ужас и крайнее отвращение по отношению ко всем делам человеческим.

— И все? — проговорил он.

— Да, — твердо заявила Триллиан.

— Мне это не нравится, — сказал Марвин.

Зафод вскочил на ноги.

— А никто не и просит, чтоб тебе это нравилось, — завопил он, — просто сделай, что нужно, а?

— Ладно, — прогудел Марвин, как большой надтреснутый колокол. — Сделаю.

— Великолепно, — огрызнулся Зафод, — очень хорошо… Благодарю вас…

Марвин повернулся и поднял на него свои красные треугольные глаза.

— Я ничем не огорчил вас? — печально спросил он.

— Нет-нет, Марвин, — весело включилась Триллиан, — все в порядке, все просто отлично… просто, сам понимаешь, жизнь есть жизнь.

Марвин метнул в нее электронный взгляд.

— Жизнь, — сказал он, — не говорите мне о жизни.

Он безнадежно повернулся и, волоча ноги, вышел из рубки. Дверь удовлетворенно зашипела и щелкнула, закрывшись за ним.

— Зафод, мне кажется, я не смогу больше выносить этого робота, — процедила сквозь зубы Триллиан.

Encyclopaedia Galactica дает такое определение робота: «механический аппарат, предназначен-

ный для выполнения работы человека». Отдел сбыта корпорации Сириус Кибернетикс дает свое определение: «Ваш пластмассовый дружок, веселее с ним денек».

Галактический Путеводитель следующим образом определяет Отдел сбыта корпорации Сириус Кибернетикс: «сборище полоумных идиотов, которых первыми поставят к стенке после революции», со сноской, извещающей читателя, что издатели с благодарностью примут на работу желающих занять место корреспондента по вопросам робототехники.

Любопытно
отметить, что издание Encyclopaedia Galactica, которое благодаря счастливой случайности выскользнуло через трещину во времени из будущего, отстоящего от нас на тысячу лет, определяет Отдел сбыта корпорации Сириус Кибернетикс как «сборище полоумных идиотов, которых первыми поставили к стенке после революции».

Розовая комната канула в небытие, обезьяны отправились в лучшее измерение. Форд и Артур оказались в погрузочном отсеке. Выглядел он совсем неплохо.

— Мне кажется, это совсем новый корабль, — заявил Форд.

— Откуда ты знаешь? — спросил Артур. — Или у тебя есть какая-нибудь супер-штучка, чтобы измерять возраст металла?

— Нет. Я только что нашел на полу рекламный проспект. Полно всякой ерунды типа «Вся Вселенная может быть вашей». А, смотри, я был прав.

Форд уткнулся в проспект, а затем показал его Артуру. — Видишь? «Сенсационный прорыв в физике невероятности: как только полет корабля достигает бесконечной невероятности, он проходит через любую точку Вселенной одновременно. Другие галактические сверх-державы позавидуют вам!» Ух ты, здорово!

Форд с головой погрузился в технические характеристики корабли, и время от времени возбужденно выныривал, когда у него захватывало дух от того, что он читал. Астротехника Галактики, несомненно, достигла внушительных успехов за годы его отсутствия.

Артур слушал его некоторое время, потом, убедившись, что не понимает и сотой доли того, что говорит Форд, отвлекся и принялся разглядывать компьютерную панель перед собой. Он ткнул пальцем в большую зазывно красную кнопку. Загорелось табло: Пожалуйста, не нажимайте больше эту кнопку! Артур закрыл глаза и потряс

головой.

— Слушай, — сказал Форд, все еще погруженный в изучение проспекта, — у них большие успехи. Я имею в виду кибернетику. — «Новое поколение роботов и компьютеров корпорации Сириус Кибернетикс, с чертами ИЧЛ».

— ИЧЛ? — переспросил Артур. — Это что такое?

— Расшифровывается, как Истинно Человеческая Личность.

— Мда, — произнес Артур. — Звучит отвратно.

— Так оно и есть, — отозвался голос позади него. Голос был низок и безнадежен и сопровождался легким металлическим клацаньем. Форд и Артур обернулись и увидели стального калеку, скорчившись, стоявшего в дверях.

— Что? — спросили они.

— Отвратно, — продолжал Марвин, — все это. Абсолютно отвратно. И не говорите об этом. Взгляните на эту дверь, — сказал он, и вошел. В его голосовом синтезаторе включились цепи иронии, когда он спародировал стиль рекламного проспекта: — Все двери в этом корабле настроены бодро и празднично. Им доставляет удовольствие открываться для вас и закрываться снова с сознанием выполненного долга.

Когда дверь за ним закрылась, действительно послышалось что-то вроде удовлетворенного вздоха.

— «Ахххххххххм!» — сказала она.

Марвин рассматривал ее с холодным презрением, в то время как его логические цепи звякали от отвращения и забавлялись мыслью: не направить ли против нее прямое физическое воздействие. Соседние цепи вмешались, уныло гнусавя: Зачем? Кому это нужно? Не стоит в это вмешиваться. В свою очередь, их соседние цепи развлекались, производя анализ молекулярной структуры двери, и клеток мозгов гуманоидов. На бис они измерили уровень водородного излучения в том кубическом парсеке, где находился корабль, а затем снова погрузились в пучину меланхолии. Дрожь отчаяния прошла по тела Марвина, и он повернулся.

— Пошли, — тоскливо проговорил он, — мне приказали привести вас в рубку. Вот он я — мозг размером с планету, а они приказывают мне привести вас в рубку. И это называется — «работа, приносящая удовлетворение»? Ни черта она не приносит!

Он повернулся спиной к Форду и Артуру, и направился к ненавистной двери.

— Э-э, простите, — спросил Форд, следуя за ним. — Что за правительство владеет этим кораблем?

Марвин не обратил на него внимания.

— Следите за дверью, — пробормотал он. — Она сейчас опять откроется. Я точно знаю — от нее нестерпимо несет самодовольством.

Дверь действительно открылась. Она открылась с томным ожидающим стоном, и Марвин затопал вперед. Пройдя несколько шагов, он обернулся.

— Пошли, — сказал он.

Форд и Артур быстро двинулись за ним, а дверь скользнула на место, удовлетворенно урча и пощелкивая.

— Благодарю тебя, Отдел сбыта корпорации Сириус Кибернетикс, — сказал Марвин и опустошенно зашаркал вверх по сверкающему чистотой изогнутому коридору, что открылся их взглядам. — Давайте делать роботов с чертами Истинно Человеческих Личностей. Я опытный образец. Я — прототип личности. Сразу видно, правда?

Форд и Артур смущенно пробормотали что-то невнятное, но утешительное.

— Я ненавижу эту дверь, — продолжал Мар-

вин. — Я вас ничем не огорчил, а?

— Что за правительство… — снова начал Форд.

— Никакое правительство им не владеет, — оборвал его робот, — его украли.

— Украли?

— Украли. — Марвин состроил гримасу.

— Кто? — спросил Форд.

— Зафод Библброкс.

Нечто необычайное произошло с лицом Форда. По меньшей мере пять четко отличных друг от друга выражений крайнего удивления появились на нем, результатом чего была дичайшая гримаса. Левая нога Форда, которую он как раз поднял, шагая за роботом, никак не могла снова нащупать пол. Форд уставился на робота и попытался размотать клубок, в который превратились мышцы его лица.

— Зафод Библброкс? — слабо произнес он.

— Простите, я сказал что-то не то? — осведомился Марвин, и, не обращая на него внимания, снова потащился вперед. — Извините, ошибся, чего со мной быть никогда не может, так что вообще не знаю, зачем мне понадобилось это говорить. О Боже, в какой я глубокой депрессии! Вот еще одна из этих самодовольных дверей. Жизнь! Не говорите мне о жизни!

— Никто даже и не обмолвился о ней, — раздраженно пробурчал Артур. — Форд, с тобой все в порядке?

Форд уставился на него. — Этот робот действительно сказал «Зафод Библброкс»? — спросил он.

Глава 12

Волны оглушительной легкой до невесомости музыки наполняли рубку Золотого Сердца. Зафод сидел у суб-эф-приемника и ловил последние новости о себе. Управляться с таким приемником — дело непростое. Долгие годы подобными устройствами пользовались, нажимая кнопки и поворачивая ручки. Потом, когда техника стала более сложной, перешли на сенсорное управление — простым прикосновением пальца. Теперь же было достаточно только махнуть рукой в сторону приемника, и надеяться, что вам повезет. С одной стороны, это вроде бы избавляло от лишних движений, но с другой означало, что приходилось сидеть раздражающе неподвижно, чтобы ненароком не сбить настройку.

Зафод взмахнул рукой, и снова зазвучала та же невесомая музыка, но на этот раз она служила фоном для последних новостей. Текст новостей всегда самым безжалостным образом подгонялся под ритм аккомпанемента.

… Привет, ребята, где бы ни были вы в этот час — врубайте свой приемник и выслушайте нас.

Разумным формам жизни в Галактике во всей полезно познакомиться с программой новостей. И вот, друзья, мы снова с вами. На этот вот момент, конечно главная из новостей — пройдоха Президент, — тараторил диктор. — Украден самый-самый из самых кораблей, напоминаем — это программа новостей. А кто украл, попробуйте с трех раз вы отгадать. И нечего тут думать, и нечего гадать. Его украл, представьте, Галакти-Президент! Да, вот такой случился неприятный инцидент. Мы вкратце вам сейчас расскажем, кто такой ЗБ, чтоб вы имели представленье о его судьбе. Он очень любит выпить, и он придумал сам Всегалактический Коктейль, так хорошо известный вам. О нем сказал Зекидония Галлумтитс в двух словах: «С того Большого Траха — он самый лучший Трах!» Совсем уж спятил Библброкс, а может быть, и нет? Нам наблюдающий психиатр дает такой ответ…

Всплеск музыки, затем она снова стала тише, и приемник заговорил другим голосом, предположительно голосом Гэга Хэлфрунта, личного мозгопатолога Зафода Библброкса. Он сказал: — Та, понимаете, Пиплрокс такой… — Продолжить ему не удалось, потому что из другого конца рубки прилетел электрокарандаш и пересек

включально-выключальную зону приемника. Зафод обернулся и уставился на Триллиан. Карандаш бросила она.

— Эй, — сказал он. — Ты чего? Это зачем?

Триллиан задумчиво барабанила по экрану, полному цифр.

— Мне кое-что пришло в голову, — сказала она.

— Да? А ради этого стоило выключать новости обо мне?

— Ты и так предостаточно о себе слышишь?

— Я в большой опасности. И мы это знаем.

— Ты можешь на минуту забыть о своем «я»? Это очень важно.

— Если здесь есть что-то более важное, чем мое «я» — поймать и расстрелять. — Зафод ожидающе глянул на Триллиан, затем рассмеялся.

— Слушай, — сказала она, — мы подцепили этих парней…

— Каких парней?

— Тех, которых мы подцепили.

— А, ну да, — сказал Зафод, — этих парней.

— Мы подцепили их в секторе ZZ9 Плюс Z Альфа.

— Что? — сказал Зафод и моргнул.

Триллиан спокойно спросила: — Это что-то

тебе говорит?

— М-м-м-м, — сказал Зафод. — ZZ9 Плюс Z Альфа. ZZ9 Плюс Z Альфа?

— Ну? — произнесла Триллиан.

— Э-э-э… что означает Z? — спросил Зафод.

— Которое?

— Любое.

Особенно трудно для Триллиан в отношениях с Зафодом было различать, когда он притворяется тупым, просто, чтобы застать людей врасплох; когда он притворяется тупым, чтобы не затрудняться подумать самому, а подождать, пока это сделает кто-нибудь другой; когда он притворяется вопиюще тупым, чтобы скрыть, что он действительно не понимает, что происходит; и когда он не притворяется тупым, а оказывается туп на самом деле. О Зафоде шла слава, что он потрясающе умен, и, очевидно, так оно и было — но не все время; это его раздражало, и поэтому он порой и притворялся. Он предпочитал, чтобы люди смотрели на него озадаченно, а не презрительно. Вот это в первую очередь и казалось Триллиан действительной тупостью, но спорить об этом ей уже совсем не хотелось.

Она тяжело вздохнула, и нажала несколько клавиш. На экране появилась звездная карта.

Так будет яснее, каковы ни были причины его очередного приступа тупости.

— Здесь, — указала она. — Вот здесь.

— Слушай-ка… ага! — сказал Зафод.

— Ну?

— Что ну?

Триллиан показалось, что внутри ее головы дерется двадцать семь диких кошек. Она очень спокойно сказала: — Это тот самый сектор, где ты меня встретил.

Зафод поглядел на нее, а потом снова на экран.

— Слушай, точно, — сказал он. — Но это же абсурд. Это мы должны были влезть в самую середку Конской Головы — ну, этой туманности. Как мы тут очутились? В смысле, это же все равно, что нигде.

Триллиан не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— Невероятностный полет, — терпеливо объяснила она. — Ты сам мне рассказывал. Мы проходим через любую точку Вселенной.

— Угу, но это же дичайшее совпадение, правда?

— Да.

— Встретить тут кого-нибудь? Из всей Вселенной — только это место? Ну слишком уж… Это

надо просчитать. Компьютер!

Бортовой компьютер (производства Сириус Кибернетикс) наблюдал за каждой частичкой корабля. Услышав команду, он включил систему отвечания.

— Всем привет! — жизнерадостно сказал он, и одновременно выплюнул кусочек бумажной ленты, на которой было напечатано Всем привет! — так, на всякий случай.

— О господи! — сказал Зафод. Он работал с этим компьютером всего ничего, но уже научился с трудом переносить его разухабистые манеры.

Компьютер продолжал, нахально и весело, как ярмарочный зазывала:

— Вы должны знать: я здесь, чтобы помочь вам справиться с любой проблемой.

— Конечно, конечно, — сказал Зафод. — Впрочем, я лучше столбиком посчитаю.

— Разумеется, — отозвался компьютер, в то же время отпечатав это слово на бумажной ленте и выплюнув его в специальную корзину. — Я вас понимаю. И если вам когда-нибудь понадобится…

— Заткнись! — отрезал Зафод, и, схватив карандаш, уселся у пульта рядом с Триллиан.

— Ладно-ладно, — обиженно заявил компью-

тер, и отключился.

Зафод и Триллиан в поте лица трудились над цифрами, которые выдавал на экране невероятностный киберштурман.

— Мы можем вычислить, — спросил Зафод, — какой, с их точки зрения, была невероятность их спасения?

— Это постоянная, — ответила Триллиан. — Один к двум в степени двести семьдесят шесть тысяч семьсот девять.

— Круто. Им очень-очень повезло.

— Да.

— Но по сравнению с тем, чем занимались мы, когда корабль их подцепил…

Триллиан нажала несколько клавиш. На экране вспыхнуло: один к двум в степени бесконечность минус единица (иррациональное число, которое имеет смысл только в невероятностной физике).

— … не так уж и круто, — продолжил Зафод, слегка присвистнув.

— Да, — согласилась Триллиан, и взглянула на него, словно ожидала мгновенного решения всех проблем. — Невероятность замоталась в один большой клубок. В этом все дело. Что-то жутко невероятное просто должно было случиться, чтобы получилось такое число.

Зафод нацарапал на бумаге несколько чисел, перечеркнул их и выбросил карандаш.

— Великий Зарквон, ничего не получается!

— Ну, и дальше что?

Лбы Зафода раздраженно стукнулись один о другой так, что зубы клацнули.

— Ладно, — сказал он. — Компьютер!

Компьютер вернулся к жизни.

— Вот я и говорю — всем привет! — бодро заявил он (кусочек ленты упал в корзину). — Все, что мне нужно — это делать вашу жизнь легче и легче и легче…

— Тогда заткнись, и кое-что подсчитай.

— Ну конечно, — продолжал компьютер, — вам нужен вероятностный прогноз на основе…

— Именно, на основе невероятностных данных.

— Так вот. Интересная штучка получается. Вам никогда не приходило в голову, что жизнью нашей управляют телефонные номера?

Гримаса боли проползла по одному лицу Зафода и медленно перебралась на другой.

— Ты спятил? — спросил он.

— Нет — это вы спятите, когда я вам скажу, что…

У Триллиан захватило дух. Она схватилась за

пульт невероятностного киберштурмана.

— Телефонный номер? Эта железяка сказала — телефонный номер?

На экране вспыхнули цифры.

Компьютер вежливо умолк, но потом снова продолжил:

— Я хотел сказать, что…

— Не утруждайся, — отозвалась Триллиан.

— Это что? — спросил Зафод.

— Не знаю, — ответила Триллиан. — Эти… пришельцы — они сейчас идут в рубку. С этим несчастным роботом. Можешь ты их показать на мониторе?

Глава 13

Марвин топал по коридору, все еще стеная.

— А еще у меня боль в диодах. И левый локоть ноет…

— Да? — угрюмо буркнул Артур, шагая рядом. — Неужели?

— Конечно, — ответил Марвин. — Я им говорю, что их пора заменить, но меня вообще никто не слушает.

— Могу представить.

Странное бормотание слышалось со стороны Форда.

— Ну-ну-ну… — повторял он. — Зафод Библброкс…

Марвин вдруг остановился и поднял руку.

— Вы, конечно, знаете, что случилось?

— Нет, а что? — спросил Артур, хотя ему не особенно хотелось знать.

— Еще одна дверь. Из этих.

Они стояли перед дверью, почти сливающейся со стеной коридора. Марвин подозрительно глядел на нее.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил Форд. —

Мы в нее войдем?

— Войдем ли мы в нее? — с иронической гримасой повторил Марвин. — Да. Это вход в рубку. Мне сказали — привести вас к рубке. Это, конечно, все, на что я способен — с моими возможностями.

Медленно, брезгливо, он сделал шаг к двери, бесшумно, словно преследуя добычу. Неожиданно дверь скрылась в стене.

— Благодарю вас, — сказала она, — за то, что вы доставили такую радость простой двери.

Глубоко в глотке Марвина зловеще зажужжали моторчики.

— Смешно, — похоронным тоном заметил он. — Почему как только подумаешь, что хуже жизнь стать не может, она сразу же становится хуже?

Он протиснулся в дверь. Форд и Артур остались снаружи, переглянулись и пожали плечами. Они снова услышали голос Марвина.

— Вы, наверное, хотите увидеть наших пассажиров, — сказал он. — Как вы предпочитаете — мне сидеть в углу и покрываться ржавчиной, или развалиться прямо здесь?

— Ладно, просто проводи их сюда, хорошо? — ответил ему другой голос.

Артур взглянул на Форда и очень удивился, увидев, что тот смеется.

— В чем…

— Шшш, — сказал Форд. — Давай заходи!

Он вошел в рубку.

Артур шагнул за ним. Его била нервная дрожь. То, что он увидел, не придало ему уверенности. Он увидел человека, откинувшегося на спинку кресла, задрав ноги на главную контрольную панель. Этот человек ковырял в зубах своей правой головы левой рукой. Правая голова казалась полностью погруженной в это занятие. Левая же сияла широкой, свободной, беспардонной улыбкой. Во многое из того, что он видел, Артур поверить не мог. В очень многое. Он почувствовал, как его нижняя челюсть больно стукнулась о грудь.

Человек столь необычного вида лениво махнул рукой Форду и, раздражающе подчеркивая свою беспардонность, сказал:

— Привет, Форд! Как дела? Рад, что ты смог заскочить.

Форд был не менее спокоен.

— Зафод, — протянул он, — рад тебя видеть. Отлично выглядишь, лишняя рука тебе идет. Ты стащил отличный корабль.

Артуру удалось подтянуть на место челюсть, но теперь глаза полезли из орбит.

— Ты что, знаешь этого типа? — вопросил он, трясущимся пальцем указывая на Зафода.

— Знаешь! — воскликнул Форд, — это же… — Он остановился и решил начать знакомство с другого конца. — Зафод, это мой друг, Артур Дент, — сказал он. — Я спас его, когда его планета взорвалась.

— Ну конечно, — ответил Зафод, — привет, Артур, рад, что и ты заглянул. — Его правая голова глянула на Форда, сказала: — Привет! — и снова подставила зубы левой руке.

Форд продолжал. — Артур, а это мой сводный двоюродный брат Зафод Биб…

— Мы знакомы, — резко сказал Артур.

Представьте, что вы едете в новой машине по отличному шоссе, на большой скорости, и легко обгоняете всех бывалых водителей, и весьма собой довольны, а затем вдруг переключаетесь с четвертой скорости сразу на первую (вместо третьей), и видите, как ваш мотор элегантно выпрыгивает, и скачками уносится в кювет — и тогда с вами будет то же самое, что случилось с Фордом, когда слова Артура выбили его из седла.

— Э-э… что? — промямлил он.

— Я сказал — мы знакомы.

Зафод странно дернулся, на его лицах появи-

лось удивление.

— Э… м-м… неужели? Э… м-м…

Форд обернулся к Артуру. В глазах его бился сердитый огонек. Теперь, оказавшись снова в привычной обстановке, он вдруг начал сожалеть о том, что связался с этим невежественным туземцем, который знал о Галактике меньше, чем шотландский комар знает о жизни в Пекине.

— В каком смысле — вы встречались? Это, знаешь ли, Зафод Библброкс с Бетельгейзе Пять, а не какой-нибудь Джон Смит из Крайдона.

— Ни капли не волнует, — холодно заявил Артур. — Мы встречались, не так ли, Зафод Библброкс — или, вернее… Фил?

— Что?! — крикнул Форд.

— Тебе придется напомнить, — сказал Зафод. — У меня ужасная память на породы туземцев.

— Это было на вечеринке, — настаивал Артур.

— Вообще говоря, довольно сомнительно, — проговорил Зафод.

— Оставь, Артур, будь добр! — потребовал Форд. Но остановить Артура было нелегко.

— Вечеринка полгода назад. На Земле… В Англии…

Зафод, плотно сжав губы, покачал головой.

— Лондон, — непреклонно продолжал Артур. —

Район Айлингтон.

— А, — виновато вздрогнул Зафод. — ТА вечеринка.

Для Форда это был удар ниже пояса. Он беспомощно переводил взгляд с Артура на Зафода и обратно.

— Что? — сказал он жалобно. — Уж не хочешь ли ты сказать, что тоже был на этой несчастной планете?

— Да нет, конечно, — вздохнул Зафод. — Ну, может, заглянул на минутку, знаешь, так, по пути…

— Но я застрял там на пятнадцать лет!

— Я же не знал, правда?

— Что же ты там делал?

— Ну так, осматривался.

— Он вломился на вечеринку, — заявил Артур, дрожа от гнева, — на маскарад…

— Конечно, на маскарад, это же один раз взглянуть… — заметил Форд.

— На этой вечеринке, — Артур не успокаивался, — была еще девушка… впрочем, это сейчас не имеет значения. Все равно все уже полетело в тартарары…

— Слушай, прекрати ты дуться насчет этой чертовой планеты, — сказал Форд. — Кто же был твоим предметом?

— Не важно. Впрочем, я не имел особого успеха. Хотя старался весь вечер. Было в ней что-то такое… Красивая, но не заносчивая, жутко умная; мне, наконец, удалось отвести ее в сторонку, и мы весело болтали, и вдруг является этот твой приятель и заявляет: «Эй, куколка, ты с этим типом не скучаешь? Поговори лучше со мной. Я с другой планеты». И больше я ее никогда не видел.

— Зафод? — вопросил Форд.

— Да, — ответил Артур, стараясь выглядеть не слишком глупо. — У него было только две руки и одна голова, и он назвал себя Филом, но…

— Но ты должен признать, что он действительно оказался с другой планеты, — сказала Триллиан, появляясь в другом конце рубки. Она наградила Артура приятной улыбкой, которая обрушилась на него, словно тонна кирпичей, и снова повернулась к панелям управления.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем из кошмарного клубка, в который превратились мысли Артура, выпуталось несколько слов.

— Трицию МакМиллан? — слабо сказал он. — Ты что здесь делаешь?

— То же, что и ты, — ответила она. — Меня подвезли. В конце концов, со степенью по ма-

тематике и еще одной по астрономии, что мне еще оставалось делать? Или это, или очередь за пособием по безработице в понедельник.

— Бесконечность минус единица, — ожил компьютер. — Полная сумма невероятности.

Зафод оглянулся, посмотрел на Форда, на Артура, затем на Триллиан.

— Триллиан, — спросил он, — такие вещи — что, они будут случаться всякий раз, когда мы будем включать невероятностный полет?

— Очень вероятно, да, — ответила Триллиан.

Глава 14

Космический корабль Золотое Сердце продолжал свой полет в безмолвии вечной космической ночи. Теперь он летел на обычном фотонном ходу. Четыре члена его экипажа, чувствовали себя не в своей тарелке — они понимали, что вместе их свело не собственное желание или простое совпадение, но некое малопонятное извращение физических законов — словно отношения между людьми подчинялись тем же законам, которые управляют отношениями между атомами и молекулами.

Когда на корабль опустилась искусственная ночь, они с облегчением удалились в отдельные каюты и попробовали привести в порядок свои мысли.

Триллиан не спалось. Она уселась в постели, и принялась разглядывать маленькую клетку, в которой находилась ее единственная и последняя связь с Землей: две белых мыши. Она настояла, чтобы Зафод позволил ей взять их с собой. Она никогда не собиралась возвращаться, но сейчас ее беспокоило собственное равнодушие к ужасной

судьбе родной планеты. Триллиан попыталась думать о Земле, но ей в голову не приходило ровным счетом ничего. Она смотрела, как мыши мечутся по клетке, и яростно вертятся в своих пластиковых колесиках, и постепенно они завладели всем ее вниманием. Вдруг она вскочила, и пошла в рубку взглянуть на мигание огоньков и цифр на экранах. Хотелось бы ей знать, о чем же она старалась не думать.

Зафоду не спалось. Ему тоже хотелось бы знать, о чем он пытался заставить себя не думать. Как бы далеко он ни заглядывал в свои воспоминания, оказывалось, что он всегда мучился каким-то неясным чувством, будто часть его постоянно отсутствует. Почти всегда ему удавалось задвинуть эту мысль куда-нибудь подальше и не беспокоиться о ней, но сейчас она снова попалась ему на глаза — благодаря неожиданному и необъяснимому появлению Форда Префекта и Артура Дента. Каким-то образом все это укладывалось в систему, ему непонятную.

Форду не спалось. Он снова в пути, и этим очень взволнован. Пятнадцать лет задержки, практически — заточения, кончились как раз тогда, когда он уже начал отчаиваться. Прошвырнуться по Вселенной с Зафодом — это, конечно, здорово, хо-

тя было в этом его дальнем родственнике что-то такое чуть слишком странное, чего Форд никак не мог взять в толк. То, что он стал Президентом Галактики, честно говоря, ошарашивало, так же как и обстоятельства его ухода с этого поста. Была ли за этим определенная причина? Смысла спрашивать об этом Зафода точно не было никакого — похоже, он вообще все свои поступки совершал без всякой причины: он превратил оригинальничание в высокое искусство. Ко всему в жизни он приступал, вооружаясь смесью ухищренной гениальности и наивной беспомощности, и зачастую трудно было сказать, что есть что.

Артур спал: он неимоверно устал.

Кто-то постучал в дверь Зафода. Она открылась.

— Зафод?

— Чего?

В овале света появился силуэт Триллиан.

— Кажется, мы нашли то, что ты собирался здесь искать.

— Да ну?

Форд отказался от попытки заснуть. В углу каюты был небольшой экран и панель управления компьютером. Он сел к ней, и попробовал составить дополнение для Путеводителя на предмет

вогенов, но ему в голову не пришло ничего, что уже не упоминалось бы, так что он отказался и от этой мысли, завернулся в халат, и отправился в рубку.

Войдя в рубку, он остановился в удивлении — над приборами склонились двое, издавая восторженные возгласы.

— Видишь? Корабль выходит на орбиту, — говорила Триллиан. — Там есть планета. В той самой точке, координаты которой ты указал.

Зафод услышал, что кто-то вошел, и поднял глаза.

— Форд! Иди сюда и взгляни! (Каким-то образом эту фразу ему удалось громко прошипеть.) Форд подошел и взглянул. На экране мерцали длинные ряды цифр.

— Узнаешь эти координаты?

— Нет.

— Я тебе подскажу. Компьютер!

— Привет, ребята! — В рубку ворвался веселый голос компьютера. — Все познакомились и подружились, да?

— Заткнись, — сказал Зафод, — и открой экраны.

Свет в рубке погас. Точки света заиграли на пультах и отразились в четырех парах глаз, кото-

рые уставились на экраны внешнего обзора.

На них абсолютно ничего не было.

— Узнаешь? — прошептал Зафод.

Форд нахмурился.

— Э-э… нет.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Узнаешь?

— Да ты о чем?

— Мы внутри туманности Конская Голова. Большое, жутко большое темное облако.

— Предполагается, что я узнаю это, глядя на пустой экран?

— Во всей Галактике только внутри этой туманности ты увидишь пустой экран.

— Прекрасно.

Зафод рассмеялся. Было ясно, что он чему-то очень рад, просто как ребенок.

— Слушай, это же здорово, это же просто ух ты как здорово!

— Что же хорошего — завязнуть в пылевом облаке? — спросил Форд.

— Как ты думаешь, что здесь можно найти? — допытывался Зафод.

— Ничего.

— Ни звезд? Ни планет?

— Разумеется.

— Компьютер! — выкрикнул Зафод. — Поверни экран на сто восемьдесят градусов, и не рассуждай!

Секунду, казалось, ничего не происходило, затем у края огромного экрана расплылось свечение. Красная звезда размером с чайное блюдце проплыла по экрану, а за ней следовала другая — система двойной звезды. Затем на экран снизу выплыл огромный полумесяц — красное сияние, исчезающее в глубокой темноте ночной стороны планеты.

— Я нашел ее! — кричал Зафод, и бил кулаками по пульту. — Я нашел ее!

Форд изумленно смотрел на экран.

— Что это? — спросил он.

— Это, — отозвался Зафод, — самая невероятная планета во всей истории Вселенной.

Глава 15

Из Галактического Путеводителя, страница 634784, раздел 5а, статья: Магратея. Давным-давно, в туманах древних времен, в великие и славные дни прежней Галактической Империи, жизнь была дикой, богатой, и большей частью свободной от обложения налогами.

Могучие звездолеты бороздили пустоту, достигая самых далеких звезд в поисках приключений и добычи под чужими солнцами. В те дни души были смелыми, ставки — высокими, мужчины были настоящими мужчинами, женщины — настоящими женщинами, и мохнатые зверюшки с Альфы Центавра — настоящими мохнатыми зверюшками с Альфа Центавра. И все пускались навстречу неизвестности, навстречу ужасным опасностям, великим свершениям, и определению неопределенных форм глагола, чего никогда доселе не делали. Так и была создана Империя.

Разумеется, многие тогда неимоверно разбогатели, но это было вполне естественно, и стыдиться тут было нечего, поскольку никто не был, собственно говоря, беден, — по крайней ме-

ре, никто, о ком стоило бы здесь упоминать. И для всех самых богатых и удачливых негоциантов жизнь неизбежно становилась весьма скучной и пресной, и им начинало казаться, что в этом повинны миры, на которых они обосновались — ни один из них не удовлетворял их требованиям полностью: или погода ближе к вечеру их не устраивала, или день был на полчаса длиннее, чем нужно, или море было чуть-чуть слишком розовым.

Таким образом, были созданы условия для появления и развития новой промышленности: постройки роскошных планет на заказ. Базой этой отрасли стала планета Магратея, где инженеры по гиперпространству высасывали вещество сквозь белые дыры, а затем превращали его в волшебные планеты — золотые планеты, платиновые планеты, мягкие резиновые планеты с частыми землетрясениями. Все они были сотворены тщательно, любовно, чтобы ответить все возрастающим запросам, которые, разумеется, имели право предъявить самые богатые люди Галактики.

Но настолько доходным было это предприятие, что Магратея вскоре стала самой богатой планетой в истории Галактики, а все остальные были

низведены далеко за черту бедности.

И система не выдержала. Империя пала, и долгая гулкая тишина воцарилась над миллионами миров, и эту тишину нарушал только скрип перьев ученых, что день и ночь трудились над своими ничего не значащими книжками о ценности плановой экономики как науки.

Сама Магратея исчезла, и память о ней вскоре канула в темные воды легенд.

В наши просвещенные дни никто, разумеется, не верит ни единому слову этой сказки.

Глава 16

Артур проснулся от громких голосов, и решил отправиться в рубку. Там Форд размахивал руками.

— Ты спятил, — кричал он. — Магратея — миф, сказка, родители ее на ночь детям рассказывают, когда хотят, чтобы они выросли экономистами, это…

— Это то, вокруг чего мы сейчас летаем, — настаивал Зафод.

— Слушай, я не знаю, вокруг чего сейчас летаешь ты, но этот корабль…

— Компьютер! — завопил Зафод.

— О Боже, не надо…

— Всем привет! Я Эдди, ваш бортовой компьютер, я гляжу — вы все отличные ребята. Задайте мне любую задачу — я получу кучу удовольствия, и к тому же решу ее для вас.

Артур вопросительно взглянул на Триллиан. Она показала рукой, чтоб он вошел, но вел себя тихо.

— Компьютер, — сказал Зафод, — скажи нам еще раз наш нынешний курс.

— С огромным удовольствием, приятель, — журчал компьютер, — в настоящий момент мы находимся на орбите на высоте 300 миль над поверхностью мифической планеты Магратея.

— Ничего это не доказывает, — заявил Форд. — Я бы вообще не доверял этому компьютеру, если хотите знать.

— Не хотят, — вмешался компьютер, снова выплевывая кусок бумажной ленты. — Я могу сказать точно, кто и как не хочет, а также представить разработку личностных проблем с точностью до десятого знака, если это поможет.

Триллиан прервала его.

— Зафод, — сказала она. — Через минуту или две мы выйдем на дневную сторону планеты, — и добавила, — чем бы она ни оказалась.

— Эй, это в каком это смысле? Планета находится там, где я сказал, разве нет?

— Да, я знаю, что там есть планета. Я ни с кем не спорю, но я бы не отличила Магратею от любого другого холодного камешка. Начинается рассвет, если тебе интересно.

— Ладно, ладно, — пробормотал Зафод. — По крайней мере, полюбуемся. Компьютер!

— Всем привет! Могу ли я…

— Можешь заткнуться, и еще раз показать нам

планету.

Снова экраны заполнились темной неясной массой — планета внизу вращалась, словно уходя из под ног.

Минуту-другую они смотрели молча, но Зафода трясло от возбуждения.

— Мы сейчас летим над ночной стороной, — приглушенно говорил он. Планета продолжала вращаться.

— Поверхность планеты сейчас в трехстах милях под нами… — продолжал Зафод. Он попытался восстановить то чувство, которое охватило его перед тем мгновением, которое, как он чувствовал, станет великим. Магратея! Его подстегивало недоверие Форда. Магратея!

— Через несколько секунд, — бормотал он, — мы увидим… Вот!

Это мгновение наступило. Даже самый закаленный звездный бродяга не может сдержать восхищения, наблюдая из космоса великий спектакль восхода солнца, но восход двойной звезды — одно из чудес Галактики. Из неприглядной черноты вдруг засияла точка ослепительного света. Она медленно поднималась и выбрасывала лучи в стороны тонким лезвием в форме полумесяца, и вот уже видны два солнца — горнила света, за-

ливающие черный край горизонта белым огнем. Яростные всплески цвета рванулись в тонкую пленку атмосферы.

— Огни восхода! — выдохнул Зафод. — Солнца-близнецы! Сулианис и Рам!

— Или какие угодно, — спокойно заметил Форд.

— Сулианис и Рам! — настаивал Зафод.

Солнца засияли в космической пропасти, и призрачная басовитая мелодия заполнила рубку: это напевал Марвин, не скрывая иронии, потому что очень не любил людей.

Форд смотрел на эту мистерию света, и внутри него горели возбуждение и радость, но только радость открытия новой незнакомой планеты. Он принимает ее такой, какая она есть, и этого достаточно. Его слегка раздражало стремление Зафода добавить какую-то невероятную сказку к великолепию этого зрелища, чтобы она доказала его правоту. Неужели не хватит того, что сад прекрасен — нужно еще верить, что в нем танцуют феи?

Весь разговор о Магратее для Артура был абсолютно непонятен. Он подсел к Триллиан, чтобы спросить ее, что происходит.

— Я знаю только то, что рассказал мне Зафод, —

прошептала она. — Видимо, Магратея — очень древняя легенда, в которую всерьез никто не верит. Вроде Атлантиды на Земле, только обитатели Магратеи строили планеты.

Артур взглянул на экраны, моргнул, и почувствовал, что ему чего-то не хватает. Чего-то очень важного. Неожиданно он понял, чего именно.

— На этом звездолете есть чай? — спросил он.

Поверхность планеты разворачивалась под ними по мере полета Золотого Сердца по орбите. Солнца теперь высоко стояли в черном небе, фейерверк восхода закончился, и планета лежала перед ними в дневном свете — тусклая и суровая, серая, пыльная. Все линии на ее поверхности неясно расплывались. Она выглядела мертвой и холодной, словно покойницкая. Время от времени на горизонте появлялись очертания, выделяющиеся на общем равнинном фоне — ущелья, может быть, горы, а может быть, и города, но как только корабль приближался к ним, линии смягчались, дрожали и пропадали, и снова под кораблем лежала равнина. Поверхность планеты была истерта временем, медленным движением тонкого слоя воздуха, который век за веком сглаживал камень Магратеи. Было ясно, что планета очень, очень стара.

Сомнение на секунду охватило Форда, когда он смотрел на серую равнину под кораблем. Его пугала неимоверность возраста — он мог почувствовать его физически. Он откашлялся.

— Ну, даже если предположить, что это и есть та самая планета…

— Это и есть та самая планета, — вскинулся Зафод.

— Которая совсем не та, — отрезал Форд. — Во всяком случае, чего тебе от нее надо? Там ничего нет.

— Не на поверхности.

— Ладно, пусть даже там что-то и есть. Я так понимаю, ты здесь не для того, чтобы заняться археологией. Что ты ищешь?

Одна из голов Зафода отвела взгляд в сторону. Другая огляделась, пытаясь увидеть, на что это уставилась первая, но поняла, что та уставилась в пустое пространство.

— Ну, — с наигранной веселостью заявил Зафод, — это отчасти любопытство, отчасти поиски приключений, но большей частью, я думаю, слава и деньги…

Форд резко взглянул на Зафода. К нему пришла, и никак не хотела уходить, мысль, что Зафод не имел никакого понятия, зачем он здесь.

— Знаете, мне совсем не нравится вид этой планеты, — сказала Триллиан, нервно дрожа.

— Не обращай внимания, — отозвался Зафод. — Половина всего богатства бывшей Галактической Империи запрятана где-то здесь, на ней. Она может позволить себе выглядеть дурнушкой.

Черт побери, подумал Форд. Даже если эта планета действительно была домом какой-то древней цивилизации, давно исчезнувшей, даже если предположить еще множество исключительно невероятных вещей, все равно не может на ней быть никаких бесценных сокровищ, которые хоть что-нибудь стоили бы сейчас. Он пожал плечами.

— По-моему, это просто мертвая планета, — сказал он.

Артур откашлялся и попробовал включиться в разговор.

— Эта неопределенность действует мне на нервы, — сказал он.

Стресс и нервное напряжение сегодня — серьезные социальные проблемы во всех частях Галактики, и чтобы в данный момент ситуация ни в коей мере не повлекла за собой подобного у читателя, необходимо сразу же сообщить все, что произошло дальше.

Данная планета — действительно легендарная Магратея.

Смертельно опасная ракетная атака корабля, предпринятая древней автоматической системой защиты, будет иметь лишь нижеизложенные последствия: разобьются три кофейные чашки, сломается мышиная клетка, на чьей-то верхней руке появится ссадина; в то же время абсолютно не ко времени возникнут из небытия и снова исчезнут горшок с петунией и ни в чем не повинный кашалот.

Чтобы у читателя совсем не пропал интерес, ему не будет сообщено ничего, что могло бы повлечь за собой преждевременную догадку о том, на чьей верхней руке появится ссадина. Это может без всякого ущерба для него оставаться в секрете, поскольку не имеет ни малейшего значения.

Глава 17

После столь примечательного начала дня, способность соображать у Артура начала восстанавливать свою целостность из тех мелких частиц, на которые она разлетелась вчера. Артур нашел панель Питальника-Жаждоутолителя, и тот выдал ему пластиковую чашку с жидкостью, которая была почти, но все-таки не совсем, непохожа на чай.

Принцип работы жаждоутолителя очень интересен. Когда нажата кнопка Напиток, он мгновенно, но очень точно анализирует вкусовые бугорки клиента, производит спектральный анализ его обмена веществ, и посылает пробные микросигналы в центры вкусоощущения, чтобы проверить, что клиент лучше всего переварит. Тем не менее, никто точно не знает, зачем он это делает, потому что он неизменно выдает чашку жидкости, которая почти, но все-таки не совсем, непохожа на чай. Жаждоутолитель разработан и производится корпорацией Сириус Кибернетикс. Отдел жалоб этой фирмы занимает сейчас все материки трех первых планет звезды Тау систе-

мы Сириуса.

Артур сделал глоток и почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он снова посмотрел на экраны. Еще несколько сот миль той же серой пустыни проскользнуло под кораблем.

— Эта планета… безопасна? — спросил он.

— Магратея мертва уже пять миллионов лет, — ответил Зафод, — конечно, она безопасна. Даже привидение за это время успокоится и обзаведется семьей.

И тут же рубку заполнил странный, необъяснимый звук: где-то вдалеке пели трубы — не звонкий, а глухой, какой-то шелестящий, бестелесный звук.

Затем в рубке прозвучал голос — такой же глухой, шелестящий и бестелесный. Он произнес: — Приветствуем вас.

— Кто-то говорит с нами с мертвой планеты! Компьютер! — завопил Зафод.

— Всем привет!

— Это еще что, фотон их задери?

— А, просто запись, сделанная пять миллионов лет назад. Теперь ее передают для нас.

— Просто что? Просто запись?

— Тихо! — рявкнул Форд. — Слушай дальше!

Голос был стар, безукоризненно вежлив, почти

обворожителен, но при этом пропитан абсолютно несомненной угрозой.

— Это записанное на пленку сообщение, поскольку никто из нас, боюсь, не имеет возможности сейчас встретиться с вами лично. Торговый Совет Магратеи почтительно благодарит вас за ваш визит…

(— Голос с древней Магратеи! — завопил Зафод.

— Ладно, ладно, — утихомирил его Форд.)

— …но, к сожалению, наша планета временно не принимает заказов. Еще раз благодарим вас. Если вы соблаговолите оставить свое имя и адрес планеты, по которому с вами можно связаться впоследствии, будьте добры назвать их после сигнала.

Прозвучал короткий сигнал.

— Они хотят избавиться от нас, — нервно дрожа, прошептала Триллиан.

— Что будем делать?

— Это только запись, — сказал Зафод. — Идем дальше. Ясно, компьютер?

— Мне — ясно, — ответил компьютер, и пришпорил **Золотое Сердце**.

Они ждали.

Через секунду или около того снова прозвучали

трубы, а затем и голос.

— Мы бы хотели заверить вас, что сразу же, как только мы вновь начнем работу, во всех модных журналах и иллюстрированных приложениях будут помещены объявления, и наши клиенты смогут выбрать лучшее из всего, что есть в современной географии. — В голосе прибавилось угрозы. — А сейчас мы почтительно благодарим наших клиентов за проявленный интерес, и просим их удалиться. Сразу.

Артур оглядел напряженные лица своих спутников.

— Что ж, я думаю, нам лучше подчиниться, а? — сказал он.

— Ш-ш-ш, — прошипел Зафод. — Абсолютно не о чем беспокоиться.

— Тогда что же вы так трясетесь?

— Нам просто жутко интересно! — заорал Зафод. — Компьютер! Начинай снижение, входи в атмосферу и готовься к посадке.

На этот раз трубы звучали совсем тихо, голос же был откровенно ледяным.

— Нам очень приятно, — сказал он, — что ваш интерес к нашей планете не уменьшился; хотелось бы заверить вас, что выпущенные управляемые ракеты, направленные на ваш ко-

рабль, являются частью особых услуг, которые мы предоставляем нашим наиболее настойчивым клиентам, а полностью заряженные ядерные боеголовки — всего лишь знак особого внимания. Мы будем рады принять ваш заказ в следующем воплощении. Благодарим вас.

Резкий щелчок означал конец передачи.

— Ой, — сказала Триллиан.

— Э-э-э… — сказал Артур.

— Ну? — сказал Форд.

— Слушайте, — сказал Зафод, — вы поймете, наконец? Это только запись. Ей миллионы лет. Она к нам не относится, ясно?

— А как насчет ракет? — спокойно спросила Триллиан.

— Какие ракеты? Умру от смеха.

Форд похлопал Зафода по плечу и указал на кормовой экран. На нем было ясно видно, как через атмосферу пробивались две серебряные стрелы, несомненно направляясь к кораблю. Вот они появились на экране при большем увеличении — две очень настоящие ракеты, раздирающие своим ревом небо. Неожиданность их появления неприятно поражала.

— Мне кажется, у них самые серьезные намерения, — сказал Форд.

Зафод уставился на всех в крайнем изумлении.

— Это же ужасно! — сказал он. — Кто-то там, внизу, хочет нас убить!

— Ужасно, — сказал Артур.

— Неужели вам не ясно, что это означает?

— Ясно. То, что мы сейчас умрем.

— Правильно, а кроме того?

— Кроме того?

— Это значит, что мы нашли именно то, что искали.

— Отлично. Теперь быстрей бы потерять.

Ракеты росли на глазах. Теперь они легли на прямой курс, и стали видны только их ядерные боеголовки.

— Да, кстати, — осведомился Форд, — что мы собираемся делать?

— Сохранять спокойствие, — ответил Зафод.

— И все? — завопил Артур.

— Ну… нет, мы еще… э-э… предпримем меры по избежанию удара, — внезапно запаниковал Зафод. — Компьютер, какие меры мы можем предпринять?

— Боюсь, ребята, что никаких, — ответил компьютер.

— … или еще что-нибудь, — продолжал Зафод, — э-э…

— У меня вроде бы немного барахлит система навигации, — весело объяснял компьютер, — до удара сорок пять секунд. Можете звать меня Эдди, если это поможет вам успокоиться.

Зафод попытался решительно ринуться сразу в нескольких направлениях.

— Точно! — сказал он. — Э-э… нам придется перейти на ручное управление кораблем?

— Ты можешь им управлять? — вежливо осведомился Форд.

— Нет, а ты?

— Нет.

— Триллиан, а ты можешь?

— Нет.

— Прекрасно, — успокоился Зафод. — Мы будем управлять все вместе.

— Я тоже не могу, — сказал Артур. Он чувствовал, что пора утверждаться в этой компании.

— Я догадался, — сказал Зафод. — Итак, компьютер, мне нужно полное ручное управление.

— Держи, — ответил компьютер.

Несколько больших панелей скользнуло в стены, и из-за них появился пульт ручного управления, обдав экипаж дождем пластиковых прокладок и целлофановых оберток: им еще ни разу пользовались.

Зафод дико уставился на него.

— Ну что ж, Форд, — сказал он, — полный назад, десять румбов вправо… в общем, что-нибудь…

— Желаю удачи, ребята, — чирикал компьютер, — до удара 30 секунд.

Форд подскочил к пульту — с первого взгляда ему удалось понять назначение лишь нескольких кнопок, так что их он и нажал. Корабль затрясся и заскрипел: все двигатели поворота тянули его каждый в свою сторону. Форд выключил половину, и корабль развернулся, встав на дыбы, и отправился обратно, прямо навстречу приближающимся ракетам.

Из стены мгновенно выскочили воздушные подушки, и приняли на себя всех четверых. Несколько секунд они задыхались, прижатые к подушкам собственным весом, и не могли двинуться. Зафод в безумном отчаянии размахивал руками и лягался, и в конце концов задел маленький рычаг на пульте навигационной системы.

Рычаг сдвинулся. Корабль резко прогнулся и взвился кверху. Экипаж швырнуло через кабину. Фордовский экземпляр Путеводителя врезался в другую часть пульта. Для него это кончилось тем, что он принялся объяснять всем, кто желал его слушать, как лучше всего разводить антаресские

паракитовые полипы (антаресский паракитовый полип на маленькой палочке — это неудобоваримый, но очень редкий деликатес для коктейлей, и очень богатые идиоты часто платят за него очень большие деньги, чтобы удивить других очень богатых идиотов). Для корабля — тем, что он вдруг стал падать, словно камень.

Разумеется, именно в этот момент на верхней руке одного из членов экипажа и появилась большая ссадина. На это стоит обратить особое внимание, поскольку, как уже говорилось ранее, в остальном никаких повреждений ни кораблю, ни экипажу нанесено не будет, и смертельно ядерные ракеты вообще не попадут в **Золотое Сердце**. Безопасность экипажа полностью гарантируется.

— Ребята, до удара двадцать секунд, — сказал компьютер.

— Тогда включай опять эти проклятые моторы! — заревел Зафод.

— Ну конечно, — сказал компьютер, мягко заурчал, двигатели включились, корабль плавно вышел из пике, и отправился прямо навстречу ракетам.

Компьютер запел.

— **Когда шагнул навстречу урагану…** — гнуса-

вил он. Зафод взвизгнул:

— Заткнись! — но его не было слышно в грохоте, который, все они, естественно, считали близящимся уничтожением.

— **Иди вперед, не опуская глаз!..** — завывал Эдди.

Корабль, выходя из пике, перевернулся кверху дном, и теперь, поскольку все четверо лежали на потолке, было абсолютно невозможно добраться до пультов управления.

— **За пеленой холодного тумана...** — тянул Эдди.

Две ракеты росли и росли на экранах, догоняя корабль.

Но по необычайно счастливой случайности им еще не удалось полностью приноровиться к беспорядочно мотающемуся из стороны в сторону кораблю, и они прошли под ним.

— **Восхода встретишь ты волшебный час...** Уточненное время до удара 15 секунд, друзья... **Сквозь ветер и тьму...** Две ракеты, встав на дыбы, развернулись обратно и продолжали погоню.

— Ну вот и все, — сказал Артур, разглядывая их. — Теперь мы определенно умрем, правда?

— Будь так добр, перестань, — крикнул Форд.

— Но это так, верно?

— Да.

— **Иди к нему…** — пел Эдди.

В голову Артуру ударила мысль. Он с трудом поднялся на ноги.

— Почему никто не попробует включить эту штуку, как его — Невероятностный Полет? — спросил он. — Может, мы дотянемся.

— Совсем спятил? — спросил Зафод. — Без точной программы все что угодно может случиться!

— Какая теперь разница?

— **Пусть в клочья мечту твою рвет…** — не умолкал Эдди.

Артур вскарабкался на один из восхитительно изогнутых фрагментов литой решетки, где стена плавно переходила в потолок.

— **С надеждой в груди, вперед иди…**

— Знает кто-нибудь, почему Артуру нельзя включить Невероятностный Полет? — крикнула Триллиан.

— **Иди всегда вперед…** До удара пять секунд, вы были хорошие ребята… Господь да благословит вас… **Иди-и… всегда-а… впере-о-о-о-д!**

— Я говорю, — завопила Триллиан, — знает кто-нибудь…

Вот что случилось в следующее мгновение: умопомрачительный взрыв, смесь грохота и света.

Глава 18

А вот что случилось в следующее мгновение: корабль спокойно продолжал свой путь, но внутри корабля произошли захватывающие дух перемены. Рубка стала вроде бы больше, и сменила окраску на мягкие пастельные тона — зеленоватый и голубой. В центре ее теперь возвышалась увитая плющом в желтых цветочках винтовая лестница, которая, в общем-то, никуда не вела, а рядом с ней — каменный пьедестал солнечных часов. Теперь главные блоки компьютера размещались в нем. Искусно скрытые светильники и зеркала создавали иллюзию оранжереи, из которой был виден тщательнейшим образом ухоженный сад. У стен оранжереи были расставлены мраморные столики на гнутых кованых ножках неотразимой красоты. При взгляде на полированную поверхность мрамора в нем появлялись неясные очертания пультов управления, а если прикоснуться к ним, они тут же вырастали из столов. Если смотреть под правильным углом, в зеркалах отражались необходимые данные, хотя откуда они отражаются, было абсолютно

непонятно. В общем, вокруг было неимоверно красиво.

Развалившись в шезлонге, Зафод Библброкс осведомился:

— Что, черт побери, случилось?

— Ну, я только сказал, — отозвался Артур, удобно устроившись возле маленького бассейна с золотыми рыбками, — что вон там есть кнопка включения Невероятностного Полета… — Он махнул рукой в ту сторону, где она была. Теперь там стояла ваза с живыми цветами.

— Но где мы? — спросил Форд. Он сидел на винтовой лестнице, держа стакан с прекрасно охлажденным Всегалактическим «Мозгобойным» Коктейлем.

— Я думаю, точно там же, где и были, — сказала Триллиан; зеркала вокруг внезапно показали все тот же пустынный ландшафт, все так же уплывающий из-под ног.

Зафод вскочил.

— Тогда что стряслось с ракетами?

То, что появилось в зеркалах, просто ошеломляло.

— Следует предположить, — с сомнением в голосе произнес Форд, — что они превратились в горшок с петунией и весьма удивленного каша-

лота. По крайней мере, насколько я могу судить о кашалотах…

— При показателе невероятности, — вмешался Эдди, который нисколько не изменился, — равном одному к двум в степени восемь миллионов семьсот шестьдесят семь тысяч сто двадцать восемь.

Зафод уставился на Артура.

— Это ты додумался, землянин? — требовательно произнес он.

— Ну, я только…

— Здорово придумал, надо сказать. Включить на секунду невероятностный полет без защитных экранов. Слушай, приятель, да ты просто спас нам жизнь!

— О, — сказал Артур, — да ладно, не стоит благодарности.

— Да? Ну не стоит, так не стоит. — Зафод повернулся к солнечным часам. — Компьютер, сажай корабль.

— Но…

— Я сказал — не стоит, так не стоит. Забудем.

Забытым осталось и то, что вопреки любым законам вероятности на высоте 300 миль над поверхностью планеты вдруг появился кашалот.

И поскольку кашалоту, естественно, трудно

остаться на высоте в этой ситуации, бедное невинное создание имело очень мало времени на то, чтобы успеть осознать себя китом, прежде чем ему пришлось больше не осознавать себя китом.

Перед вами полная запись потока его мыслей с самого начала жизни до самого конца.

Ах..! Что происходит? — подумал он.

Э-э, простите, кто я?

А?

Почему я здесь? Какова моя цель в жизни?

Что я понимаю под вопросом «кто я»?

Успокойся, соберись с мыслями …о! интересное ощущение, правда, что это такое? Что-то вроде… пустоты, и какого-то покалывания в моем… моем… похоже, надо начинать давать вещам имена, если я хочу хоть как-то пробиться в том, что я ради того, что я нарекаю простотой, назову миром, поэтому назовем это моим животом.

Хорошо. Это покалывание, оно все усиливается. И еще, что это за свистящий ревущий звук вокруг того, что я вдруг решил назвать моей головой? Может, я могу назвать это… ветер? Хорошее имя? Сойдет… Может, я смогу потом подобрать что-нибудь получше, когда выясню, зачем он нужен. Это, наверно, что-то очень важное, потому что его чертовски много! Эй! А это что? Это… назовем

его хвостом — да, хвост! Ух ты! Я умею им здорово махать, а? Ух ты! Ух ты! Вот здорово! Толку вроде бы немного, но я потом выясню, зачем он нужен. Теперь — сложилась ли у меня стройная картина, или еще нет?

Нет.

Ну и ладно. Эге-гей! — жизнь чудесна, я столько всего встречу, столько всего узнаю, у меня голова кружится от предвкушения…

Или от ветра?

Он все сильнее, а?

А еще ух ты! Эй! Что это — так быстро летит навстречу? Очень, очень быстро. Надо этому дать имя. От него, кстати, и идет ветер. Такое большое, и круглое, и плоское… Надо дать ему подходящее имя.

Интересно, мы с ним подружимся?

И дальше, после внезапного мокрого шлепка — тишина.

Любопытно отметить — единственная мысль, появившаяся у петунии, была: Опять?! О нет, только не это! Многие считают, что если бы мы точно знали, почему горшок с петунией так подумал, мы знали бы много больше о природе Вселенной, чем знаем сейчас.

Глава 19

— Мы берем этого робота с собой? — спросил Форд, неприязненно оглядывая Марвина, стоявшего, нелепо сгорбившись, в углу под пальмой.

Зафод отвел взгляд от зеркал-экранов, которые показывали панораму пустынной равнины, на которой приземлилось **Золотое Сердце**.

— А, Андроид-Параноид, — сказал он. — Да, мы его возьмем.

— Тогда ответь, пожалуйста, что в принципе можно делать с роботом, страдающим маниакально-депрессивным психозом?

— Вы думаете, у вас есть проблемы? — сказал Марвин так, словно стоял перед только что заколоченным гробом. — Что в принципе делали бы вы, если бы вы были роботом с маниакально-депрессивным психозом? Нет, не трудитесь отвечать, я в пятьдесят тысяч раз умнее, и то не знаю ответа. У меня болит голова, даже когда я просто пытаюсь думать на вашем уровне.

Открылась дверь каюты Триллиан, и она ворвалась в каюту.

— У меня мыши сбежали! — сообщила она.

Выражение сожаления или огорчения не появилось ни на одном из лиц Зафода.

— Мыши сбежали? Ну и черт с ними! — сказал он.

Триллиан расстроенно взглянула на него и снова исчезла.

Возможно, ее слова привлекли бы больше внимания, если бы был шире известен тот факт, что люди были только третьей разумной формой жизни на планете Земля, а не второй (как обычно полагали самые объективные наблюдатели).

— Добрый вечер, мальчики.

Голос был вроде бы знакомым. Но что-то в нем было другим. В нем появилось материнское сюсюканье. Все стояли перед выходным люком, и ждали, когда он откроется.

Четверо посмотрели друг на друга в замешательстве.

— Это компьютер, — объяснил Зафод. — Я обнаружил, что у него на крайний случай есть запасная личностная характеристика. Я думал, может, она будет лучше работать.

— Слушайте меня внимательно. Это ваш первый день на новой, чужой планете, — продолжал Эдди новым голосом. — Поэтому я проверю, хорошо ли вы одеты, надели ли вы шарфы и перчатки.

Не играйте со всякими бяками жукоглазыми чудищами.

Зафод нетерпеливо постучал в люк.

— Извиняюсь, — сказал он. — Кажется, нам лучше выйти через другой люк.

— Верно! — быстро отозвался компьютер. — Кто это сказал?

— Будь так добр, компьютер, открой выходной люк, пожалуйста! — сказал Зафод, стараясь не рассердиться.

— Не открою, пока тот, кто это сказал, не назовется, — настаивал компьютер. Сигнал подготовки шлюза погас.

— О боже, — пробормотал Форд, прислонился к крышке люка и начал считать до десяти. Он безумно боялся, что однажды разумные формы жизни забудут, как это делается. Только устным счетом человек может доказать компьютеру свою независимость.

— Ну, — сурово сказал Эдди.

— Компьютер… — начал Зафод.

— Я жду, — оборвал его Эдди. — Я могу ждать весь день, если понадобится.

— Компьютер, — снова начал Зафод. Он пытался найти какой-нибудь довод, чтобы убедить компьютер, но, поняв, что в этом деле против

Эдди ему не потянуть, решил не прилагать к этому особых усилий. — Если ты сию же минуту не откроешь шлюз, я иду к твоим главным блокам, и меняю программу большим пожарным топором. Очень большим. Понятно?

Эдди сраженно замолчал, обдумывая это.

Форд спокойно продолжал считать. Это одна из самых жестоких вещей, которые можно сделать с компьютером: примерно то же, что подойти к человеку, и повторять: Кровь… кровь… кровь… кровь…

Наконец Эдди спокойно произнес: — Я вижу, что нам придется поработать над нашими взаимоотношениями, — и люк открылся.

Их пронизал ледяной ветер. Они закутались потеплее, и по лесенке сошли на пыльную поверхность Магратеи.

— Еще поплачете, я уж знаю! — крикнул Эдди им вслед, и закрыл люк.

Через несколько минут он снова открыл и закрыл люк, подчиняясь команде, абсолютно неожиданной для него.

Глава 20

Пятеро медленно шли по пустынной равнине, частью скучно серой, частью скучно-коричневой. Остальные части были еще скучнее. Она была похожа на высохшее болото, лишенное теперь всякой растительности, и покрытое слоем пыли толщиной в дюйм. Было очень холодно.

Зафода это вводило в уныние, и это все прекрасно видели. Он потихоньку отошел в сторону и скоро скрылся за небольшой возвышенностью.

Скудный холодный воздух, казалось, сжимал горло Артура. Ветер напал на его глаза и уши и разил насмерть. Мозг Артура был уже сражен.

— Фантастика, — сказал он, и его собственный голос царапнул ему уши. Звук плохо проходил в разреженном воздухе.

— Ну и дыра, скажу я вам, — проговорил Форд. — Я бы нашел себе развлечение куда лучше даже в помойке. — Он чувствовал, как в нем закипает раздражение. Из всех планет всех звездных систем всей Галактики — всех экзотически диких, бурлящих жизнью планет — неужели нужно было влезть в эту дыру после того, как он пятнадцать

лет был в ссылке? Даже бутерброд купить негде. Он наклонился и поднял комок холодной земли, но под ним не было ничего, ради чего стоило бы пролететь не одну тысячу световых лет.

— Да нет, — настаивал Артур, — неужели ты не понимаешь, что я в первый раз стою на другой планете… целый чужой мир! Жаль, конечно, что это такая дыра!

Триллиан поежилась, вздрогнула и нахмурилась. Она точно — и могла в этом поклясться — видела краем глаза какое-то неожиданное движение, но когда она посмотрела в ту сторону, увидела только лишь корабль, неподвижный и безмолвный, метрах в ста позади.

Секундой позже они увидели Зафода — он стоял на гребне маленького холмика и махал руками, подзывая их к себе.

Казалось, он был чем-то возбужден, но они не могли расслышать его слов из-за разреженного воздуха и сильного ветра.

Когда они подошли к холмику, они обнаружили, что тот похож не просто на холмик, а на округлый кратер размером метров сто пятьдесят. Снаружи кратер был покрыт какими-то черно-красными кусками. Они остановились, чтобы рассмотреть один кусок. Он был мокрый. Он был

скользкий и на ощупь напоминал резину.

С ужасом они поняли, что это свежее китовое мясо. Наверху к ним подбежал Зафод. — Смотрите, — сказал он, указывая в кратер.

В центре его лежал обнажившийся скелет кашалота, с которого силой удара о землю сорвало все мясо. Кашалот жил недостаточно долго, чтобы разочароваться в жизни, и умер счастливым. Тишину нарушали только глухие непроизвольные спазмы в горле Триллиан.

— Наверно, нет смысла его хоронить? — пробормотал Артур, и пожалел о том, что сказал.

— Пошли, — твердо сказал Зафод и начал спускаться в кратер.

— Что — туда вниз? — спросила Триллиан с выражением крайнего отвращения.

— Ну да, — ответил Зафод, — пошли, я вам кое-что покажу.

— Нам и отсюда прекрасно видно, — отрезала Триллиан.

— Не то, — обернулся Зафод, — совсем другое. Пошли.

Все колебались.

— Пошли, — настаивал Зафод. — Я нашел вход.

— Вход? — в ужасе вопросил Артур.

— Вход внутрь планеты! Подземный ход! Когда

кит шлепнулся, потолок рухнул, туда нам и нужно. Куда ни один человек не ступал все эти пять миллионов лет, в самые глубины времени.

Марвин снова загундосил что-то саркастическое.

Зафод стукнул его, и он заткнулся.

Слегка дрожа от отвращения, все последовали за Зафодом, изо всех сил стараясь не смотреть на останки несчастного разрушителя.

— Жизнь, — скорбно произнес Марвин. — Хули ее или презирай, любить ее невозможно.

Почва там, где об нее ударился кит, провалилась, открыв сеть подземных проходов, большей частью заваленных мусором. Зафод уже начал расчищать один из них, но Марвин смог сделать это гораздо быстрее. Из темных глубин тянуло сыростью, и, когда Зафод посветил внутрь своим фонариком, мало что было видно в пыльном мраке.

— По древним легендам, — сказал он, — магратейцы большую часть своей жизни проводили под землей.

— Почему? — спросил Артур. — Что, поверхность слишком загрязнилась? А может, перенаселение?

— Нет, не думаю, — отозвался Зафод. — Навер-

но, им просто здесь не очень нравилось.

— Ты уверен, что знаешь, что делаешь? — нервно спросила Триллиан, вглядываясь в темноту. — Если помнишь, нас уже один раз попытались убить.

— Слушай, девочка, я тебе обещаю: все население этой планеты — ноль, не считая нас четверых, так что пошли. Ну, пошли туда. Э, послушай-ка, землянин…

— Артур, — сказал Артур.

— Вот-вот, ты можешь оставить при себе этого робота и вроде как охранять этот конец прохода? Договорились?

— Охранять? — повторил Артур. — От кого? Ты только что сказал — здесь никого нет.

— Ну… в общем, защищать, ладно?

— Кого? Вас или себя?

— Молодец, ухватил. Ну, мы пошли.

Зафод протиснулся в проход. За ним последовали Триллиан и Форд.

— Желаю вам всем отвратительно провести время, — сказал им вслед Артур.

— Не беспокойся, — заверил его Марвин. — Именно так они его и проведут.

Через несколько секунд они исчезли из виду.

Артур прогулялся туда-сюда, и потом решил,

что китовое кладбище, в общем, не самое лучшее место для прогулок.

Марвин секунду злобно смотрел на него, а потом отключился.

Зафод нервничал, но старался скрыть это, целеустремленно топая вперед. Он шел очень быстро, и водил кругом лучом фонаря. Покрытые темным кафелем стены были холодны, в воздухе сильно воняло падалью.

— Ну, что я вам говорил? — повторял он. — Обитаемая планета. Маграте́я, — и шагал дальше через грязь и мусор, покрывавшие пол.

Триллиан постоянно приходило на ум лондонское метро, только здесь мусорили не столь старательно.

Временами темный кафель на стенах сменялся большими мозаиками с простыми угловатыми рисунками ярких цветов. Триллиан остановилась перед одной такой мозаикой и пыталась уловить в ней какой-то высший смысл, но это ей не удалось. Она позвала Зафода.

— Зафод, ты как думаешь, что это за странные значки?

— Я думаю, просто какие-то странные значки, — ответил Зафод, едва взглянув на стену.

Триллиан пожала плечами и поспешила за

ним.

Время от времени они проходили мимо дверей — то слева, то справа. Двери вели в небольшие камеры, которые, как обнаружил Форд, были полны древним компьютерным железом. Он затащил в одну камеру Зафода, чтобы тот посмотрел. Триллиан вошла следом.

— Ну вот, — сказал Форд, — ты считаешь, это Магратея...

— Да, — ответил Зафод, — и мы слышали голос, правда?

— Ладно, я предположу, что это Магратея — на минуту. А вот о чем ты до сих пор слова не сказал — как ты нашел ее во всей Галактике. Не искал же ты в звездном атласе.

— Изыскания. Правительственные архивы. Детективные агентства. Везение. Элементарно.

— А потом ты украл Золотое Сердце, чтобы полететь ее искать?

— Я украл его, чтоб искать много чего.

— Много чего? — удивился Форд. — Например?

— Не знаю.

— Что?

— Я не знаю, чего ищу.

— Что? Ты спятил?

— Это возможно, но до конца я еще не выяс-

нил, — спокойно ответил Зафод. — Я знаю о себе ровно столько, насколько может судить мой мозг при нынешних обстоятельствах. А для него нынешние обстоятельства не слишком хороши.

Долгое время никто ничего не говорил, а Форд смотрел на Зафода с выражением крайнего беспокойства.

— Слушай, дружище, а может… — как бы между прочим, сказал он.

— Нет, подожди. Я тебе кое-что расскажу, — прервал его Зафод. — Я многое пускаю на самотек. У меня появляется идея что-то сделать, и — а почему бы и нет? И я это делаю. Я думаю: «А почему бы мне не стать Президентом Галактики?» — и так и выходит, запросто. Я решаю украсть этот корабль. Я решаю разыскать Магратею, и все просто-напросто именно так и происходит. Нет, я, конечно, думаю, как это лучше сделать, это верно, но ведь срабатывает-то всегда. Вроде того, как у тебя есть кредитная карточка Галактического банка, и неограниченный кредит. А потом, когда я остановлюсь и подумаю: «Почему я решил это сделать? Как я придумал, как это сделать?» — у меня появляется очень сильное желание об этом не думать. Как сейчас. Мне стоит больших усилий говорить об этом.

Зафод остановился на секунду. Секунду стояла тишина. Потом он нахмурился и продолжал:
— Прошлой ночью меня это снова беспокоило — то, что часть моих мозгов работает как-то не так. И тут мне пришло в голову, что больше всего это похоже на то, как если бы кто-нибудь просто пользовался моими мозгами для разработки хороших идей, причем не спросясь у меня самого. Я сложил все это вместе и решил, что, возможно, кто-то отключил часть моих мозгов для этого, поэтому я и не могу ей пользоваться. И мне захотелось попробовать найти способ это проверить.

Я пошел в корабельный лазарет и подключился к энцелографическому экрану. Я попробовал все главные тесты на обеих моих головах — все тесты, которые я должен был пройти прежде, чем выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента. Они ничего не показали. По крайней мере, ничего неожиданного. Они показали, что я умен, что у меня развита фантазия, что я абсолютно безответственный, что мне нельзя доверять, что я экстраверт, ну, обо всем этом и так можно было догадаться. И никаких других ненормальностей. Тогда я стал изобретать другие тесты, сложнее, просто наудачу. Ничего. Тогда я попробовал наложить данные с одной головы на данные с

другой. Опять ничего. Наконец я сглупил, потому что отказался от этой затеи, и решил, что это просто приступ паранойи, и ничего больше. Но напоследок, прежде чем свертываться, я взял то, что получилось от наложения и посмотрел через зеленый фильтр. Ты помнишь, я всегда был суеверен насчет зеленого цвета? Я ведь хотел стать пилотом торгового катера.

Форд кивнул.

— И вот оно, — продолжал Зафод, — ясно, как день. Целый отдел в середине одного мозга был связан только с таким же отделом в середине другого, и больше ни с чем вокруг. Какой-то ублюдок отсек все нейроны и обработал эти куски электрическим током.

Форд в ужасе уставился на Зафода. Триллиан смертельно побледнела.

— Кто-то сделал это с тобой? — прошептал Форд.

— Угу.

— Но у тебя есть подозрения кто? Или зачем?

— Зачем? Могу только догадываться. Но я точно знаю, кто был этот ублюдок.

— Точно знаешь? Откуда?

— На отсеченных нейронах выжжены его инициалы. Так, чтобы я их увидел.

Форд не скрывал своего ужаса. Он почувствовал, как по его спине бегут крупные мурашки.

— Инициалы? Выжженные у тебя в мозгу?

— Угу.

— Господи Боже, какие?

Зафод снова помолчал, глядя на Форда в упор. Потом он отвернулся.

— З.Б., — сказал он спокойно.

В ту же секунду за их спиной с лязгом опустился железный щит, закрывший выход, и в комнату пополз газ.

— Потом доскажу, — закашлялся Зафод, и все трое потеряли сознание.

Глава 21

Артур угрюмо бродил по поверхности Магратеи. Форд предусмотрительно оставил ему Путеводитель, чтобы было не так скучно ждать. Он нажал несколько кнопок наугад.

Редакторы Путеводителя очень по-разному подходили к своей задаче. Некоторые — и довольно многие — из них включали в него много статей просто потому, что в свое время эти сведения показались им интересными.

Одна из них (та, на которую наткнулся Артур) излагает предположительную историю жизни некоего Виита Вуджаджита, тихого молодого студента из Максимегалонского Университета, которого ждало блестящее научное будущее (он изучал древние языки, трансформационную этику, и волновую гармоническую теорию исторического восприятия), но после того, как он и Зафод Библброкс однажды прокутили всю ночь напролет, причем было выпито огромное количество Всегалактического «Мозгобойного» Коктейля, он вдруг решил найти ответ на вопрос — что произошло со всеми шариковыми ручками,

которые он купил за последние несколько лет.

За долгие годы исследования, дорого стоившие Вуджаджиту, он посетил все главные центры утери шариковых ручек, для чего изъездил Галактику вдоль и поперек, и, наконец, выдвинул интересную теорию, в свое время весьма позабавившую общественность. Где-то в космосе, рассуждал он, наряду с планетами, населенными гуманоидами, рептилоидами, рыбоидами, ходячими древоидами и сверхразумными голубенькими тенями, есть планета, полностью отданная жизни в форме шариковых ручек. И именно на эту планету сбегают потерянные ручки, под шумок пролезая в пространственные щели — в мир, где, как им точно известно, они могут наслаждаться чисто шариковым образом жизни, отвечая жизненным стимулам, предназначенным только для шариковых ручек; в общем, вести то, что они называют хорошей жизнью.

И пока это было просто теорией, все было прекрасно. Все это было даже очень интересно до тех пор, пока Виит Вуджаджит не объявил, что он нашел эту планету, и жил там, и подрабатывал шофером в семье дешевых зеленых авторучек. Вследствие этого заявления он был взят под стра-

жу, изолирован от общества, написал книгу, и в конце концов был приговорен к облагаемой налогом ссылке — обычной участи тех, кто стремится выставить себя на смех.

Когда однажды в точку пространства, указанную Вуджаджитом, послали экспедицию, она обнаружила там только маленький астероид, все население которого состояло из старика-отшельника, который снова и снова повторял, что все сущее — неправда. Потом, однако, выяснилось, что он был неправ.

Тем не менее, остаются вопросы как об источнике таинственной суммы в 60 тысяч альтаирских долларов, ежегодно перечисляемых на счет Вуджаджита в Брантисвоганском банке, так и, разумеется, о высокодоходном предприятии по торговле подержанными шариковыми ручками, принадлежащем Зафоду Библброксу.

Артур дочитал статью, и выключил Путеводитель.

Марвин все еще сидел рядом без движения.

Артур поднялся и пошел вверх. Он обошел весь кратер. Он посмотрел, как два солнца величественно опускаются за горизонт Магратеи.

Он снова спустился в кратер. Он разбудил Марвина, потому что даже с роботом, страдающим

маниакально-депрессивным психозом, говорить приятнее, чем с самим собой.

— Ночь начинается, — сказал он. — Смотри, робот, звезды выходят.

Из середины пылевого облака видно очень мало звезд, и светят они слабо, но все-таки им удалось появиться в небе.

Робот послушно взглянул на них, и снова перевел взгляд на Артура.

— Вижу, — сказал он. — Отвратительно, не правда ли?

— Но какой закат! Даже в самых прекрасных снах я такого не видел! ...два солнца! Как огненные горы в пустоте!

— Я видел, — ответил Марвин. — Ерунда.

— У нас ведь было только одно солнце — там, дома, — не успокаивался Артур. — Я, видишь ли, с планеты, которая называлась Земля.

— Знаю, — ответил Марвин. — Только об этом ты и болтаешь. Ужасное название.

— О нет, она была красивая.

— Там были океаны?

— Да, — вздохнул Артур, — огромные глубокие синие океаны...

— Ненавижу океаны, — сказал Марвин.

— Скажи, — вдруг заинтересовался Артур, — а

как у тебя отношения с другими роботами?

— Терпеть их не могу, — ответил Марвин. — Куда ты идешь?

Терпение Артура лопнуло. Он снова поднялся.

— Я, пожалуй, еще прогуляюсь, — сказал он.

— Ни в чем себе не отказывай, — сказал Марвин, и сосчитал пятьсот девяносто семь тысяч миллиардов овец, прежде чем снова заснуть секундой позже.

Артур обхватил себя руками в тщетной попытке согреться, и снова заковылял вверх по склону.

Из-за того, что воздух был столь разреженным, и из-за того, что у Магратеи не было луны, темнота опустилась очень быстро. Стало совсем темно, и поэтому Артур практически на всем ходу столкнулся со стариком.

Глава 22

Он стоял спиной к Артуру, глядя, как самые последние всплески света исчезают во тьме за горизонтом. Он был высокого роста, и носил что-то вроде длинной серой рубахи. Когда он обернулся, стало видно его лицо — худое, отмеченное высокими заботами, но не суровое. Человеку с таким лицом можно доверить даже подписанный чек с непроставленной суммой. Но он не обернулся, даже когда Артур столкнулся с ним и вскрикнул.

Наконец, солнца скрылись за горизонтом, и он обернулся. Лицо его все еще было слабо освещено. Артур, пытаясь найти источник света, обернулся, и увидел, что в нескольких шагах от них стоит какая-то небольшая машина — на воздушной подушке, догадался он. Она испускала слабое свечение.

Старик взглянул на Артура — как тому показалось, печально.

— Вы выбрали холодную ночь для визита на нашу мертвую планету, — сказал он.

— Кто… вы такой? — заикнулся Артур.

Незнакомец отвернулся. Казалось, по его лицу

опять скользнула печаль.

— Как меня зовут — это неважно, — сказал он.

Казалось, у него было что-то на уме, но начинать разговор он не торопился. Артур почувствовал себя неловко.

— Я… э-э… вы меня напугали… — запинаясь, произнес он.

Незнакомец снова повернулся к нему и поднял брови.

— Хмм?

— Я говорю, вы меня напугали.

— Не беспокойся, я не нанесу тебе вреда.

При этих словах Артур нахмурился. — Но вы в нас стреляли! Эти ракеты… — сказал он.

Незнакомец уставился вниз, в кратер. Свечение треугольных глаз Марвина бросало едва заметные красные блики на огромный скелет.

Он насмешливо хмыкнул.

— Автоматика, — сказал он, и слегка вздохнул. — Древние компьютеры в недрах нашей планеты отсчитывают миллионнолетия, и века тяжелой пылью оседают на их памяти. Я думаю, они постреливают иногда просто, чтобы развеяться.

Он серьезно взглянул на Артура и сказал: — Я, знаете, очень люблю науку.

— А… э-э… неужели? — растерялся Артур. Странный, доброжелательный тон незнакомца начал казаться ему неестественным.

— О да, — сказал старик, и снова замолк.

— А… — сказал Артур, — э-э… У него появилось глупое ощущение — словно он любовник из анекдота, и очень удивлен тем, что в момент супружеской измены в комнату вбегает муж, переодевает брюки, заводит разговор о погоде, и снова исчезает.

— Ты, кажется, не в своей тарелке? — заботливым, вежливым тоном спросил старик.

— Э-э… нет… хотя да. Видите ли, мы вообще не ожидали здесь, честно говоря, никого… э-э… если уж на то пошло… э-э… найти. Я вообще-то понял так, что вы все умерли, или вроде того…

— Умерли? — удивился старик. — Господи Боже, нет, мы только спали.

— Спали? — недоверчиво переспросил Артур.

— Да, мы заснули на время экономического спада, — ответил старик, явно не подозревавший, что Артур его не понимает.

Артуру пришлось снова подтолкнуть его к разговору.

— Э-э… экономического спада?

— Видишь ли, пять миллионов лет назад про-

изошел Галактический экономический кризис. Мы поняли, что планеты, построенные на заказ, становятся предметом роскоши.

Он остановился и взглянул на Артура.

— Ты знаешь, что мы строили планеты? — спросил он.

— Ну да, — сказал Артур. — Я понял, но…

— Дело, достойное восхищения, — сказал старик, и в глазах его затеплился ностальгический огонек. — Больше всего я любил формовать линию побережий. Особенно приятно было чуть-чуть дать себе воли с фьордами… впрочем, — сказал он, пытаясь вспомнить, о чем говорил, — произошел кризис, и мы решили, что для нас будет спокойнее просто заснуть на это время. Так что мы дали компьютерам задание разбудить нас, когда он кончится.

Незнакомец постарался скрыть короткий зевок, и продолжал. — Компьютеры постоянно получали биржевые бюллетени, чтобы нас оживили, когда все остальные восстановят свою экономику в такой степени, чтобы позволить себе прибегнуть к нашим весьма дорогостоящим услугам.

Артура, постоянного читателя «Биржевых новостей», это просто потрясло.

— Но это же нечестно!

— Неужели? — мягко отозвался старик. — Сожалею, я, можно сказать, не в курсе.

Он указал в кратер.

— Этот робот твой? — спросил он.

— Нет, — скрипуче донеслось из кратера. — Я свой.

— Если это можно назвать роботом, — пробормотал Артур. — Больше это похоже на Электронного Плакальщика.

— Приведи его, — сказал старик. Артур с удивлением отметил решительные нотки, появившиеся вдруг в его голосе. Он позвал Марвина, и тот вскарабкался вверх по склону, изо всех сил притворяясь хромым, хотя хромым он никогда не был.

— Впрочем, по здравом размышлении, — сказал старик, — оставь его здесь. Ты пойдешь со мной. Близятся великие дела. — Он повернулся к своей машине, которая приблизилась к ним в темноте, хотя старик не подал ей никакого видимого сигнала.

Артур взглянул вниз на Марвина, который теперь разыгрывал спектакль в обратном направлении, деловито поворачиваясь и ковыляя вниз по склону, бормоча себе под нос ничего не значащие едкости.

— Пошли, — сказал старик, — быстрее, а то опоздаешь.

— Опоздаю, — удивился Артур. — Куда?

— Как тебя зовут?

— Дент. Артур Дент, — ответил Артур.

— Ты будешь там, откуда нет возврата, Дентартурдент, — сурово сказал старик. — Это угроза. У меня они никогда особенно хорошо не получались, но мне сказали, что они могут возыметь очень сильное действие.

Артур захлопал глазами.

— Что за странный тип, — пробормотал он себе под нос.

— Прошу прощения? — обернулся старик.

— Нет-нет, ничего, — в замешательстве отозвался Артур. — Ладно, куда мы пойдем.

— В мой аэрокар, — ответил старик, и жестом пригласил Артура взобраться в машину, остановившуюся возле них. — Мы отправимся глубоко в недра нашей планеты, где еще и сейчас наш народ восстает от пятимиллионнолетнего сна. Магратея просыпается.

Артур невольно вздрогнул, усаживаясь рядом со стариком. Необыкновенность происходящего, и безмолвная дрожь машины, устремившейся в ночное небо выбила его из колеи.

Он взглянул на старика, чье лицо освещалось тусклым мерцанием приборной панели.

— Извините, — сказал он ему, — как ваше имя, кстати?

— Мое имя? — повторил старик, и на лице его снова появилась та же далекая печаль. Он помолчал. — Мое имя, — сказал он, — Слартибартфаст.

— Прошу прощения?

— Слартибартфаст.

— Слартибартфаст?

Старик спокойно посмотрел на него.

— Я же говорил, что это не имеет значения, — сказал он.

Машина летела сквозь ночь.

Глава 23

Важный и широко известный факт: не всегда то, что кажется — правда. Например, на планете Земля человек всегда считал, что он разумнее дельфинов потому, что многого достиг — придумал колесо, Нью-Йорк, войны и так далее — в то время, как дельфины только тем и занимались, что развлекались, кувыркаясь в воде. Дельфины же, со своей стороны, всегда считали, что они намного разумнее людей — именно по этой причине.

Любопытно отметить, что дельфины заблаговременно узнали о близящемся разрушении планеты Земля, и неоднократно пытались привлечь к этой опасности внимание человечества, но все их попытки были ошибочно приняты за игры с мячом или выпрашивание подачки, так что в конце концов они махнули на это хвостом и покинули Землю своим дельфиньим способом незадолго до прибытия вогенов.

Самое последнее послание дельфинов было принято за попытку сделать удивительно сложное двойное сальто назад, одновременно

насвистывая «Прекрасную Америку», но на самом деле оно гласило: Всем привет, и спасибо за рыбу.

На самом деле на этой планете были еще более разумные существа, чем дельфины. Большую часть своего времени они работали в лабораториях по изучению поведения животных, где бегали в клетках и колесах и проводили умопомрачительно изящные и тонкие опыты на людях. То, что люди не разобрались в своих взаимоотношениях с ними, их полностью устраивало.

Глава 24

Аэрокар мчался в полной тишине сквозь холодный мрак — единственное пятнышко света, безнадежно затерянное в глубокой магратейской ночи. Новый знакомый Артура был, казалось, погружен в раздумье, а когда Артур пытался время от времени вовлечь его в разговор, старик осведомлялся, удобно ли ему, и снова замолкал.

Артур попробовал прикинуть скорость, с которой они летели, но мрак снаружи был абсолютным. Не было видно ничего, что могло бы послужить точкой отсчета. Движение было таким мягким и незаметным, что он с трудом мог поверить, что они вообще движутся.

Затем далеко впереди появился крошечный огонек, и за несколько секунд он так вырос, что Артур понял, что он мчится навстречу им с неимоверной скоростью, и попытался представить себе встречную машину. Он уставился на этот огонек, но не мог различить за ним никаких ясных очертаний, и вдруг у него перехватило дыхание от ужаса — аэрокар резко снизился и устремился вперед — навстречу, казалось,

неизбежному столкновению. Их относительная скорость была умопомрачительно огромной, и Артур едва успел поглубже вдохнуть, прежде чем это кончилось. Следующим, что он увидел, было безумное серебряное сияние, окружавшее его. Он резко вывернул голову назад и успел увидеть маленькую черную точку, исчезавшую вдали. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что произошло.

Они влетели в туннель. Их неимоверная относительная скорость была огромной по отношению не к встречной машине, а к неподвижному отверстию в земле, входу в туннель. Безумное серебряное сияние было стеной туннеля, по которому они теперь неслись со скоростью нескольких сот миль в час.

Артур в ужасе зажмурился. Через некоторое время (какое — он и не пытался определить) он почувствовал небольшое снижение скорости и еще немного позже ощутил, что машина постепенно замедляет ход и мягко останавливается.

Он снова открыл глаза. Они были все еще в серебряном туннеле. Аэрокар, словно челнок ткацкого станка, скользил по пересечениям системы туннелей. Наконец, он остановился в небольшой камере с изогнутыми стальными

стенами. Здесь оканчивались еще несколько туннелей, а в дальнем конце камеры Артур увидел большой круг раздражающе тусклого света. Он раздражал, потому что обманывал зрение — невозможно было сказать, далеко или близко он находится. Артур догадался (и был абсолютно неправ), что это ультрафиолет.

Слартибартфаст обернулся и осмотрел Артура торжественно-печальными глазами.

— Землянин, — сказал он, — теперь мы в самом сердце Магратеи.

— Откуда вы узнали, что я с Земли? — спросил Артур.

— Тебе все это станет ясно, — мягко ответил старик, — по крайней мере, — добавил он, и теперь в его голосе звучало сомнение, — яснее, чем теперь.

Он продолжал: — Я должен предупредить тебя, что помещение, в которое мы сейчас пройдем, как таковые, не существует внутри нашей планеты. Оно немного слишком… большое. Мы пройдем через вход в огромную область — гиперпространство. Это может тебя обеспокоить.

Артур издал какой-то сдавленный звук.

Слартибартфаст тронул кнопку, и добавил, не особенно успокаивающе: — Я обычно до смерти

пугаюсь. Держись крепче.

Машина рванулась вперед, в круг света, и Артур неожиданно получил очень четкое представление, как выглядит бесконечность.

На самом деле, это была не бесконечность. Бесконечность сама по себе плоска и неинтересна. Смотря вверх в ночное небо, мы смотрим в бесконечность — расстояние непостижимо, и поэтому лишено смысла. Помещение, в которое влетела машина, было каким угодным, но не бесконечным, оно было просто очень очень очень большим, таким большим, что давало впечатление о бесконечности намного лучше, чем сама бесконечность.

Все пять чувств Артура сорвались с места и закружились в диком танце, когда на огромной скорости, которой, как он знал, обладает машина, они, казалось, медленно летят прочь от входа, оставшегося невидимым булавочным уколом в сияющей стене позади.

Стена.

Стена отрицала даже самое дикое воображение, обманывала его и клала на обе лопатки. Стена была настолько умопомрачительно высокой и длинной, что ее стороны, верх и низ исчезали из виду. Одно лишь головокружение при взгляде на

нее могло убить человека.

Стена казалась абсолютно плоской. Понадобилось бы тончайшее лазерное измерительное оборудование, чтобы определить, что по мере того, как она скрывается из виду — предположительно, в бесконечности — потом идет к другой стороне, падает вниз с головокружительной высоты, она также незаметно изгибается. Другими словами, стена образовывала полую сферу, сферу более 3 миллионов миль в диаметре, наполненную невообразимым светом.

— Добро пожаловать, — сказал Слартибартфаст. Аэрокар — крошечная искра — на скорости в три раза выше скорости звука неощутимо полз сквозь умопомрачительное пространство. — Добро пожаловать, — сказал Слартибартфаст, — в наш цех.

Артур потрясенно оглядывался вокруг.

Перед ним, на расстоянии, величину которого он не мог оценить или хотя бы представить, он увидел ряды непонятных сооружений, тонких сеток из металла и света, окружающих туманные сферические формы, которые висели в пустоте.

— Вот, — сказал Слартибартфаст, — где мы делаем большую часть наших планет.

— Вы хотите сказать, — сказал Артур, стара-

тельно выговаривая слова, — вы хотите сказать, что теперь начинаете все сначала?

— Нет-нет, конечно, нет, — воскликнул старик, — Галактика еще не настолько богата, чтобы платить нам. Нет, нас разбудили, чтобы осуществить только один внеочередной заказ для очень… своеобразных клиентов из другого измерения. Это может тебя заинтересовать… вон там, впереди.

Артур взглянул туда, куда указывал палец старика, и нашел взглядом висевшее в пустоте сооружение. Это, собственно, было единственное из многих сооружений, у которого шла какая-то деятельность, хотя и она была слишком незаметной, чтобы на нее стоило указывать пальцем.

В этот момент все это сооружение опоясала дуга света, и осветила, отбрасывая резкие тени, очертания, отформованные на темном шаре внутри. Очертания, очень знакомые Артуру — неровные формы, знакомые ему, как формы английских глаголов, — часть его самого. Несколько секунд он сидел молча, ошеломленный, и бессвязные мысли роились в его голове, ища тихое местечко, чтобы успокоиться и обрести смысл.

Половина его сознания говорила ему, что он прекрасно знает, на что смотрит, и что это за

очертания, другая же половина вполне резонно отказывалась принять эту мысль к рассмотрению, и слагала с себя всякую ответственность за дальнейшие умозаключения в этом направлении.

Снова вспыхнула дуга, и на этот раз не осталось уже никаких сомнений.

— Земля, — прошептал Артур.

— Если говорить точнее, Земля номер два, — бодро сказал Слартибартфаст. — Мы делаем копию. С наших же чертежей.

Наступила тишина.

— Вы хотите сказать, — произнес Артур, медленно и тщательно выговаривая слова, — что это именно вы сделали Землю?

— Ну конечно, — сказал Слартибартфаст. — Ты был когда-нибудь… кажется, это место называлось… Норвегией?

— Нет, — ответил Артур, — нет, не был.

— Жаль, — проговорил Слартибартфаст. — Ее я тоже делал. За нее, между прочим, мне дали премию. Эдакие миленькие краешки с бахромой. Я ужасно расстроился, когда услышал, что ее уничтожили.

— Вы расстроились!

— Да. Пятью минутами позже — и это бы уже

не имело значения. Веселенькая история, ничего не скажешь.

— А? — откликнулся Артур.

— Мыши просто пришли в ярость.

— Мыши пришли в ярость?!

— Именно, — мягко произнес старик.

— Но ведь в ярость, наверно, пришли и собаки, и кошки, и австралийские утконосы, и…

— Совершенно верно, но не они ведь оплачивали заказ?

— Короче, — заявил Артур, — много ли вашего времени я сэкономлю, если плюну на все, и сойду с ума прямо сейчас?

Какое-то время машина летела вперед в неловкой тишине. Затем старик терпеливо принялся за объяснения.

— Землянин, планета, на которой ты жил, была заказана, оплачена и управляема мышами. Она была уничтожена за пять минут до завершения той задачи, для решения которой она была создана, и теперь нам приходится строить новую.

Только одно слово дошло до Артура.

— Мышами? — произнес он.

— Именно, землянин.

— Прошу прощения — мы говорим о маленьких белых пушистых штучках, помешанных на сыре

и женщинах, орущих на столах, как в старых комиксах?

Слартибартфаст вежливо кашлянул.

— Землянин, — сказал он, — иногда твой способ выражения труден для понимания. Напомню, что я проспал в этой планете, то есть Магратее, пять миллионов лет, и знаю немногое о тех старых комиксах, о которых ты говоришь. Эти существа, которых ты именуешь мышами, понимаешь, они не совсем такие, как кажутся. Мыши это только отражение в нашем измерении огромных сверхразумных всемерных существ. Весь этот вздор насчет сыра и женщин — чисто внешнее.

Старик помолчал, затем сочувствующе нахмурился и продолжал:

— Боюсь, они ставили на вас опыты.

Артур обдумал это предположение. Лицо его посветлело.

— Да нет, — воскликнул он, — теперь понятно, почему получилось такое недоразумение. Нет, видите ли, на самом деле это мы обычно ставили опыты на них. Их использовали в опытах по поведению животных — Павлов и все такое. Мы давали им задания, например — научиться звонить в колокол, бегать в лабиринтах и всяких там штуках, чтобы нам стала понятна вся природа

процесса обучения. А наблюдая за их поведением, мы могли, в общем, практически все узнать о нашем собственном.

Артур затих.

Слартибартфаст мягко произнес: — Тонкости их экспериментам не занимать.

— Что? — сказал Артур.

— Есть ли способ лучше скрыть свой истинный облик, чем направить ваши мысли по ложному следу? Вдруг повернуть в лабиринте не в ту сторону, выбрать не тот кусок сыра, неожиданно издохнуть от миксоматоза — если все точно рассчитать, и повторить много раз, все это накопится, и в результате эффект будет невообразимый.

Для пущего эффекта он снова помолчал.

— Видишь ли, землянин, они на самом деле необыкновенно сверхразумные всемерные существа. Твоя планета и ее жители — основа матрицы органического компьютера, который решал задачу, рассчитанную на десять миллионов лет. Позволь рассказать тебе всю эту историю. Это займет какое-то время.

— Время, — слабо произнес Артур, — для меня теперь не самая главная проблема.

Глава 25

Есть множество проблем, так или иначе связанных с жизнью. Вот несколько наиболее широко распространенных из них: Зачем люди появляются на свет? Зачем они умирают? Зачем в промежутке они постоянно и охотно носят электронные часы?

Много, много миллионов лет назад расе сверхразумных всемерных существ (чье физическое проявление в их собственной всемерной Вселенной не лишено сходства с людьми) осточертели пререкания насчет смысла жизни. Эти существа были сыты ими по горло, в частности, потому, что подобные споры постоянно прерывали их любимое времяпрепровождение — игру в Брокианский ультра-крикет (очень любопытная игра, заключающаяся во внезапном ударе встречному по голове без всякой мало-мальски понятной причины и возможно быстром исчезновении с места происшествия). И поэтому они решили спокойно сесть, подумать, и разобраться с этим вопросом раз и навсегда.

И для этого соорудили они потрясающе колос-

сальный суперкомпьютер — настолько умный, просто умопомрачительно умный, что во время пробного пуска, еще до того, как была подключена вся его память, он уже начал с рассуждения «Я мыслю, следовательно, существую», и даже вывел доказательство существования рисового пудинга и подоходного налога прежде, чем кто-либо сумел его выключить.

Он был размером с небольшой город.

Его главный терминал разместили в специально построенном кабинете, на специально сооруженном громадном столе из ультрамореного дуба с крышкой, покрытой роскошной ультракрасной кожей. Темный ковер был потрясающе роскошен, по всей комнате были расставлены горшки с экзотическими цветами, а на стенах в тщательно продуманном беспорядке висели эстампы, изображающие главных программистов и их семьи. Высокие окна выходили на площадь, обрамленную деревьями.

В день Великого Включения два программиста, одетых в строгие деловые костюмы, явились и были тут же проведены к компьютеру. Они прекрасно понимали, что представляют всю свою цивилизацию, но вели себя в этот величайший день собранно и спокойно. Они уселись перед

монитором, открыли свои кейсы, и вынули кожаные папки с документацией по программе.

Их звали Конкил и Фут.

Несколько мгновений они сидели в почтительной тишине, затем Конкил, обменявшись с Футом быстрым взглядом, тронул небольшую черную кнопку.

Необычайно тихий гул означал, что компьютер включился и расположен начать работу. Еще через несколько секунд он заговорил. Голос его был низок и глубок.

Вот что он произнес: — На какой вопрос должен я дать ответ, я, Глубокомысленный, второй величайший компьютер во Вселенной Времени и Пространства?

Конкил и Фут пораженно переглянулись.

— Этот вопрос, о компьютер… — начал Фут.

— Нет, погодите-ка минуту, здесь что-то не так, — озабоченно прервал его Конкил. — Мы создавали этот компьютер, чтобы он был просто величайшим, и второе место нам не нужно. Глубокомысленный, — обратился он к компьютеру, — разве ты не величайший, не самый мощный компьютер в истории, согласно нашим расчетам?

— Я говорю о себе, как о втором величайшем, —

отозвался Глубокомысленный, — и говорю то, что есть.

Программисты снова переглянулись. Конкил откашлялся.

— Здесь какая-то ошибка, — сказал он. — Разве ты не мощнее Миллиард-Гаргантюмозга на Максимегалоне, который может сосчитать все атомы звезды за одну миллисекунду?

— Миллиард-Гаргантюмозг? — презрительно переспросил Глубокомысленный.

— Арифмометр. Не стоит упоминания.

— А разве ты, — возбужденно наклонившись вперед, — продолжил Фут, — не лучше, чем Звездомыслитель Гуглплекс из 7-й Галактики Света и Просвещенности, который может вычислить траекторию каждой песчинки в продолжающейся пять недель Бета-Данграбадской песчаной буре?

— Данграбадская песчаная буря? — высокомерно переспросил Глубокомысленный. — Вы вопрошаете меня, того, кто рассчитал движения каждого атома во время Большого Траха? О, не тревожь меня по пустякам. Их может рассчитать карманный калькулятор.

Оба программиста замолчали. Над ними висела неловкая тишина. Затем Конкил снова наклонился к пульту.

— Но разве ты не победишь в споре Грандиозного Гиперразумного Всерешающего Нейтрон-Жонглера с Цицерониуса 12, Великого и Непобедимого?

— Грандиозный Гиперразумный Всерешающий Нейтрон-Жонглер, — произнес Глубокомысленный, утраивая все «р», — мог бы запудрить мозги Гургану Мегамудрому — но только я после этого мог бы убедить его пораскинуть ими.

— Тогда, — спросил Фут, — что ты имеешь в виду?

— Только то, — возвестил Глубокомысленный, и в голосе его появились колокольные ноты, — что я второй величайший компьютер во Вселенной Времени и Пространства.

— Но — что значит второй? — настаивал Конкил. — Почему ты все время повторяешь — «второй»? Ты, конечно, не думаешь о Многосвязоидном Потоморотронном Мельник-Титане? Или Мысленнике? Или…

На передней панели презрительно замигали огоньки.

— Я не потрачу ни единого бита на этих кибернедоумков, — прогремел Глубокомысленный. — Ибо не о ком другом говорю я, как о том, кто придет после меня!

Фут терял терпение. Он отложил в сторону документацию и пробормотал: — Его речи становятся невыносимо мессианскими.

— Вы ничего не знаете о будущем, — произнес Глубокомысленный, — но в памяти своей, на дисках своих, могу читать в бескрайних показателях истоков будущих возможностей и сроков, и вижу, что придет, настанет день, когда появится тот, с которым не смогу не то что сравниться, но даже приблизительно сказать, какими будут его параметры. И все ж судьба моя — его построить, прежде рассчитав.

Фут тяжело вздохнул, и взглянул на Конкила.

— Может, закончим с этим и зададим вопрос? — сказал он.

Конкил жестом остановил его.

— Что же это за компьютер, о котором ты говоришь? — спросил он.

— Я больше говорить о нем не буду. Достаточно вполне — на первый раз, — ответил Глубокомысленный. — Теперь задайте мне свои вопросы, и я начну работать. Говорите.

Фут и Конкил в замешательстве пожали плечами. Фут собрался с мыслями.

— О Глубокомысленный, — произнес он, — мы создали тебя, чтоб ты ответил… Мы хотим услы-

шать… Ответ!

— Ответ? — спросил Глубокомысленный. — Какой?

— На Вопрос — Жизни! — выкрикнул Фут.

— Вселенной, — сказал Конкил.

— И Всего Такого, — сказали они хором.

Компьютер поразмыслил пару мгновений.

— Круто, — произнес он.

— Но ты можешь ответить?

Снова многозначительная пауза.

— Да, — сказал Глубокомысленный. — Могу.

— На этот Вопрос есть Ответ? — задохнувшись, возбужденно воскликнул Фут.

— Простой Ответ? — добавил Конкил.

— Да, — ответил Глубокомысленный. — Жизнь, Вселенная и Все Такое. Ответ есть. Но, — добавил он, — я должен его обдумать.

Внезапно торжественность момента была нарушена шумом у дверей. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались два разъяренных человека в грубо-тканой бледно-голубой форме Круксванского Университета. Охрана безуспешно пыталась их задержать.

— Мы требуем, чтобы нам разрешили присутствовать! — кричал тот, что помоложе, отталкивая локтем хрупкую симпатичную сте-

нографистку.

— Именно, — вторил тот, что постарше. — Вы не можете нас не впустить! — Он выбросил за дверь младшего программиста.

— Мы заявляем, что вы не можете нас не впустить, — рычал молодой, хотя уже давно был внутри, и никто больше не пытался препятствовать ему.

— Кто вы? — раздраженно спросил Конкил, поднимаясь с места. — Чего вы хотите?

— Я Маджиктиз! — гордо произнес старший.

— А я заявляю, что я Врумфундель! — прокричал молодой.

Маджиктиз повернулся к Врумфунделю.

— Ну и что? — сердито сказал он. — Об этом обязательно нужно заявлять?

— Отлично, — проорал Врумфундель, опуская тяжелый кулак на ближайший пульт. — Я Врумфундель, и это не заявление, а точный факт. Мы заявляем: нам нужны точные факты.

— Нет, не нужны! — раздраженно завопил Маджиктиз. — Это как раз то, что нам не нужно.

Едва переведя дыхание, Врумфундель снова закричал: — Нам не нужны точные факты! Нам нужно полное отсутствие точных фактов! Я заявляю, что я могу быть, а могу и не быть Врум-

фунделем!

— Да кто же, черт побери, вы такие? — разъяренно вопросил Фут.

— Мы — Философы! — ответил Маджиктиз.

— Хотя, возможно, и нет, — добавил Врумфундель, предупреждающе грозя пальцем программистам.

— Нет, мы — Философы! — настаивал Маджиктиз. — Со всей определенностью мы здесь как представители Объединенного Союза Философов, Прозорливых и Просвещенных. Эта машина должна быть выключена, и выключена немедленно!

— А в чем, собственно, дело? — спросил Конкил.

— Я скажу тебе, в чем дело, приятель, — сказал Маджиктиз. — В разделении, вот в чем!

— Мы заявляем, — снова завопил Врумфундель, — что все дело может быть, а может и не быть в разделении!

— Оставьте машинам плюсы и минусы, — говорил Маджиктиз, — а мы займемся вечными проблемами. Ты бы проверил, как там с законами. По закону Поиск Абсолютной Истины — и это изложено абсолютно недвусмысленно — исключительная прерогатива ваших мыслителей.

А тут заявляется какой-то арифмометр, и сразу ее находит, а мы без работы — так, что ли? В том смысле, что к чему тогда мы будем засиживаться за полночь, и спорить, есть Бог или нет, если эта машина заявляется и на следующее утро выдает тебе номер его телефона.

— Абсолютно верно, — крикнул Врумфундель, — мы требуем точного определения рамок сомнения и неуверенности!

Внезапно величественный голос заполнил помещение.

— Могу ли я сделать замечание по этому поводу? — осведомился Глубокомысленный.

— Мы будем бастовать! — вновь заорал Врумфундель.

— Именно, — согласился Маджиктиз. — На вашей совести будет общенациональная забастовка философов!

Гул в комнате внезапно усилился. Включились дополнительные низкочастотные динамики в лакированных, украшенных простой, но элегантной резьбой, колонках, и придали голосу Глубокомысленного еще больше силы.

— Все, что я хочу сказать, — гремел компьютер, — то, что мои мыслительные цепи сейчас полностью посвящены расчету ответа на Глав-

ный Вопрос Жизни, Вселенной и Всего Такого, — он остановился, чтобы убедиться, что все его внимательно слушают, прежде, чем продолжать, но уже не так громко. — Однако выполнение этой программы потребует некоторого времени.

Фут нетерпеливо взглянул на часы.

— Сколько? — спросил он.

— Семь с половиной миллионов лет, — ответил Глубокомыслящий.

Конкил и Фут непонимающе уставились друг на друга, затем на компьютер.

— Семь с половиной миллионов лет…! — возопили они хором.

— Да, — заявил Глубокомысленный. — Я же сказал, что должен обдумать ответ. И кажется мне, что пока я занимаюсь этими расчетами, интерес общественности к этому разделу философии значительно возрастет. У каждого будут свои гипотезы по поводу того, какой ответ я в конце концов выдам, а главное место на рынке идей будет, разумеется, занято вами. Пока ваши споры будут достаточно яростными, пока вы будете с прежним пылом поносить друг друга в печати, пока у вас будут достаточно ловкие импресарио, вы сможете удержаться в седле. Ну как, подходит?

У обоих философов отвисли челюсти.

— Тысяча чертей, — сказал Маджиктиз, — вот это, можно сказать, голова. Ему пальца в рот не клади. Слушай, Врумфундель, почему мы сами об этом не подумали?

— Не знаю, — пораженно прошептал Врумфундель, — наверно, наши мозги слишком натренированы, Маджиктиз.

С этими словами они повернулись и вышли за дверь — первый шаг в умопомрачительной карьере.

Глава 26

— Ваш рассказ меня очень успокоил, — сказал Артур, после того, как Слартибартфаст замолчал, — но я все-таки не понимаю, при чем тут Земля, мыши и все остальное.

— То, что ты слышал — всего лишь первая половина этой истории, землянин, — ответил старик. — Если ты желаешь узнать, что произошло через семь с половиной миллионов лет, в Великий День Ответа, позволь мне пригласить тебя в мой кабинет, где ты сможешь как бы сам присутствовать при этом благодаря суперсенсорной записи. Если, конечно, тебе не хочется совершить краткую прогулку по новой Земле. Боюсь, правда, что она готова только наполовину — мы еще не заложили в грунт искусственные скелеты динозавров, затем еще надо накрыть их третичным и четвертичным периодом, и…

— Нет, благодарю, — сказал Артур, — все равно это уже не то.

— Уже не то, — сказал Слартибартфаст, — да уже и не будет тем, — и он развернул машину и направил ее к стене.

Глава 27

Кабинет Слартибартфаста был похож на библиотеку после взрыва. Переступив порог, старик нахмурился.

— Вот несчастье, — пробормотал он, — взорвался диод во вспомогательном компьютере. Когда мы попытались оживить наших уборщиков, мы обнаружили, что они мертвы, вот уже почти сто тысяч лет. Хотел бы я знать, кому придется убирать трупы. Тебе лучше сесть где-нибудь там. Сейчас я тебя подключу.

Он указал Артуру на кресло. Оно выглядело так, словно было сделано из позвонка стегозавра.

— Оно сделано из позвонка стегозавра, — объяснил старик, заглядывая под рассыпающиеся груды бумаги, и выуживая из-под них обрывки проводов.

— Вот, держи, — сказал он, и подал Артуру несколько полосатых проводов.

В тот момент, когда Артур взял их, сквозь него пролетела птица.

Он висел в воздухе, абсолютно невидимый, даже для самого себя. Под ним была красивая пло-

щадь, обсаженная деревьями, а вокруг, насколько хватало взгляда — белые просторные здания, легкие, но какие-то потертые — в трещинах и пятнах от непогоды. Сегодня, впрочем, сияло солнце, свежий ветерок плясал в листве деревьев, а странное впечатление, что от всех зданий исходил ровный тихий гул, создавалось, возможно, тем, что площадь и все улицы вокруг были заполнены радостно возбужденными толпами. Где-то играл оркестр, яркие флаги трепетали на ветру, и воздух был пронизан праздничным настроением.

Артуру было необычайно одиноко — в воздухе над всеми, одно лишь бестелесное имя, но прежде, чем он успел подумать об этом, над площадью прозвучал голос и призвал всех к вниманию.

На празднично украшенной трибуне перед зданием, несомненно, главным из всех зданий вокруг, появился человек и обратился к толпе. Голос его был четко слышен во всех углах площади.

— О вы, ждущие у подножия Глубокомысленного! — выкрикнул он. — Высокочтимые Потомки Врумфунделя и Маджиктиза, Величайших и Интереснейших Оракулов во всей истории Вселенной… Время Ожидания кончилось!

Толпа взорвалась дикими криками. В воздух

взвились флаги, плакаты и звуки ручных сирен. Улицы поуже выглядели, как тысяченожки, которые перевернулись на спину и судорожно размахивают конечностями в воздухе.

— Семь с половиной миллионов лет мы ждали этого Великого Просветляющего Дня! — продолжал бравый оратор. — Дня Ответа!

Толпа билась в экстазе.

— Никогда больше мы не будем думать, просыпаясь утром: «Кто я? Какая у меня цель в жизни? Действительно ли имеет значение, если мыслить масштабами Вселенной, если я не встану и не пойду на работу?». Потому что сегодня мы, наконец, услышим раз и навсегда четкий и ясный ответ на все эти нудные проблемки Жизни, Вселенной и Всего Такого!

Снова взрыв криков, а Артур почувствовал, как скользит вниз по воздуху к одному из величественных окон в первом этаже того здания, перед которым была сооружена трибуна.

На мгновение, когда он пролетал сквозь окно, его охватила паника, но тут же исчезла, и он понял, что прошел прямо сквозь стекло, даже не почувствовав этого.

Никто в комнате не обратил внимания на его странное прибытие. В этом не было ничего уди-

вительного, потому что его там не было. Он начал понимать, что все происходящее — лишь воспроизведение стодвадцативосьмидорожечной записи прямо под шляпу зрителя, помимо его глаз и ушей.

Комната выглядела почти так, как описал ее Слартибартфаст. Семь с половиной миллионов лет ее содержали в полном порядке, и регулярно убирали раз в сто лет или около того.

Стол ультракрасного дерева пообтерся по краям, ковер, пожалуй, немного выцвел, но большой монитор возвышался в ореоле сияющей славы на обтянутой кожей крышке стола, и светился так, словно был сделан вчера.

Двое строго одетых операторов сидели перед пультом и ждали.

— Час Ответа почти пришел, — сказал один.

Артур был удивлен, увидев, как внезапно прямо в воздухе рядом с головой говорившего появилась надпись. Слово Колнгкилл мелькнуло несколько раз и снова пропало. Прежде, чем Артур смог узнать его, заговорил другой человек, и у его головы появилось слово Хвуудт.

— Семьдесят пять тысяч поколений назад наши предки заложили в компьютер эту программу, — сказал он, — и за все это время мы будем

первыми, кто услышит голос компьютера.

— Тебе не страшно, Хвуудт? — спросил первый, и Артур вдруг понял, что надписи были их именами.

— Мы услышим, — сказал Хвуудт, — ответ на Главный Вопрос Жизни…

— Вселенной! — подхватил Колнгкилл.

— И Всего Такого…!

Колнгкилл жестом оборвал разговор.

— Мне кажется, Глубокомысленный готовится что-то сказать!

Мгновение стояла тишина, полная напряженного ожидания. Огоньки на пульте ожили, замигали, как бы пробуя себя, и, наконец, замерли. Из динамиков пополз низкий мягкий гул.

— Доброе утро, — наконец, сказал Глубокомысленный.

— Э-э… доброе утро, о Глубокомысленный, — нервно отозвался Колнгкилл, — ты можешь сказать нам… э-э… то есть…

— Ваш Ответ? — величественно прервал его Глубокомысленный. — Да. Могу.

Двух операторов била нервная дрожь. Тысячелетия ожидания прошли не впустую.

— Он действительно существует? — выдохнул Хвуудт.

— Он действительно существует, — подтвердил Глубокомысленный.

— Главный Ответ? На Главный Вопрос Жизни, Вселенной, и Всего Такого?

— Да.

Обоих обучали и специально готовили к этому моменту, вся их жизнь была подготовкой к нему, они еще при рождении были выбраны, чтобы стать свидетелями Ответа, и все равно они не могли сдержать радостных восклицаний. Они хлопали друг друга по плечам, и веселились, как дети.

— И ты готов выдать его нам? — успокоившись, спросил Колнгкилл.

— Готов.

— Сейчас?

— Сейчас.

Оба оператора облизали сухие губы.

— Хотя я не думаю, — добавил компьютер, что он вам понравится.

— Неважно! — сказал Хвуудт. — Мы должны знать его! Сейчас же!

— Сейчас? — переспросил Глубокомысленный.

— Да! Сейчас!

— Отлично, — сказал компьютер и снова погрузился в молчание. Хвуудт и Колнгкилл трепетали.

Напряжение становилось невыносимым.

— Серьезно, он вам не понравится, — заметил Глубокомысленный.

— Говори!

— Отлично, — сказал компьютер. — Ответ на Главный Вопрос…

— Ну…!

— Жизни, Вселенной, и Всего Такого…, — продолжал компьютер.

— Ну…!!!

— Это… — сказал Глубокомысленный и сделал многозначительную паузу.

— Ну…!!!!!!

— Сорок два, — сказал Глубокомысленный с неподражаемым спокойствием и величием.

Глава 28

Прежде, чем кто-нибудь заговорил, прошло много, много времени.

Углом глаза Хвуудт видел море напряженно ожидающих лиц на площади.

— Нас разорвут в клочки, да? — прошептал он.

— Та еще работка, — сочувствующе произнес Глубокомысленный.

— Сорок два! — взвизгнул Колнгкилл. — И это все, чем ты можешь отчитаться за семь с половиной миллионов лет?

— Я все очень тщательно проверил, — ответил компьютер, — и со всей определенностью заявляю, что это и есть Ответ. Мне кажется, если уж быть с вами абсолютно честным, что все дело в том, что вы сами не знали, в чем Вопрос.

— Но это же Великий Вопрос! Главный Вопрос Жизни, Вселенной и Всего Такого! — почти завыл Колнгкилл.

— Да, — сказал Глубокомысленный голосом страдальца, из христианского человеколюбия просвещающего круглого дурака. — И что же это за вопрос?

Медленная тишина придавила и сковала Колнгкилла и Хвуудта. Они уставились на компьютер, а затем медленно перевели взгляд друг на друга.

— Ну, знаешь… это Все… ну… и Все Такое… — неуверенно начал Хвуудт.

— Именно! — заявил Глубокомысленный. — Итак, как только вы сможете задать Вопрос, вы поймете, что означает Ответ.

— Кошмар, — пробормотал Хвуудт, отшвыривая в сторону блокнот, и утирая невольную слезинку.

— Постой-ка, — встрепенулся Колнгкилл, — а не можешь ли ты быть так добр и **сказать** нам вопрос?

— Главный Вопрос?

— Да.

— Жизни, Вселенной и Всего Такого?

— Да.

Глубокомысленый подумал минуту.

— Круто, — сказал он.

— Но ты можешь сделать это?! — взмолился Колнгкилл.

Глубокомысленный подумал еще одну длинную минуту.

Наконец:

— Нет, — твердо сказал он.

Оба рухнули в кресло.

— Но я скажу вам, кто может, — сказал Глубокомысленный. Оба с надеждой взглянули вверх.

— Кто?

— Говори!

Артур вдруг почувствовал, как по его несуществующей коже побежали мурашки — он медленно, но неуклонно плыл вперед, к монитору. До него дошло, что таким образом оператор нагнетал напряжение.

— Не о ком ином говорю я, как о том, кто придет после меня, — возгласил Глубокомысленный, и голос его снова обрел знакомые проповедническ ие ноты. — О компьютере, даже приблизительные характеристики которого не дано мне знать, и все же я создам его для вас. О компьютере, могущем рассчитать Главный Вопрос, компьютере такой бесконечной сложности, что сама органическая жизнь станет одним из его компонентов. Вы же сами примете иной облик, и войдете в него, и будете управлять его программой — десять миллионов лет! Да! Я создам его для вас. И я также дам ему имя. И наречен он будет… Землей!

У Хвуудта отвисла челюсть.

— Какое скучное имя, — сказал он, и по телу его вдруг побежали черные царапины. Колнгкилл

внезапно тоже покрылся черными пятнами. Монитор покосился и треснул, стены закачались и рухнули, и комната сложилась вверх, к потолку…

Слартибартфаст стоял перед Артуром, держа в руках провода.

— Конец немного запорчен, — объяснил он.

Глава 29

— Зафод! Проснись!

— Ммм… Ммм…

— Ну проснись же!

— Оставьте меня в покое. Я занимаюсь тем, что у меня лучше всего получается.

— Хочешь, я тебе врежу? — спросил Форд.

— Тебе это доставит особое удовольствие?

— Нет.

— И мне тоже. Так в чем проблема? Отстань.

Зафод перевернулся на другой бок и свернулся клубочком.

— Он получил двойную дозу, — склонившись над телом, сказала Триллиан.

— У него же два горла.

— Замолчите, — пробормотал Зафод, — и так трудно заснуть. Ни подушки, ни матраса — жестко и холодно.

— Это золото, — сказал Форд.

Восхитительно балетным движением Зафод вскочил на ноги, и осмотрел горизонт — именно до него простиралась во всех направлениях идеально гладкая золотая поверхность. Она сияла,

как… нет, невозможно описать, как она сияла, потому что ничто во Вселенной не сияет так, как планета, сделанная из чистого золота.

— Кто его столько притащил? — возопил Зафод, вытаращив глаза.

— Успокойся, — сказал Форд. — Это каталог.

— Что?

— Каталог, — объяснила Триллиан, — иллюзия.

— Быть того не может, — вскричал Зафод. Он упал на четвереньки. Он ткнул золотую поверхность пальцем и поковырял ее. Он поднял кусок, валявшийся под ногами. Кусок был очень тяжелым и очень блестящим, и совсем чуть-чуть мягким — ноготь оставлял на нем след. Когда Зафод дохнул на него, на нем появилась та особенная испарина, которая появляется, когда дохнешь на чистое золото.

— Мы с Триллиан очнулись здесь не так давно, — сказал Форд. — Мы кричали и звали, пока кто-то не пришел. Мы продолжали кричать; им надоело, и нас сунули в планетный каталог, чтоб чем-нибудь занять, пока они не смогут нас принять. Это все запись.

Зафод уставился на них, и на губах его появилась горькая усмешка.

— Сволочи, — сказал он. — Вы оборвали мой собственный великолепнейший сон, чтобы показать чужой. — Он уселся и обиженно отвернулся.

— Что в тех ложбинках? — сердито спросил он.

— Выход, — ответил Форд. — Мы поглядели.

— Мы не стали будить тебя раньше, — вмешалась Триллиан. — Последняя планета была рыбной. Миллионы рыб. Мы стояли по колено в рыбе.

— В рыбе?

— У всех свои заскоки.

— А еще раньше, — вспомнил Форд, — была платина. Скучновато. Но мы подумали, что это ты захочешь увидеть.

Вспыхнул свет. Они стояли в море света — свет везде, куда ни погляди.

— Очень красиво, — проворчал Зафод.

В небе повис огромный зеленый номер. Цифры вдруг изменились, и мгновенно изменился пейзаж.

В один голос они сказали: — Ух ты!

Море было фиолетовым. Они сидели на пляже, покрытом мелкой желтой и зеленой галькой — видимо, страшно драгоценными камнями. Вдали умиротворенно изгибалась линия холмов. Неподалеку стоял пляжный столик — целиком

из серебра, над ним склонился розовато-лиловый зонтик с оборками и серебряными кистями.

В небе вместо номера появилась громадная надпись: **Желание клиента — закон, чего бы он ни пожелал.** И пятьсот обнаженных парашютисток посыпалось с неба.

В тот же момент пляж исчез, и они оказались на лугу посреди стада коров.

— О Боже! — сказал Зафод. — Спятить можно!

— Ты все о том же? — спросил Форд. — Продолжим разговор?

— Ну давай, — сказал Зафод, и все трое уселись и больше не обращали внимания на появляющиеся и вновь исчезающие пейзажи.

— Вот что я думаю, — начал Зафод. — Что бы там ни случилось с моими мозгами, это сделал я. И сделал я это таким способом, чтобы это невозможно было засечь правительственными анализаторами. И я сам не должен был знать об этом. Правда ведь, спятить можно?

Форд и Триллиан согласно кивнули.

— Смотрим дальше: что может быть настолько секретным, что я не могу позволить кому бы то ни было понять, что я знаю об этом — ни Галактическому правительству, ни себе самому? Ответ: не имею понятия. Это очевидно. Но берем

то, рядышком ставим это, и я могу попробовать догадаться. Когда я решил баллотироваться в Президенты? Вскоре после смерти Президента Юдена Вранкса. Помнишь Юдена, Форд?

— Угу, — отозвался Форд, — тот тип, которого мы встречали в детстве, капитан с Арктура. Страшный болтун.

Зафод сказал: — Он стал Президентом Галактики.

Вокруг стемнело. Черный туман клочьями носился кругами над головой и в темноте неясно шевелились слоноподобные формы. Воздух время от времени наполнялся голосами воображаемых тварей, кровожадно преследующих других воображаемых тварей. Видимо, находилось достаточно людей, которым подобная обстановка была по вкусу, если эту планету включили в каталог.

— Форд, — спокойно произнес Зафод.

— А?

— Перед самой смертью Юден приходил ко мне.

— Ты мне никогда не говорил.

— Нет.

— Что же он сказал? Зачем он приходил к тебе?

— Он рассказал мне про Золотое Сердце. Это он придумал, что я должен его украсть.

— Он?

— Ну да, и единственный способ его украсть — это быть на церемонии открытия.

Форд в крайнем удивлении открыл рот, затем закрыл его, и вдруг покатился со смеху.

— Ты хочешь сказать, что нацелился на Президентство только чтобы стащить этот корабль?

— Точно, — ответил Зафод, и улыбнулся такой улыбкой, что довела бы любого психоаналитика до камеры с мягкими стенами и прочными замками.

— Но зачем? Что в нем такого важного?

— Почем я знаю! Я думаю, если бы я точно знал и понимал, почему он так важен и вообще зачем он мне нужен, это сказалось бы на анализах и я бы попросту не прошел тестирования, когда выдвигал свою кандидатуру. Думаю, Юден мне сказал кучу всего, что все еще запрятано там, внутри.

— Значит, по-твоему, ты взял и стал копаться в собственных мозгах только потому, что Юден с тобой поговорил?

— Убеждать — это у него всегда чертовски хорошо получалось.

— Это верно. Но слушай-ка, Зафод, дружище, смотри за собой в оба.

Зафод пожал плечами.

— Так у тебя, значит, ни малейшей идеи, зачем это все? — спросил Форд.

Зафод задумался, и на лица его легла тень сомнения.

— Нет, — сказал он, — похоже, я еще не открыл себе всех секретов. Впрочем, — добавил он по дальнейшем размышлении, — я себя понимаю. Мне доверять нельзя. Мне со мной нужно быть осторожным, как рыбе с огнем.

В ту же секунду последняя планета каталога исчезла из-под их ног, и они снова очутились в реальном мире.

Они сидели в вестибюле, полном обитой бархатом мебели, витрин с моделями, и эскизов под стеклом.

Перед ними стоял высокий магратеец.

— Мыши ждут вас, — сказал он.

Глава 30

— Ну вот ты все и знаешь, — сказал Слартибартфаст. Он нерешительно озирался кругом в раздумье, с чего начать приборку своего кабинета. Он взял в руки верхний листок с одной из неровных стопок на столе, но так и не придумал, куда его положить, и сунул обратно. Стопка тут же послушно рассыпалась.

— Глубокомысленный спроектировал Землю, мы построили ее, а вы на ней жили.

— Но явились вогены, и снесли ее за пять минут до окончания проекта, — добавил Артур не без горечи.

— Именно, — рассеянно отозвался старик, и снова обвел кабинет безнадежным взором. — Десять миллионов лет подготовки, работы, — и все вот так, прахом. Десять миллионов лет, землянин!.. Можешь ли ты постичь своим разумом такой отрезок времени? Целая галактическая цивилизация пять раз могла бы вырасти из единого червя за это время. Все прахом. — Он замолчал, потом добавил:

— Для тебя, впрочем, это незначительные по-

дробности.

— Знаете, — задумчиво сказал Артур. — Все это объясняет уйму всего. Всю мою жизнь у меня было странное ощущение, что в мире происходит что-то… что-то большое, зловещее даже, а мне никто не может сказать, что.

— О нет, — ответил старик. — Это самая обычная паранойя. Она повсеместно распространена в Галактике.

— Повсеместно? Но если повсеместно, это что-то да значит! Может, где-то вне нашей Вселенной нас…

— Может. И что с того? — оборвал его Слартибартфаст, прежде чем Артур успел дать волю фантазии. — Может быть, я просто стал стар, и устал от жизни, — продолжал он, — но я думаю так: шансы выяснить, что происходит на самом деле, так абсурдно малы, что ничего больше не остается, как послать все это к черту и просто заняться чем-нибудь полезным. Возьмем меня: я проектирую побережья. У меня есть приз за Норвегию.

Он порылся в куче у дальней стены, и вытащил большой полупрозрачный куб, на котором было выгравировано его имя. Внутри куба виднелась точная модель Норвегии.

— В чем смысл? — вопросил он. — Если он и есть, то я не способен его постичь. Всю жизнь я делал фьорды. И вот один сезон они входят в моду, и я получаю главный приз.

Он повертел модель в руках, пожал плечами, и небрежно бросил ее в угол — не настолько небрежно, впрочем, чтобы она не упала на что-нибудь мягкое.

— В том варианте Земли, который мы строим сейчас, мне поручили Африку, и, конечно, я делаю ее всю в фьордах, потому, что они мне почему-то нравятся, и я достаточно старомоден, чтобы считать, что эта отделка придает континенту легкость и изящество в духе барокко. А мне говорят, что это недостаточно экваториально. **Экваториально!** Он мрачно рассмеялся. — В чем дело? Конечно, наука делает невиданные чудеса, но я с гораздо большим удовольствием буду счастлив, чем прав.

— А вы…

— Нет. Именно здесь все и разваливается.

— Жаль, — сочувствующе сказал Артур. — Все остальное звучало очень убедительно, пока речь шла о том, что надо заняться чем-нибудь полезным.

На стене зажегся белый огонек.

— Пошли, — сказал Слартибартфаст, — ты должен предстать перед мышами. Твое прибытие на планету вызвало заметный интерес. Насколько я знаю, его объявили третьим невероятнейшим событием в истории Вселенной.

— А первые два?

— Скорее всего, просто совпадения, — беззаботно ответил Слартибартфаст. Он открыл дверь, и ждал, пока Артур последует за ним.

Артур поглядел вокруг, потом вниз, на себя, на свой замызганный халат, в котором он лежал в грязи утром в четверг.

— У меня, похоже, большие проблемы с образом жизни, — пробормотал он.

— Прошу прощения? — обернулся старик.

— Нет-нет, ничего, — отозвался Артур. — Шутка.

Глава 31

Все, разумеется, отлично знают, что пустая болтовня до добра не доведет, но не всегда осознают это в полной мере.

Например, в тот самый момент, когда Артур сказал: «У меня, похоже, большие проблемы с моим образом жизни», в ткани пространственно-временного континуума открылась малюсенькая трещина, и его слова просочились далеко-далеко вспять во времени и за бесконечные просторы в пространстве в удаленнейшую Галактику, где странные и воинственные создания замерли на грани ужасной межзвездной войны.

Вожди враждующих сторон в последний раз встретились за столом переговоров.

Мрачная тишина нависла над столом, когда командир Вл'хургов, блистающий выправкой и черными, расшитыми драгоценностями, парадными шортами, бесстрастно уставился на вождя Г'гвунтов, распластавшегося напротив в облаке зеленого сладковатого дыма, и, чувствуя за спиной поддержку миллиона холодно красивых и жутко вооруженных звездных крейсеров,

готовых мечом и атомом сеять смерть по одному его слову, потребовал, чтобы злонравная тварь взяла назад то, что сказала о его маме.

Тварь зашевелилась в жирных клубящихся испарениях, и в этот самый момент слова «У меня, похоже, большие проблемы с моим образом жизни», проплыли над столом.

К несчастью, на языке Вл'хургов это было самым жутким оскорблением, какое только можно себе представить, и больше ничего не оставалось делать, как начать страшную многовековую войну.

По ходу событий, разумеется, после того, как эта Галактика опустошалась и разорялась войной пару тысяч лет, наконец, удалось понять, что все это было просто страшной ошибкой, и два враждующих флота — вернее, то, что от них осталось — объединились, чтобы атаковать нашу Галактику. Она была со всей определенностью опознана как источник жуткого оскорбления.

Еще тысячи лет могучие корабли бороздили пустые просторы космоса и, наконец, с грохотом опустились на первой попавшейся планете — оказавшейся, кстати, Землей — где из-за жуткой ошибки в масштабе весь боевой флот случайно проглотила подвернувшаяся дворняжка.

Исследователи сложной структуры причин и следствий в истории Вселенной утверждают, что подобное происходит постоянно, но предотвратить это не в нашей власти.

— Такова жизнь, — говорят они.

Выйдя из машины, Артур и старый маграте-ец оказались перед дверью. Они вошли в нее и оказались в вестибюле, полном обитой бархатом мебели, витрин с моделями и эскизов под стеклом. Почти сразу над дверью в другом конце комнаты вспыхнул сигнал, и они вошли.

Послышался возглас:

— Артур! Ты цел!

— Неужели? — отозвался весьма пораженный Артур.

Свет был притушен, и только через минуту он смог рассмотреть Форда, Триллиан и Зафода. Они сидели вокруг большого стола, красиво сервированного экзотическими блюдами, непонятными сластями и жуткими на вид фруктами. Они набивали желудки.

— Что с вами стряслось? — потребовал объяснений Артур.

— Да вот, понимаешь, — невнятно пробормотал Зафод, вгрызаясь в кусок жареного мяса на косточке, — наши хозяева усыпили нас газом,

заглянули нам в мозги, и не нашли ничего интересного. Им это надоело, и они решили вместо извинения угостить нас весьма неплохим обедом. Вот, держи! — Он вытащил из-под крышки кусок отвратительно вонючего мяса. — Это котлета из Вего-Носорога. Деликатесная вещь, если у тебя действительно тонкий вкус.

— Хозяева? — спросил Артур. — Какие хозяева? Не вижу никаких…

И услышал негромкий голосок: — Сядь к нашему столу, создание с Земли.

Артур оглянулся и вдруг вскрикнул: — Фу! На столе мыши!

В наступившей неловкой тишине все укоризненно уставились на Артура.

Он, в свою очередь, уставился на двух белых мышей, сидевших каждая в некоем подобии стакана для виски на краю стола. Он почувствовал возникшую паузу и огляделся. До него вдруг дошло.

— О, — сказал он, — простите, я как-то не сразу сообразил.

— Позвольте вас представить, — вмешалась Триллиан. — Артур — мышь Бенджи.

— Привет, — сказала одна из мышей. Ее усики коснулись стенки стаканоподобной штуки, и

стакан чуть-чуть подвинулся вперед.

— Артур — мышь Фрэнки.

Другая мышь сказала: — Очень рад познакомиться, — и сделала то же самое.

У Артура отвисла челюсть.

— Но разве это не…

— Да, — ответила Триллиан. — Это те самые мыши, которых я взяла с Земли.

Она взглянула Артуру в глаза, и ему показалось, что он прочел в ее взгляде слова: — Ну, и что же я могу тут поделать?

— Ты не будешь так добр передать мне вон ту тарелку с обжаренным боком арктурианского мегосла? — спросил Зафод.

Слартибартфаст вежливо кашлянул.

— Э-э, прошу прощения…

— Да, спасибо, Слартибартфаст, — резко сказал Бенджи, — можешь идти.

— Как? Э-э… ну, прекрасно, — обескураженно проговорил старик, — тогда я пойду и займусь своими фьордами.

— Вообще говоря, можешь их оставить, — сказал Фрэнки. — Очень похоже на то, что нам теперь не понадобится новая Земля. — Он прищурил розовые глазки. Теперь, когда мы нашли обитателя этой планеты, который там был за секунду

до ее гибели.

— Что? — Слартибартфаст был сражен. — Возможно ли это? У меня для Африки готова тысяча ледников!

— Что ж, может быть, ты еще успеешь взять отпуск за свой счет и покататься на лыжах до того, как твои ледники вернут на склад, — холодно сказал Фрэнки.

— Покататься на лыжах! — возопил старик. — Мои ледники — произведение искусства! Элегантные контуры, скульптурные ледяные шпили, величественные, бездонные трещины! Это святотатство — кататься на лыжах по высокому искусству.

— Спасибо, Слартибартфаст, — твердо сказал Бенджи. — Это все.

— Слушаю, сэр, — выпрямился старик. — Благодарю вас от всего сердца. Ну что же, счастливо, землянин, — обратился он к Артуру, — надеюсь, наш образ жизни когда-нибудь совпадет.

Коротко кивнув остальным, он повернулся и печально побрел к двери.

Артур смотрел ему вслед и не знал, что сказать.

— Теперь, — сказал Бенджи, — за дело.

Форд и Зафод зазвенели бокалами, и восклик-

нули: — За дело!

— Прошу прощения? — сказал Бенджи.

Форд огляделся.

— Извините, я думал, это тост, — объяснил он.

Мыши раздраженно заметались в своих стаканах. Наконец, они успокоились, и Бенджи, выступив немного вперед, обратился к Артуру:

— Итак, создание с Земли, — начал он, — ситуация такова. Мы, как ты знаешь, где-то, как-то, по большому счету управляли твоей планетой последние десять миллионов лет, чтобы найти эту чертовщину — так называемый Главный Вопрос.

— Зачем? — резко спросил Артур.

— Нет — мы об этом уже думали, — вмешался Фрэнки. — Не подходит. **Зачем? — Сорок два...** Видишь, не то.

— Нет, я говорю, зачем он вам понадобился?

— А, ясно, — сказал Фрэнки. — Я думаю, это постепенно просто стало привычкой, если уж смотреть жестокой правде прямо в глаза. Вот тебе — в той или иной степени — причина: мы сыты всем этим по горло, и от мысли, что теперь придется начинать все заново из-за этих полоумных вогенов, я, честно говоря, просыпаюсь ночами с дикими воплями. А потом так и трясусь до са-

мого утра, так что стекла лопаются, понятно? По чистейшей случайности Бенджи и я закончили свою работу, и, к счастью, покинули планету раньше — у нас был короткий день — а потом пробрались обратно на Магратею благодаря услугам твоих друзей.

— Магратея — это вход обратно к нам, — вставил Бенджи.

— А потом, — продолжал его коллега, — нам предложили жирнющий контракт — серия телеинтервью в пяти измерениях и турне с лекциями в нашем родном измереньице, и мы очень намерены принять это предложение.

— Я бы согласился, а ты, Форд? — Зафод искушающе наклонился вперед.

— Руками и ногами бы ухватился, — ответил Форд, — и зубами тоже.

— Но мы, видишь ли, должны иметь результат, — продолжал Фрэнки. — То есть: все равно нужен Главный Вопрос — в любом виде.

Зафод наклонился к Артуру.

— Я вот думаю, — сказал он, — сидят они сейчас этак, можно сказать, нога на ногу, и мимоходом вспоминают: Ах да, мы же знаем Ответ — Жизнь, Вселенная, и Все Такое, — а потом им приходится признать, что это всего лишь Сорок Два… тогда,

похоже, свечи гаснут, спектакль окончен. Конец записи.

— Мы должны иметь что-то, что хорошо звучит, — сказал Бенджи.

— Хорошо звучит? — вскричал Артур. — Главный Вопрос, который хорошо **звучит?** Для пары мышей?

Мыши заволновались.

Фрэнки заявил: — Мы говорим: Да здравствует стремление к идеалу! Да здравствует доблесть чистого поиска! Да здравствует обретение истины во всех ее проявлениях; но тут, боюсь, происходит неожиданный поворот сюжета, и начинаешь подозревать, что если и есть настоящая **истина** — так это то, что всей многомерной бесконечностью Вселенной, по всей вероятности, управляет кучка безумцев. И если дело идет к выбору: потратить еще десять миллионов лет, чтобы это выяснить окончательно, или, с другой стороны, урвать свой кусок пожирнее и смыться, то я лично выбираю второе.

— Но… — безнадежно начал Артур.

— Короче, землянин, уясни себе вот что, — оборвал его Зафод. — Ты — продукт последнего поколения матрицы компьютера, так, и ты был там как раз до того момента, пока планета не

разлетелась в куски, так?

— Э-э…

— А твой мозг был непосредственной составляющей органической конфигурации программы компьютера, — продолжил Форд — как ему показалось, весьма доходчиво.

— Ясно? — сказал Зафод.

— Ну… — протянул Артур. Он не был уверен, что когда-либо чувствовал себя непосредственной составляющей чего угодно. Ему всегда это казалось одной из самых больших его проблем.

— Другими словами, — сказал Бенджи, и подвел свою стеклянную машинку вплотную к Артуру, — существует большая вероятность того, что структура Вопроса записана в твоем мозгу. Так что мы хотим его у тебя купить.

— Что, Вопрос? — спросил Артур.

— Да, — сказали Форд и Триллиан.

— За большие деньги, — сказал Зафод.

— Нет-нет, — сказал Фрэнки, — мы хотим купить этот мозг.

— Что!

— А кто догадается, что у тебя его не будет? — ехидно осведомился Бенджи.

— Вы вроде говорили, что можете прочесть Вопрос в его мозгу электроникой, — возразил Форд.

— Разумеется, — ответил Фрэнки, — но сначала его нужно вынуть. Достать. Приготовить.

— Обработать, — добавил Бенджи.

— Протравить.

— Спасибо, — вскричал Артур, и в ужасе отскочил от стола.

— Его всегда можно заменить, — резонно заметил Фрэнки, — на что-нибудь простенькое.

— Простенькое! — задыхался Артур.

— Ну да, — вставил Зафод, и на лицах его вдруг появилась зловещая ухмылка. — Заложить программу: говорить только «Что?», потом — «Я не понимаю», еще — «Где чай?». Разницы никто и не заметит.

— Что? — взвизгнул Артур.

— Вот видишь, — тут же сказал Зафод, и взвыл от боли, потому что Триллиан что-то сделала в этот самый момент.

— **Я** замечу разницу, — крикнул Артур.

— Совсем нет, — ответил Фрэнки, — это мы заложим в программу.

Форд встал и направился к двери.

— Вот что, мышата, — сказал он. — Не думаю, что это дело выгорит.

— А мы думаем, что ему придется выгореть! — хором сказали мыши, и из их голосов мигом

исчезло обаяние бизнесменов. С пронзительным свистом их машинки поднялись со стола, и ринулись на Артура, который забился в дальний угол, и не мог ни двинуться, ни подумать о возможном спасении.

Триллиан в отчаянии схватила его за руку, и потянула к двери, которую безуспешно пытались открыть Форд и Зафод, но Артур повис мертвым весом — казалось, его заворожили стеклянные снаряды, вьющиеся вокруг его головы. Триллиан кричала на него, но он застыл на месте с открытым ртом.

Еще один удар — Форд и Зафод, наконец, открыли дверь. На пороге появилась группа очень некрасивых людей. В них безошибочно можно было признать магратейских громил. Не только сами они были некрасивы, но и медицинское оборудование, которое они принесли, особой привлекательностью не отличалось.

Итак: Артуру собираются вскрыть череп, Триллиан не может ему помочь, Форд и Зафод стоят лицом к лицу с громилами, которые намного тяжелее их и лучше, намного лучше вооружены.

В общем, необыкновенно удачным в этот момент было то, что вдруг каждая сирена общей тревоги системы защиты Магратеи разразилась

душераздирающим ревом.

Глава 32

«Тревога! Тревога!» — вопили громкоговорители по всей Магратее. **«На планету приземлился враждебный корабль. Вооруженное вторжение в секции 8А! Станции защиты, станции защиты!»** Мыши раздраженно обнюхивали осколки своих машинок.

— Проклятье, — бормотал Фрэнки, — столько шума вокруг двух фунтов мозгов с гнилой планетки. — Он носился кругами, его розовые глаза горели, мягкий белый мех сыпал электрическими искрами.

— Единственное, что мы можем сейчас сделать, — сказал Бенджи, усевшись на задние лапы, и задумчиво поглаживая усики, — попробовать подделать Вопрос, придумать такой, чтобы сносно звучал.

— Круто, — сказал Фрэнки. Он подумал и предложил: — Как насчет **Что желтое и опасное?** Бенджи подумал и ответил: — Не пойдет. Не подходит к ответу.

Они еще на несколько секунд погрузились в молчание.

— Ну ладно, — сказал Бенджи. — **Что получится, если шесть помножить на семь?**

— Нет, нет, слишком явно, слишком буквально. Публике это будет не интересно.

Они подумали еще.

И Фрэнки сказал: — Мысль! **Сколько путей должен каждый пройти?**

— А! — произнес Бенджи. — Ага, это уже что-то. — Он повторил фразу, прислушиваясь к ее звучанию: — **Сколько путей должен каждый пройти?** Звучит очень значительно, но не обязывает доискиваться до смысла… **Сколько путей должен каждый пройти? — Сорок два.** То, что надо! На это они клюнут. Фрэнки, старина, мы спасены!

В восторге они проделали несколько замысловатых па.

Возле них на полу лежало несколько очень некрасивых людей, которым стукнули по головам самыми тяжелыми макетами.

В полумиле от этого вестибюля четыре фигуры неслись по коридору в поисках выхода. Они вбежали в огромный компьютерный зал. Они дико огляделись.

— Куда, Зафод? — хрипло спросил Форд.

— Методом тыка, скажем, сюда, — сказал За-

фод и ринулся направо в проход между рядами компьютерных блоков. Остальные двинулись за ним, как вдруг луч лазерного ружья системы Смерть-и-Вужас разрезал воздух и кусочек стены перед самым его носом.

Голос, многократно усиленный мегафоном, раскатился по залу: — Эй, Библброкс, стой, где стоишь. Мы тебя накрыли.

— Фараоны! — в полной панике завопил Зафод и, согнувшись вдвое, обернулся. — Форд, хочешь попытать счастья? Твоя очередь выбирать.

— Ладно, пошли сюда, — сказал Форд, и они метнулись в сторону.

В конце прохода появилась неуклюжая, но очень жуткая фигура в тяжелом скафандре. Она размахивала весьма неприятным с виду смерть-вужасом.

— Ты нам нужен живым, Библброкс! — крикнула фигура.

— Мне тоже! — крикнул в ответ Зафод, и нырнул в широкий проход между двумя огромными блоками. Остальные ринулись за ним.

— Их двое, — сказала Триллиан. — Мы в ловушке.

Они втиснулись в щель между блоком и стеной.

Они затаили дыхание и ждали.

Вдруг воздух вспыхнул смертоносными лучами — оба фараона одновременно открыли огонь. Какое-то время, правда, блок еще мог продержаться.

— Они же стреляют в нас! — крикнул Артур, скорчившись в углу. — Мне показалось, мы нужны живыми.

— Угу, и **мне** показалось, — согласился Форд.

Зафод на мгновение высунулся из укрытия.

— Эй, — крикнул он, — я думал, вы сказали, что я нужен живым, — и тут же нырнул обратно.

Они подождали.

Через несколько секунд последовал ответ: — Тяжела работа фараона!

— Что он сказал? — пораженно прошептал Форд.

— Он сказал: **Тяжела работа фараона!**

— Ну, так это его проблема, а?

— В общем, конечно, так…

Форд крикнул: — Эй, послушайте! Вы тут палите в нас, так что нам своих забот хватает. Может, если вы не будете навешивать нам еще и свои, будет легче договориться?

Снова молчание, и опять искаженный мегафоном голос:

— Слушай, парень! Ты встретил не узколобых кретинов — палец на спусковом крючке, нижняя челюсть, глаза с прищуром и все такое прочее, и поговорить с ним не о чем. Нет! Мы — интеллигентные фараоны, душевные, и, может, даже подружились бы с вами — если бы встретились в другом месте. Я не стреляю налево и направо в каждого встречного и поперечного, чтобы потом хвастаться в притонах для космических бродяг — хотя я знаю фараонов и такого сорта! Я стреляю налево и направо в каждого встречного и поперечного, а потом меня долго мучает совесть, и я со слезами признаюсь во всем своей подружке!

— А я пишу романы! — подключился другой. — Но еще ни одного не издали, так что предупреждаю: у меня жу-у-у-уткое настроение!

Глаза Форда полезли из орбит.

— Кто это? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Зафод. — Честно говоря, стрельба меня устраивала больше.

— Руки за голову и выходите оттуда! Впереди — двуглавый! — снова послышался голос. — Или вас выкурить?

— А что вам больше нравится? — крикнул Форд.

Микроскопической долей секунды позже снова

начался обстрел, и смерть-вужас-разряды вонзились в блок, защищавший их.

Несколько секунд обстрел не прекращался.

Когда он прекратился, на время наступила полная тишина, и только где-то по коридорам еще блуждало далекое эхо.

— Вы еще там? — крикнул один из фараонов.

— Да, — крикнул Форд.

— Все это дело не доставляет нам особого удовольствия, — прокричал другой.

— Мы чувствуем, — ответил Форд.

— Теперь слушай, Библброкс, и слушай внимательно!

— Ну что? — крикнул Зафод.

— Слушай внимательно! То, что мы скажем — очень разумно, достаточно выгодно и гуманно. Итак — или вы сдаетесь и позволяете нам побить вас — не сильно, мы категорически возражаем против бессмысленной жестокости — или мы взрываем к чертям эту планету и еще парочку тех, что видели по дороге сюда!

— Вы что, спятили? — крикнула Триллиан. — Вы не сделаете этого!

— Еще как сделаем! — ответил фараон. — Точно ведь?

— Конечно. Придется, о чем разговор, — отве-

тил другой.

— Но зачем?

— Да затем, что есть вещи, которые приходится делать, даже если ты просвещенный фараон — либерал, гуманист и все такое прочее!

— Я этим ребятам не верю, — пробормотал Форд, покачав головой.

За блоком снова послышались голоса.

— Еще чуть-чуть?

— Давай.

И они снова открыли огонь.

Жар и шум стали невыносимыми. Медленно, но верно блок компьютера начал плавиться. Передняя панель расплавилась почти вся, и ручейки горячего металла уже подбирались, змеясь, к четырем фигурам, съежившимся в углу.

Они забились в самый угол и ждали конца.

Глава 33

Но конец так и не пришел, по крайней мере, на этот раз.

Выстрелы внезапно оборвались. В неожиданно наступившей тишине вдруг прозвучали несколько странных сдавленных возгласов, и затем — короткие звуки падения чего-то тяжелого.

Четверо уставились друг на друга.

— Что случилось? — спросил Артур.

— Они перестали стрелять, — пожал плечами Зафод.

— Почему?

— Не знаю. Хочешь — пойди и спроси.

— Нет.

Они ждали.

— Эй, — крикнул Форд.

Ответа не было.

— Странно.

— Может, они притаились, чтобы нас выманить?

— Ума не хватит.

— А что это были за звуки.

— Не знаю.

Они подождали еще немного.

— Ладно. Я пойду посмотрю, — вызвался Форд.

Он оглядел остальных.

— Никто не скажет: «Ты здесь нужнее. Пойду я»?

Все промолчали.

— Ну что же, — сказал Форд и встал.

В первую секунду ничего не произошло.

Еще через секунду или две так ничего и не произошло. Форд пытался что-нибудь разглядеть через густой дым, клубами валивший из развороченного компьютера.

Форд осторожно вышел из укрытия.

Так ничего и не произошло.

Сквозь густой дым Форд с трудом увидел в двадцати метрах одного из фараонов. Тот лежал, скорчившись на полу. Неподалеку лежал второй. Больше никого не было видно.

Все это показалось Форду необычайно странным.

Каждый нерв его дрожал, когда он медленно подходил к ближнему телу. Оно лежало успокаивающе неподвижно, пока он шел, и продолжало лежать успокаивающе неподвижно, когда он приблизился и наступил на смерть-вужас, который все еще сжимали мертвые пальцы.

Форд нагнулся и поднял его, не встретив сопротивления.

Фараон был очевиднейшим образом мертв.

Поверхностный осмотр показал, что он — метанодышащая форма жизни с Каппы Благулона, и в кислородной атмосфере Магратеи полностью зависел от качественной работы своего скафандра. Как оказалось, миникомпьютер в ранце, обеспечивавший качество работы скафандра, неожиданно взорвался.

Форд огляделся вокруг в весьма понятном изумлении. Питание к таким компьютерам поступает от главного корабельного компьютера, с которым они напрямую связаны через суб-эфир. Такая система полностью застрахована от неполадок, и причиной ее отказа может быть только полный выход всей системы питания вместе с дублирующими сетями из строя — вещь неслыханная.

Форд поспешно осмотрел второе тело, и обнаружил, что с ним случилась та же невероятная вещь — скорее всего, в то же самое время.

Он позвал взглянуть остальных. Они тоже были очень удивлены, но не разделяли его любопытства.

— Давайте уносить ноги, — сказал Зафод. — Если то, что я, предположим, ищу, находится здесь,

то мне этого уже не надо. — Он схватил второй смерть-вужас, развалил пополам абсолютно безвредный шкаф поблизости, и ринулся по коридору. Остальные последовали за ним.

Вылетев за угол, Зафод едва не раскромсал на мелкие кусочки аэрокар, который ждал их чуть поодаль.

За рулем никого не было, но Артур узнал машину, принадлежавшую Слартибартфасту.

К приборной доске была прикреплена записка от него. На записке была нарисована стрелка, указывающая на одну из кнопок.

И еще там было написано: **Может быть, это та самая кнопка, которая вам нужна.**

Глава 34

Аэрокар тронулся с места, и помчал их на скорости больше 17 **R** по стальным туннелям на удручающую поверхность планеты, сдавленную очередными тусклыми утренними сумерками.

R — единица скорости, определяемая как разумная скорость следования и зависящая от трех параметров: вреда для здоровья, ущерба для психической полноценности, и опоздания не более, чем на пять минут. Таким образом ясно, что эта единица изменяется практически беспредельно в зависимости от обстоятельств, поскольку первые два параметра зависят не только от абсолютной скорости, но и от того, насколько принят во внимание третий параметр. Если к решению этого уравнения не относиться с должным спокойствием, дело может кончиться немалым потрясением, травмами, а возможно, и летальным исходом.

17 R — не точно определенная величина, но совершенно ясно, что это очень и очень слишком быстро.

Аэрокар еще прибавил скорости, доставил их к Золотому Сердцу, торчавшему на равнине,

словно окаменевшая кость из земли, а затем без колебаний отправился обратно, видимо, по своим важным делам.

Дрожа от холода они стояли и смотрели на корабль.

Рядом с ним стоял еще один.

Это был полицейский корабль с Каппы Благулона — похожее на растолстевшую акулу судно, зеленоватое и покрытое черными кривыми надписями разных размеров и степеней враждебности. Надписи сообщали каждому, кому пришло бы в голову их читать, откуда этот корабль, к какому полицейскому отделению он приписан, и где должны подсоединяться силовые кабели.

Корабль казался неестественно темным и неподвижным, даже для корабля, у команды которого несколько минут назад перехватило дыхание в наполненной дымом комнате глубоко под землей. Кстати, хотя это невозможно объяснить, но когда корабль мертв, это сразу видно.

Форд увидел это и решил, что здесь какая-то загадка — и корабль, и его команда вдруг ни с того, ни с сего скончались. Исходя из собственного опыта, он считал, что подобные вещи не входят в правила игры.

Зафод, Триллиан и Артур тоже ощутили дыха-

ние смерти, но еще быстрее они ощутили резкий холод, и, страдая острым приступом отсутствия любопытства, поспешили в Золотое Сердце.

Форд остался один и пошел осмотреть благулонский корабль. На пути он споткнулся о неподвижное стальное тело, лежавшее лицом вниз в холодной пыли.

— Марвин! — воскликнул он. — Что ты делаешь?

— Прошу вас, считайте, что я не достоин вашего внимания, — послышался приглушенный траурный голос.

— Как дела, кибер? — спросил Форд.

— Я скорблю.

— Что нового?

— Не знаю, — сказал Марвин. — Ничто не ново под луной.

— А почему, — спросил Форд, опускаясь рядом на корточки, — ты лежишь здесь в пыли? И лицом вниз?

— Это очень хороший способ чувствовать себя несчастным, — ответил Марвин. — Не притворяйся, что хочешь со мной поговорить. Я знаю, ты меня терпеть не можешь.

— Совсем наоборот.

— Нет, не наоборот. Все меня ненавидят. Так

устроена Вселенная. Стоит мне только заговорить с кем-то, и меня уже ненавидят. Даже роботы. А если ты не будешь обращать на меня внимания, может статься, я просто уйду.

Он резко поднялся на ноги и стоял, решительно отвернувшись от Форда.

— Вон тот корабль меня ненавидел, — сказал он, указывая на благулонское судно.

— Тот корабль? — Эта новость вдруг заинтересовала Форда. — Что с ним случилось? Ты знаешь?

— Он ненавидел меня потому, что я с ним заговорил.

— Ты **говорил** с ним? — воскликнул Форд. — Как это?

— Очень просто. Мной овладели скука и скорбь, я пошел и подключился к его внешнему входу. Я долго с ним говорил, и объяснил ему свое понимание Вселенной, — сказал Марвин.

— И что же случилось? — спросил Форд.

— Он покончил с собой, — сказал Марвин, и заковылял к Золотому Сердцу.

Глава 35

В ту ночь корабль Золотое Сердце спешил изо всех сил, стараясь оставить между собой и Туманностью Лошадиная Голова как можно больше световых лет. Зафод уселся в рубке под пальмой, и пытался привести свои мозги в порядок с помощью сверхдоз Всегалактического «Мозгобойного»; Форд и Триллиан сидели в углу и болтали о жизни и тому подобных мелочах; Артур же растянулся на койку в своей каюте, и лениво играл кнопками фордовского Галактического Путеводителя. Он решил: похоже, мне придется жить по здешним правилам, пора потихонечку их изучать.

Он наткнулся на следующее:

История любой крупной галактической цивилизации проходит три резко отличных фазы: фазы Выживания, Вопроса и Искушенности, известных также под названиями Что-, Зачем-, и Где-фаз.

К примеру, первая фаза определяется вопросом Что мы будем есть? вторая — Зачем мы едим? а третья — Где мы сегодня поужинаем? Тут его пре-

рвал сигнал вызова. Послышался голос Зафода.

— Эй, землянин! Как насчет пожрать?

— Ну что ж, я бы пожевал чего-нибудь, — ответил Артур.

— Отлично, держись крепче, — сказал Зафод. — Перекусим в ресторане «Конец Вселенной».